

Свящ. А. Н. Соболевъ.

ЗАГРОБНЫЙ МІРЪ

ПО ДРЕВНЕ-РУССКИМЪ ПРЕДСТАВЛЕНІЯМЪ.

(Литературно-историческій опытъ изслѣдованія
древне-русскаго народнаго міросозерцанія).

СЕРГІЕВЪ ПОСАДЪ.

Изданіе книжнаго магазина М. С. **Елова**

1913.

ВВЕДЕНІЕ.

Далеко за горизонтомъ скрывается жизнь древне-русскаго человѣка. Многими прошедшими столѣтіями заставлена она отъ нашего взора, но заглянуть въ эту далекую жизнь представляетъ много интереса. Тамъ, въ глубинѣ вѣковъ, жилъ нашъ предокъ, онъ мыслилъ и дѣйствовалъ; онъ слагалъ свои взгляды на природу и самого себя, слагалъ свои представленія на жизнь и смерть, развивалъ свои религіозныя возрѣнія, устанавливалъ обряды, устраивалъ свое общество; выражалъ свои мысли посредствомъ членораздѣльныхъ звуковъ, пѣлъ пѣсни и былины и изображалъ свои мысли письменами...

Заглянуть въ эту далекую жизнь предка составляетъ задачу настоящаго труда. Но жизнь предка, какъ вообще жизнь всякаго человѣка, всеобъемлема. Охватить и заразъ использовать всю ея полноту врядъ ли хватитъ человѣческой жизни, а посему я ограничусь только однимъ частичнымъ изслѣдованіемъ,—я постараюсь изобразить, какъ нашъ далекій предокъ представлялъ себѣ загробный міръ.

Ставя своей задачей рѣшеніе вопроса, какъ далекій предокъ представлялъ себѣ загробный міръ, я прежде изложу самый процессъ развитія эсхатологи-

ческихъ представлений у предка и отмѣчу матеріаль, которымъ буду пользоваться при составленіи своего труда.

Развитіе представлений у человѣка, подобно развитію организма, происходитъ не вдругъ, а постепенно. Въ младенчествѣ человѣкъ полагаетъ первое знакомство съ окружающимъ и у него начинается слагаться кругъ представлений. Этотъ кругъ представлений на первыхъ порахъ бываетъ очень скуденъ, да и самыя представленія отличаются неясностью и неточностью.

Продолжая расти, человѣкъ начинаетъ умственно развиваться. Его кругозоръ расширяется. Онъ болѣе начинаетъ знакомиться со всѣмъ окружающимъ его и лучше во всемъ давать себѣ отчетъ. Кругъ представлений у него становится полнѣе: въ него вносятся новые и и новые элементы. Старое имъ не позабывается, но подъ вліяніемъ приобретаемаго новаго и благодаря развитію самосознанія, начинаетъ приобретать болшую ясность, становится полнѣе и точнѣе. Такъ происходитъ у человѣка развитіе круга представлений и приобретение ихъ ясности, полноты и относительной точности. Такъ, приблизительно, шло и развитіе представлений о загробномъ мірѣ у нашего предка.

Предки наши, какъ говорятъ историки¹⁾, прежде чѣмъ придти на русскую равнину, жили на Карпатахъ, гдѣ они, какъ часть, входили (какъ и теперь входятъ) въ одно общее славянское племя, занимавшее за много вѣковъ до Р. Х. обширныя земли, про-

1) Сол овьовъ, Ключевскій и др.

стиравшіяся на сѣверъ и востокъ отъ Карпатовъ и своими отраслями даже достигавшія Англии, Голландіи, Швейцаріи, Италиі, Пелопонеса ¹⁾). Однако не здѣсь таится первоначальная жизнь нашего предка, не здѣсь скрывается начало жизни всего славянскаго племени, не здѣсь предокъ-славянинъ сложилъ и свои первыя представленія. Жизнь его скрывается въ далекой доисторической эпохѣ, той эпохѣ, когда славяне-предки, вмѣстѣ съ другими индо-европейскими народами, составляли одно арійское племя ²⁾). Въ глубинѣ этой доисторической эпохи текла младенческая жизнь нашего предка и здѣсь у него сложились первыя міровоззрѣнія. Въ эту древнюю эпоху первобытный предокъ своимъ неопытнымъ умомъ доискивался причины различныхъ явленій, началъ развивать свою фантазію и сложилъ первое представленіе о загробной жизни. Отсюда свой запасъ онъ понесъ на Карпаты и принесъ на русскую равнину, пополняя его то тамъ,

¹⁾ Шафарикъ. „Славянскія древности“, т. I, Москва, 1837 г.

²⁾ Вопросъ о мѣстѣ жительства арійскаго племени въ наукѣ точно еще не разработанъ. Существующія теоріи: европейская и азіатская, подвергаются новѣйшими учеными критикѣ, но эти ученые, сами не указывая точно мѣста жительства арійцевъ, примыкаютъ то къ той, то къ другой. Вообще о мѣстѣ жительства арійцевъ можно сказать словами профессора И. Н. Смирнова, что „родину аріевъ слѣдуетъ искать въ старомъ свѣтѣ: Европѣ, Южной Азіи или тропической Африкѣ“ („Очерки культурной исторіи южныхъ славянъ“. Вып. I, 61 ст. Казань 1900 г.). Для насъ, конечно, важно было бы звать правильное рѣшеніе этого вопроса, но, за неимѣніемъ его, намъ въ своемъ трудѣ объ этомъ приходится умалчивать. Но что предки-славяне откуда-то пришли на Карпаты, это не подлежитъ сомнѣнію, о чемъ говорятъ всѣ ученые, изслѣдующіе этотъ вопросъ (Смирновъ, Забѣлинъ, Момсенъ, Линкъ, Шафарикъ и др.)

то здѣсь¹⁾. На Карпатахъ предокъ сталкивался съ различными народами: Кельтами, Германцами, Римлянами, которые тѣснили его, заставляя мѣнять границы своихъ земель. Живя же на Руси, мы видимъ его торгующимъ невольницами въ Булгарѣ²⁾, посѣщающимъ сѣверные берега Чернаго моря, населенные Греками, ѣдущимъ изъ Византіи съ награбленнымъ добромъ, воюющимъ съ Аварами и Хазарами и платящимъ послѣднимъ дань „по бѣлѣй вереницѣ отъ дыма и мечу³⁾“.

Приходя въ столкновеніе съ различными народами, изъ которыхъ нѣкоторые имѣли уже хорошо развитый культъ (напр. Греки и Римляне), предокъ всюду встрѣчалъ различныя воззрѣнія на загробную жизнь. Естественно, что онъ знакомился съ этими воззрѣніями,—многое заимствовалъ и тѣмъ пополнялъ кругъ своихъ представленій загробнаго міра. Но чужое заимствовалось предкомъ не цѣликомъ, не безусловно. Его организмъ втягивалъ въ себя только то, что было ему сродно, что подходило къ его духу, что могло

1) „Славяне, — говорятъ проф. И. Н. Смирновъ, — являясь на Балканскомъ полуостровѣ и среднемъ Дунаѣ, принесли съ собой кое-что изъ культуры“. (Очерки ист. южн. славянъ, вып I, 99 ст. Казань 1900 г.). Если принесена была культура, хотя и незначительная, то естественно предположить, что принесены были и представленія о загробномъ мірѣ, такъ какъ съ явленіемъ смерти предокъ былъ знакомъ на первыхъ же шагахъ своей жизни. Это подтверждаетъ и Буслаевъ въ своихъ „Историческихъ очеркахъ“, когда говоритъ, что „Славяне твердо вѣрили, что основныя преданія были откуда-то издалека принесены на ихъ родину предками, а когда составились — неизвѣстно, потому что были даны отъ боговъ“ (т. I, 19 ст. Спб. 1861 г.).

2) Гаркави. „Сказанія мусульманскихъ писателей о Славянахъ и Русскихъ“. Спб. 1870 г. (см. свид. Ибнъ-Фодлана).

3) Полное собраніе русскихъ лѣтописей, т. I, 7 ст.

только пополнить добытое имъ и безъ труда могло быть усвоено. Это заимствованное перерабатывалось предкомъ на свой ладъ, при чемъ теряло многія черты и становилось для предка уже его собственною плотию и кровію. Кругъ представленій древне-русскаго челоуѣка, такимъ образомъ, переработывался, пополнялся, и предокъ начиналъ въ представленіяхъ загробнаго міра давать себѣ болѣе отчета.

Такъ, мнѣ кажется, постепенно шло развитіе представленій загробнаго міра у нашего язычника-предка.

Язычество на русской равнинѣ, какъ извѣстно, смѣняется христіанствомъ. Завезенное изъ Греціи на Русь въ варяжской ладѣ и бывъ первоначально достояніемъ единичныхъ личностей, христіанство въ X вѣкѣ принимается великимъ княземъ Владиміромъ, объявляется имъ религіей господствующей, распространяется, подъ покровомъ власти, по русской равнинѣ и свиваетъ, наконецъ, здѣсь себѣ прочное гнѣздо. Получивши право гражданства на нашей родинѣ, христіанство своимъ высокимъ ученіемъ оказало сильное вліяніе на міросозерцаніе нашего предка. Особенно же вліяніе новой религіи отразилось на представленіяхъ предкомъ загробнаго міра. Постараемся отмѣтить это вліяніе и, такимъ образомъ, продолжить наше разсужденіе о дальнѣйшемъ процессѣ развитія круга представленій загробнаго міра у нашего предка.

Народныя преданія, рассказывая о принятіи христіанства тѣмъ или другимъ языческимъ народомъ, всѣ единогласно свидѣтельствуютъ, что христіанская религія привлекаетъ къ себѣ язычника преимущественно своимъ ученіемъ о загробной жизни. Такъ, преданіе о принятіи христіанства въ Британіи передаетъ слѣдующее: Къ одному изъ королей англо-сак-

сонскихъ явился проповѣдникъ христіанства. Король позвалъ дружину на совѣтъ, и одинъ изъ вождей сказалъ при этомъ слѣдующія замѣчательныя слова: „быть-можетъ, ты припомнишь, князь, что случается иногда въ зимнее время, когда ты сидишь за столомъ съ дружиною: огонь пылаетъ, въ комнатѣ тепло, а на дворѣ и дождь, и снѣгъ, и вѣтеръ. И вотъ, иногда въ это время быстро пронесется черезъ комнату маленькая птичка, влетитъ въ одну дверь, вылетитъ въ другую; мгновеніе этого перелета для нея приятно, она не чувствуетъ болѣе ни дождя, ни бури; но это мгновеніе кратко, вотъ птица уже и вылетѣла изъ комнаты, и опять прежнее ненастье бьетъ несчастную. Такова и жизнь людская на землѣ, и ея мгновенное теченіе, если сравнить его съ продолжительностію времени, которое предшествуетъ и послѣдуетъ. Это время и мрачно, и безпокойно для насъ; оно мучитъ насъ невозможностію познать его; такъ, если новое ученіе можетъ дать намъ какое-либо вѣрное извѣстіе объ этомъ предметѣ, то стоитъ принять его“ ¹⁾. Царь болгарскій, по преданію, тоже обратился въ христіанство вслѣдствіе сильнаго впечатлѣнія, произведеннаго на него картиною страшнаго суда ²⁾. То же самое средство, для привлеченія въ христіанство князя Владиміра, по нашему лѣтописному сказанію, употребилъ на Руси христіанскій проповѣдникъ ³⁾, посланный сюда изъ Греціи. Онъ, говоритъ лѣтописецъ, „показа Володимеру запону, на ней же бѣ написано судище Господне, показываше

¹⁾ Соловьевъ. „Исторія Россія съ древнѣйшихъ временъ“, т. I, 162 ст. Москва, 1874 г.

²⁾ Ibidem, 161 ст.

³⁾ Въ лѣтописи стоитъ: „философъ“. (Полное соб. рус. лѣт., I, 36 ст.)

ему одесну праведныя въ весельи предъидуша въ рай, а ошюю грѣшники идуша въ муку“ ¹⁾, при чемъ объяснилъ князю, что если кто въ христіанскую ²⁾ вѣру вступить, то, умерши, воскреснетъ, и не умретъ послѣ во вѣки, если же въ другой законъ вступить, то на томъ свѣтѣ въ огнѣ будетъ горѣть ³⁾. Слова проповѣдника и картина страшнаго суда произвели глубокое впечатлѣніе на великаго князя ⁴⁾. Нѣтъ сомнѣнія, что картина будущей жизни, рисуемая пришедшей на русскую равнину христіанской религіей, произвела сильное впечатлѣніе и на весь русскій народъ. И это понятно. Вопросъ о загробной жизни человѣка принадлежитъ къ тѣмъ животрепещущимъ вопросамъ, которые невольно сами напрашиваются уму человѣка на ихъ рѣшеніе. Дѣйствительно, что ждетъ человѣка за гробомъ, будетъ ли онъ жить по смерти, гдѣ будетъ пребывать, какъ будетъ жить — эти вопросы невольно врываются въ мышленіе каждаго человѣка. Они врывались въ мышленіе и нашего предка, и предокъ старался разрѣшить ихъ себѣ такъ или иначе.

Уже будучи язычникомъ, предокъ составилъ себѣ извѣстный кругъ представленій, но его представленія носили отпечатокъ неясности, неполноты и неточности. Предокъ, какъ британецъ-язычникъ (см. ранѣе), ясно сознавалъ источность своихъ рѣшеній по этому вопросу и искалъ болѣе полнаго, яснаго и удовлетворительнаго рѣшенія.

1) Полное собраніе русскихъ лѣтописей подь 6494 г.

2) Въ лѣтописи стоитъ слово: „Ихъ“ (т.-е. греческую—христіанскую).

3) Полное собр. русскихъ лѣтоп. подь 6494 г.

4) Соловьевъ. Исторія, т. 1, 161 ст.

Новая религія, которую предокъ сталъ принимать, принесла ему свои воззрѣнія на загробный міръ, свое ученіе объ ожидающей загробной участи человѣка. Предокъ знакомится съ этими воззрѣніями христіанской религіи; о нихъ говорятъ ему: то пастыри въ своихъ церковныхъ проповѣдяхъ, то „калики перешоже“, эти вѣчные путешественники съ мѣста на мѣсто, бывавшіе въ христіанскихъ странахъ и пользовавшіеся у предка большимъ уваженіемъ ¹⁾, то, наконецъ, онъ знакомится съ ними непосредственно самъ, читая появившіяся съ христіанствомъ на Руси различныя сказанія, рисующія загробную участь человѣка. Знакомство съ воззрѣніями христіанства на будущую жизнь не должно было пройти безслѣдно у древне-русскаго человѣка. Искавшій яснаго и болѣе удовлетворительнаго рѣшенія о загробномъ мірѣ, предокъ находилъ нужное себѣ въ ученіи богооткровенной религіи, которая давала о будущей жизни точное и ясное понятіе. Язычникъ увлекается новымъ христіанскимъ ученіемъ, яснымъ для ума и отраднымъ для сердца, и начинаетъ его усваивать. Въ языческую струю представленій предкомъ загробнаго міра теперь вливается новая, христіанская, струя. Она не только пополняетъ языческую новыми представленіями, которыхъ въ той прежде не было, но, слившись съ ней, придаетъ ея представленіямъ и свою окраску. Христіанство уже всюду начинаетъ свѣтиться въ представленіяхъ предка о загробномъ мірѣ. Оно занимаетъ у него теперь главное мѣсто. Его элементъ начинаетъ

¹⁾ О каликахъ см. у Кирѣвскаго. „Пѣсна“. Вып. 3, приложенія; Тихонравовъ. „Сочиненія“, т. I (Древняя рус. литература) 134 ст. Москва, 1898 г.

особенно ярко выдѣляться, но сквозь христіанство проглядываютъ тускляя пятна язычества, которыя не могла вполне закрасить христіанская струя.

Особенно сильное вліяніе на измѣненіе представленій загробнаго міра и на пополненіе ихъ круга у предка оказали различныя апокрифическія сказанія о будущей жизни человѣка, которыя съ христіанствомъ начали распространяться по русской равнинѣ. Сказанія эти, придя на Русь преимущественно изъ Греціи и Болгаріи, т.-е. изъ тѣхъ родственныхъ намъ странъ, гдѣ уже процвѣтало христіанство, приобрѣли у насъ большую популярность, ибо подходили къ духу предка, къ его младенческой фантазіи. Предокъ находилъ въ нихъ удовлетвореніе своимъ запросамъ, онъ въ нихъ встрѣчалъ не только новое, но и родственный себѣ миѳическій элементъ. Вращаясь въ кругу не только просвѣщеннаго класса, но и среди русскаго простаго народа ¹⁾, сказанія эти становились излюбленнымъ чтеніемъ „грамотеевъ“ ²⁾, которые при всей скудности образованія въ древней Руси все-таки были въ простомъ народѣ и которые читали или рассказывали прочитанное ими среди народа³⁾. Здѣсь сказанія получили полную популярность и ими предокъ питалъ свою фантазію. Этимъ сказаніямъ предокъ обязанъ былъ тѣмъ, что, встрѣчая въ нихъ подробное изображеніе загробной жизни человѣка,

¹⁾ Владиміровъ. Введеніе въ исторію русск. словесности, 49 ст. Москва, 1896 г.

²⁾ Батюшковъ. „Споръ души съ тѣломъ въ памятникахъ средневѣковой литературы“, 149 ст. Спб. 1891 г.

³⁾ Сахаровъ. „Эсхаталогическія сочиненія и сказанія въ древне-рус. письменности и вліяніе ихъ на дух. стихи“. Тула 1879 г., 61 ст. Миллеръ. Опытъ историческаго обобщенія рус. слов., I ч., 44 ст. Спб. 1865 г.

встрѣчая христіанскій взглядъ на эту жизнь, сталъ христанизировать свои прежнія представленія и имѣть о загробной жизни болѣе полное и ясное представленіе. Эти же сказанія, вліяя на народное міросозерцаніе, въ послѣдствіи, въ свою очередь, подвергаясь народной передѣлкѣ, дополненіямъ и измѣненіямъ, соотвѣтственно вкусу и національнымъ особенностямъ русскаго народа, становятся уже не пришлыми, а выразителями русскихъ народныхъ воззрѣній на загробный міръ, что мы и видимъ изъ уваженія, съ какимъ относился русскій человѣкъ къ синодикамъ, въ основу которыхъ легли апокрифическія сказанія о загробномъ мірѣ, и въ которыхъ выразился взглядъ не только просвѣщеннаго класса, но и простого русскаго народа, на что можетъ указывать намъ ихъ популярность въ народѣ и „до сего дне“.

Такъ шло развитіе представленій о загробномъ мірѣ у древне-русскаго человѣка.

Изъ всего сказаннаго мы видимъ, что развитіе представленій о загробномъ мірѣ, начинаясь у предка въ періодѣ язычества, оканчивается уже въ періодѣ принятія имъ христіанства. Поэтому, ставя своей задачей изобразить, какъ древне-русскій человѣкъ представлялъ себѣ загробный міръ, мы, чтобы полнѣе нарисовать картину представленій предкомъ этого міра, должны описать не только, какъ загробный міръ представлялъ себѣ язычникъ-предокъ, но и показать, какъ этотъ міръ сталъ представлять себѣ предокъ тогда, когда онъ объявилъ себя христіаниномъ.

Но что намъ поможетъ заглянуть въ далекую жизнь предка, что дастъ возможность правильно рѣшить нашъ вопросъ и нарисовать болѣе полную кар-

тину представлений загробнаго міра древне-русскаго человѣка? Чтобы отвѣтить на этотъ вопросъ, мы укажемъ тотъ главный матеріаль, которымъ будемъ пользоваться при составленіи своего труда.

Намъ уже извѣстно, что предки наши первоначально были язычники. Изъ этого періода ихъ жизни мы не имѣемъ извѣстій, которыя бы точно говорили намъ объ ихъ загробныхъ представленіяхъ. Если же и есть какія-либо извѣстія объ этомъ періодѣ ихъ религиозныхъ вѣрованій, то они носятъ или легендарный характеръ, или уже явились въ то время, когда на Руси языческое возрѣніе начинало смѣняться христіанствомъ. Однако, несмотря на полное отсутствіе сказаній о томъ, какъ наши предки-язычники представляли загробный міръ, мы, въ русскихъ лѣтописяхъ и различныхъ извѣстіяхъ чужеземныхъ писателей о нашихъ предкахъ, находимъ нѣкоторыя указанія на обряды и обычаи, бывшіе въ употребленіи въ этотъ далекій періодъ у русскаго, славянскаго, языческаго племени. Встрѣчая столь цѣнныя указанія, мы можемъ заглянуть въ глубь вѣковъ и оживить не только многія страницы древней жизни предка, но и болѣе правильно сказать,—какое онъ имѣлъ представленіе о загробномъ мірѣ, ибо въ обрядахъ предокъ во внѣ выражалъ свои религиозныя чувства, въ нихъ вылилось олицетворенное, проведенное въ житейскую практику, его желаніе продолжить земную жизнь и сказалось его возрѣніе на загробное существованіе. Но не одни только тѣ обряды и обычаи, упоминаніе о которыхъ мы находимъ въ древнихъ извѣстіяхъ, могутъ освѣтить намъ представленія загробнаго міра древне-русскаго человѣка, но и многіе изъ тѣхъ суевѣрныхъ обрядовъ и обычаевъ, которые, какъ на-

слѣдіе далекой языческой старины, бытуютъ у насъ и понынѣ въ кругу простого народа. Эти обряды и обычаи хранятся народомъ по привычкѣ, безсознательно и безотчетно, но народъ вѣритъ, что всякое отступленіе его отъ стараго обычая или обряда ведетъ за собою неминуемое наказаніе и бережетъ ихъ, хотя бы обрядъ или обычай расходился съ жизнію и даже противорѣчилъ ей. Въ этихъ суевѣрныхъ обычаяхъ и обрядахъ сохранилось у народа много чертъ далекой старины. „Онѣ, — говоритъ Котляревскій, — уцѣлѣли у него силою непрерывнаго преданія, связующаго отходящія поколѣнія съ нарождающимися, которыя не сумѣли или не чувствовали нужды замѣнить эти старыя порядки новыми“ ¹⁾. Сохраняя черты языческаго прошлаго, существующіе нынѣ въ народѣ суевѣрные обычаи и обряды, естественно, могутъ бросить свѣтъ на древнія русскія представленія загробнаго міра и пособить, такимъ образомъ, при рѣшеніи нашего вопроса.

Кромѣ обрядовъ и обычаевъ, свидѣтелемъ былой жизни предка и его возрѣній на загробный міръ, можетъ быть языкъ, „ибо слово, — говоритъ Буслаевъ, — есть главное и самое естественное орудіе преданія. Къ нему, какъ средоточію, сходятся всѣ тончайшія нити родной старины, все великое и святое, — все, чѣмъ крѣпится нравственная жизнь народа“ ²⁾. Этотъ, оставленный намъ предками въ наслѣдіе, языкъ въ своихъ звуковыхъ сочетаніяхъ, сохраняя до сихъ

¹⁾ Котляревскій. „О погребальныхъ обычаяхъ языческихъ славянъ“, 24 стр. (Сборникъ отдѣлен. рус. яз. и словесности Импер. Акад. Наукъ. Слб. 1891 г., томъ 49).

²⁾ Буслаевъ. „Историческіе очерки русск. народной словесности, т. 1, ст. 1. Слб. 1861 г.

поръ нерѣдко слѣды далекаго прошлаго и являясь сокровищницей, сохраняющей въ себѣ объясненіе неясностей въ многообразной духовной жизни человѣка, не только освѣтитъ древнія представленія предка, но и дастъ возможность, въ нѣкоторыхъ случаяхъ, при рѣшеніи нашего вопроса, разобраться основательнѣе. Языкъ тѣмъ болѣе является для насъ важнымъ источникомъ, что корень его родствененъ другимъ индо-европейскимъ народамъ и лежитъ въ той доисторической эпохѣ, когда наши предки съ другими индо-европейскими народами составляли единое арійское племя, и когда у нихъ начали слагаться первыя міровоззрѣнія.

Идя далѣе въ сказаніи о матеріалѣ, который поможетъ намъ начертить картину древне-русскихъ представленій загробнаго міра, нельзя не упомянуть о тѣхъ воззрѣніяхъ на этотъ далекій міръ, которыя существовали въ языческую эпоху у родственныхъ намъ народовъ. Намъ уже извѣстно, что міровоззрѣнія братьевъ-народовъ и нашего предка были въ арійскій періодъ общи. Это общее основаніе осталось у братьевъ-народовъ и тогда, когда они, выдѣлившись изъ общаго племенного потока и ставъ, со временемъ, самостоятельными единицами, при вліяніи измѣняющихся историческихъ, природныхъ и другихъ условій, видоизмѣнили свои древнія міровоззрѣнія.

Видя, такимъ образомъ, родство воззрѣній индо-европейскихъ народовъ на загробный міръ съ воззрѣніями на этотъ міръ у нашихъ предковъ, мы, черезъ знакомство съ ними, получимъ возможность полнѣе и яснѣе освѣтитъ тотъ вопросъ, рѣшеніе котораго хотимъ представить.

На Руси появляется христіанство и объявляется

религіей господствующей. Ставъ на Руси религіей господствующей, христіанство, однако, не тотчасъ уничтожаетъ здѣсь язычество. Язычество, въ лицѣ своихъ представителей: волхвовъ, волшебниковъ, предсказателей будущаго, долгое время борется съ христіанствомъ за свое существованіе ¹⁾. Почти цѣлое столѣтіе послѣ крещенія Руси оно даже существовало въ своемъ чистомъ видѣ въ Ростовской землѣ ²⁾.

¹⁾ Въ Лаврентьевской лѣтописи подь 6579 (1071) г. разсказывается, что въ Кіевѣ пришелъ волхвъ „прельщенъ бѣсомъ“. Онъ сталъ проповѣдывать народу, что „на пятое лѣто Днѣпру потещи вспять и землямъ преступати на ина мѣста, яко стати Гречьскы земли на Руской, а Русьскыи на Гречьской“. Этой проповѣдью волхвъ, очевидно, хотѣлъ сказать, что русскыя постигнетъ несчастіе за ихъ отступленіе отъ древней вѣры, а посему они должны вернуться снова къ язычеству. „Не вѣгласи его послушаху, — добавляетъ лѣтописецъ, — вѣрнии же насмѣхаются, глаголюще ему: „бѣсъ тобою играетъ на пагубу тебѣ“. Проповѣдь волхва была прекращена, — „въ едину бо ночь (онъ) бысть безъ вѣста“.

Подъ этимъ же годомъ находимъ еще такое сказаніе: „Всталъ при Глѣбѣ (Святославичѣ) Новгородѣ“ волхвъ, хвалясь, что „все вѣдаетъ“. Онъ хулилъ „вѣру хрестыянскую“ и обѣщался перейти „по Волхову предъ всѣми“. Народъ слушалъ его, какъ человѣка божественнаго и проповѣдь его имѣла успѣхъ, — „вси яша ему вѣру и хотяху погубити епископа“. Ревностный же епископъ, держа крестъ въ рукахъ, звалъ къ себѣ вѣрныхъ христіанъ, но ослѣпленные граждане толпились вокругъ обманщика, — „вси идоша за волхва“, — говоритъ лѣтописецъ: одинъ князь Глѣбъ и его дружина приложились ко святому кресту. Присшедшіи мятежъ, грозящій кровавой расправой съ епископомъ, былъ прекращенъ находчивостію князя, который подошелъ къ мнимому „всезнаю-чародѣю“ и спросилъ: предвидитъ ли онъ, что будетъ съ нимъ въ тотъ день? Волхвъ отвѣтилъ: „я чудеса велика сотворю“. Но „Глѣбъ, — говоритъ лѣтописецъ, — вынемъ топоръ, рости и, и паде волхвъ мертвъ, и людье разидошася“.

(Полное собраніе русск. лѣтописей т. I, 77—78 ст.).

²⁾ Въ Ростовской землѣ христіанство епископамъ удастся привить только во второй половинѣ XI в. (Келтуяла „Курсъ исторіи русской литературы“, ч. I, кн. I, 84 ст. Сбл. 1901 г.).

но, наконецъ, подъ напоромъ новой религіи падаетъ, однако, по своемъ паденіи, оставляетъ въ народныхъ воззрѣніяхъ много своего элемента. Этотъ остатокъ языческаго элемента мы встрѣчаемъ даже и теперь въ той массѣ суевѣрій, которыя живутъ въ нашемъ народѣ и въ которыхъ, несмотря на десятистолѣтній періодъ существованія у насъ христіанства, еще таится зерно далекаго міровоззрѣнія нашего предка. Эти суевѣрія, какъ носители зерна далекой старины, могутъ, до нѣкоторой степени, помочь намъ въ разработкѣ нашего вопроса. Они не только освѣтятъ намъ языческія представленія древне-русскаго человѣка о загробномъ мірѣ, но и помогутъ показать, какъ измѣнились его воззрѣнія на этотъ міръ подъ вліяніемъ христіанства.

Подобно суевѣріямъ, дадутъ намъ возможность заглянуть въ далекое предка похоронныя пѣсни или заплачки и причитанія надъ умершими. Отъ языческаго періода русскаго человѣка намъ не осталось похоронныхъ пѣсенъ и мы уже ихъ встрѣчаемъ въ христіанскій періодъ, хотя по своему происхожденію похоронныя пѣсни, безспорно, должны быть отнесены къ древнѣшимъ произведеніямъ народнаго творчества: появленіе ихъ совпадаетъ съ первымъ смертнымъ случаемъ, т.-е. съ первыми признаками религіи ¹⁾. О древности такихъ пѣсенъ при похоронахъ у насъ на Руси мы имѣемъ рядъ свидѣтельствъ. Такъ, арабскій путешественникъ Ибнъ - Фоцланъ (930 г.), описывая похороны знатнаго русса, говоритъ, что дѣвушка-рабыня, обрекая себя на смерть со своимъ госпо-

1) Православное Обзорѣн. 1884 г. Окт. 278 ст., стат. Шерцля „Начало религій“.

диномъ, до смерти своей пѣла длинныя пѣсни, въ которыхъ прощалась со своими близкими ¹⁾. Лѣтописецъ, говоря о языческихъ обычаяхъ русскихъ славянъ, упоминаетъ о бѣсовскихъ пѣсняхъ на тризнахъ ²⁾. Рассказывая о похоронахъ Изяслава Ярославича, лѣтописецъ говоритъ, что сынъ его Ярополкъ „идяше по немъ, плачася съ дружиною своею: Отче, отче мой! Что еси пожилъ безъ печали на свѣтѣ семь, многы пакасти примъ отъ людей и отъ братья своя? Се же погиге не отъ брата, но за брата своего положиа главу свою“ ³⁾. Въ Ипатіевской лѣтописи мы встрѣчаемъ скорбный плачь мужей „Володимерскихъ“ при погребеніи Владиміра Васильковича ⁴⁾. Въ посланіи Владиміра Мономаха упоминается о „желяхъ“, т. - е. плачахъ по мертвымъ ⁵⁾. Въ „Словѣ о полку Игоревѣ“ говорится, что послѣ пораженія половцами русскихъ, жены русскихъ воиновъ плакали по умершимъ мужьямъ, говоря, что онѣ „уже милыхъ мужей ни въ мысляхъ не представляютъ, ни думою не вздумаютъ, ни глазами больше ихъ не увидятъ“ ⁶⁾. Въ „Златой цѣпи“ XIV в. Троицкой бібліотеки подъ № 11 находится „Слѣсто Десѣа ѿ жельюши“ Св. Діонисія спрашивали: „ѣсть ли ѿшедшимъ ѿселъ умершимъ тамо кака полга ѿ жельнѣа и сдѣ жельють пони со многымъ плчельмъ и рзданиельмъ горкымъ. носщцимъ скверѣа рублица на головахъ свойхъ.“

1) Гаркави. Сказанія мусульманскихъ писателей о Славянахъ и Русскихъ 97 ст.

2) Полное собр. русск. лѣтописей, т. I, 6 ст.

3) Лаврентьевская лѣтопись подъ 1087 г.

4) Полное собраніе русск. лѣт., т. II, 220 ст.

5) Ibidem, т. I, 1096 годъ.

6) Горожанскій, „Памятники древней письменности“ 67 ст.

а мужи вѣростивше волосы главы соею то же за многы дни тако творятъ“. Изъ этого вопроса, предложеннаго св. Діонисію, мы видимъ, что умершихъ оплакивали рыданіемъ горькимъ, въ знакъ сѣтованія надѣвали рубища и отпускали волосы на головѣ. Сказавъ о саддукеяхъ, невѣровавшихъ въ воскресеніе мертвыхъ и осужденныхъ за это на муку вѣчную, Діонисій уподобляетъ саддукеямъ христіанъ, оплакивающихъ мертвыхъ: „а си принимше стое крѣпнѣ и вѣру правую ѡсквернишася скверными желми и дѣяволю творятъ волю и похоть“ (листъ 27); еще долѣе— „вы же вѣре не поучайтеся правомъ садукейскимъ и хъ же дѣяволъ оучитъ жалѣнію тому а другыа оучитъ по мртвѣмъ рѣзатиса и давитие и топитие въ годъ“ (листъ 28). Другая редакція этого слова—въ Паисіевскомъ сборникѣ листъ 35. „Слово стого Девнисьа ѡ желающихъ поученья“. Затѣмъ слово противъ плача по умершимъ встрѣчаемъ въ Измарагдѣ (XIV в.) библ. Московск. Духовн. Академ. № 46. Здѣсь помѣщено „Слово Іванна Злбустаго ѡ терпѣніи и блгоухваленіи, да не много плачемса ѡ оумирающихъ ѿ“. Эти поученія, помѣщенныя въ древне-русскихъ сборникахъ, если они и переводныя, занесены были сюда, конечно, для того, чтобы реагировать на явленія, имѣвшія мѣсто въ древне-русской жизни. Въ „Стоглавѣ“ (XVI в.) постановлено запрещеніе похоронныхъ языческихъ обрядовъ и пѣсенъ, которые описываются такимъ образомъ: „Въ Троицкую субботу по селомъ и по погостомъ сходятся мужи и жены на жальникахъ и плачутся по гробомъ съ великимъ кричаньемъ, и егда начнутъ играти скоморохи, гудцы и перегудницы, они же, отъ плача переставше, начнутъ скакати и

плясати и въ долони (ладони) бити и пѣсни сотонинскіе пѣти“¹⁾). Даже въ 1715 г. Петръ В., по случаю смерти супруги Θεодора Алексѣевича, вынужденъ былъ наистрожайше приказать, чтобы никто ни надъ царицей ни надъ другими покойниками не совершалъ „непристойнаго и суевѣрнаго обычая выть, приговаривать и рваться надъ умершими“²⁾). Но обычай причитать надъ умершими сохранился и до настоящаго времени, особенно въ сѣверныхъ губерніяхъ, гдѣ даже существуетъ особый классъ женщинъ - плачей, которыя хранятъ и развиваютъ сохранившійся отъ глубокой древности репертуаръ похоронныхъ пѣсень, или, какъ мы уже ихъ назвали, заплачекъ, причитаній. „При должномъ вниманіи,— говоритъ Барсовъ,— къ этимъ народнымъ плачамъ нельзя не замѣтить, что въ нихъ отражаются слѣды вѣрованій разныхъ доисторическихъ эпохъ относительно духовнаго бытія, смерти и посмертнаго существованія: въ народномъ сознаніи сталкивались и пересѣкались разныя міровоззрѣнія, образовались цѣлыя религіозныя наслоенія, которыя, въ свою очередь, не совсѣмъ вытѣснены ученіемъ христіанскимъ, и вотъ въ плачахъ еще виднѣются обломки этихъ доисторическихъ созерцаній, которыя, однакожъ, относятся къ простой народной вѣрѣ, какъ непосредственной ея стихіи“³⁾).

Поэтому, пользуясь причитаніями, мы можемъ заглянуть въ прошлое нашего предка и яснѣе представить себѣ его воззрѣнія на загробный міръ.

При разработкѣ нашего вопроса о представленіяхъ

1) Стоглавъ. Вопросъ 23, ст. 187 Каз. 1862 г.

2) Келтуяла. Курсь ист. р. л. ч. I, кн. I, 125 ст.

3) Барсовъ. „Причитанья сѣвернаго края“, X ст. Москва 1872 г.

загробнаго міра древне-рускимъ человѣкомъ помогутъ намъ также и духовные стихи. Слагаясь народомъ уже въ христіанствѣ, духовные стихи, однако, носятъ въ себѣ много чертъ языческой старины. Поэтому, пользуясь ими, мы не только можемъ заглянуть въ язычество предка, но будемъ имѣть возможность показать, какъ измѣнилось воззрѣніе предка на загробный міръ подѣ влияніемъ христіанства.

Выдѣливъ въ отдѣльныя рубрики болѣе важный матеріаль, необходимо сказать, что и всѣ другія произведенія русской народной словесности: загадки, пословицы, легенды, пѣсни, былины, заговоры, обрисовывая духовную фізіономію русскаго народа, могутъ быть для насъ свѣточами далекаго прошлаго предка. Дѣйствительно, какую бы форму народныхъ произведеній мы ни взяли: загадку ли, сказку ли, пѣсню ли,—мы вездѣ найдемъ, кромѣ настоящихъ воззрѣній народа, указаніе и на прошедшія. Въ нихъ на ряду съ христіанскими воззрѣніями обрисовываются тѣни и вѣрованій прошедшихъ. Народъ сохранилъ эти тѣни, какъ завѣтъ старины. Поэтому, какъ носители воззрѣній предка, всѣ произведенія народной словесности могутъ оказать намъ въ той или иной мѣрѣ услугу,—помогутъ сказать, какое древне-русскій человѣкъ имѣлъ представленіе о загробномъ мірѣ

Вотъ весь тотъ матеріаль, который поможетъ намъ нарисовать картину представленій загробнаго міра древне-русскаго человѣка

I.

Вопросъ о будущей жизни въ представленіи древняго человѣка.

Ни одно изъ явленій міра физическаго, доступныхъ наблюденію человѣка, не производитъ на него такого глубокаго, удручающаго впечатлѣнія, какъ смерть, — этотъ неумолимый законъ: „земля еси и въ землю отыдеши“. Но смерть — такое естественное, обыкновенное и ежедневное явленіе, что она, повидимому, не должна бы производить никакого удручающаго впечатлѣнія, человѣкъ, казалось бы, долженъ привыкнуть къ ея частымъ посѣщеніямъ, къ ея жатвѣ жизни

„Каждый день и каждый часъ“,

однако, несмотря на суровую, законную необходимость смерти, ея явленія всегда дѣйствуютъ удручающе. Въ чемъ же сокрыта причина такого дѣйствія на человѣка смерти? Въ чемъ причина гнетущаго впечатлѣнія, производимаго ея явленіемъ?

Среди житейской сутолоки, среди впечатлѣній жизни, охватывающихъ своимъ разнообразіемъ, человѣкъ, обыкновенно, рѣдко задумывается надъ задачею своего существованія, и только смерть, только

эта „злодѣйка—душегубица“, вырвавъ изъ міра живыхъ кого-либо изъ близкихъ, заставляетъ задуматься его надъ смысломъ жизни, обратиться къ тайникамъ души и вспомнить свой нравственный долгъ.

Только у бездыханнаго трупа человѣкъ задумывается о цѣли своей жизни, старается опредѣлить, что будетъ за гробомъ, но его внѣшнимъ чувствамъ въ этомъ актѣ жизненной драмы доступенъ одинъ бездыханный трупъ, о загробной же жизни приходится гадать:

...„Что будетъ тамъ?

Тамъ, откуда никогда ни одинъ пришлецъ не возвращался.“

Этотъ неразрѣшимый вопросъ останавливалъ умы всѣхъ народовъ. Всѣ они, даже на первыхъ ступеняхъ своего развитія, старались его рѣшить и создать себѣ то или иное представленіе о загробномъ мірѣ. Старались представить себѣ загробную жизнь и наши предки. Но каково было ихъ представленіе о загробномъ мірѣ?

Въ раннюю языческую пору своего бытія, нашъ предокъ жилъ подъ неотразимымъ вліяніемъ окружающей его природы. Природа была для него самымъ главнымъ факторомъ его жизни: она учила его и давала ему матеріалъ для образованія логическихъ понятій, она развивала его и воспламеняла фантазію. Предокъ на мигъ не могъ оторваться отъ ея груди. Онъ „любилъ ее и боялся ее съ дѣтскимъ простодушіемъ и съ напряженнымъ вниманіемъ слѣдилъ за ея знаменіями, отъ которыхъ зависѣли и которыми опредѣлялись его житейскія нужды“. 1) Онъ видѣлъ въ при-

1) Аванасевъ. Поэтическія воззрѣнія Славянъ на природу, т. 1, 57 ст. Москва 1865 г.

родѣ подобное себѣ живое существо: думающее, страдающее, любящее, ненавидящее, выражающее свободу своей воли въ движеніяхъ и пр. 1) Мы до сихъ поръ выражается: буря воетъ, громъ ударяетъ, солнце всходитъ или садится, вѣтеръ свиститъ, хотя и не думаемъ при этомъ, чтобы солнце обладало ногами для ходьбы, что вѣтеръ производитъ свистъ губами, громъ бросаетъ молніи руками. Древній же человѣкъ соединялъ съ этими названіями самыя конкретныя понятія обозначаемыхъ имъ предметовъ, потому что явленія природы онъ могъ понимать только чрезъ сближеніе со своими собственными ощущеніями и дѣйствіями, а какъ эти послѣднія были выраженіемъ его воли, то отсюда онъ, естественно, долженъ былъ заключить о бытіи другой воли, подобной человѣческой, кроющейся въ силахъ природы. 2) Такъ, для простого, неразвитого человѣка земля, напр., не была бездушною; онъ надѣлялъ ее чувствами и волей. Къ ней обращался онъ во время жатвы, заговариваясь отъ нечистой силы, 3) вѣрилъ въ ея карающую силу 4) и считалъ ее источникомъ могущества. 5) Народъ нашъ до сихъ поръ называетъ небо отцомъ, батюшкою, а землю — матушкою, кормилицею. 6) Богатыри, поражающіе лютыхъ змѣевъ, въ ту минуту, когда имъ гро-

1) Вѣстникъ Европы 1873 г. Октябрь, 653 ст.

2) Аванасьевъ. Поэтическія воззрѣнія, т. I, 59 ст.

3) Сахаровъ. Сказанія русскаго народа, т. II, 47 ст.

4) Архивъ историко-юридическихъ свѣдѣній, составл. Калачевымъ, II ч., 44 ст. 1850 г.

5) Русскій Филологическій Вѣстникъ, т. XLV, 119 ст.

6) Даль Пословицы русск. народа 1029 ст. Москва 1862 г.; его же „Толковый словарь“, т. I, 608 ст. (Спб. 1880—1882 г.); Аванасьевъ. Поэтическія воззрѣнія, т. I, 129 ст.

зить опасность быть затопленными кровью чудовища, обращаются къ землѣ съ просьбою: „ой, ты еси мать-сыра земля! разступися на четыре стороны и пожри кровь змѣиную“ — и она разступается и поглощаетъ въ себя потоки крови. 1) При такихъ взглядахъ на природу нашъ предокъ не могъ возвыситься далѣе чувственнаго, матеріальнаго, и это можно видѣть изъ его представленій загробнаго міра

Всматриваясь въ явленіе смерти и ища разрѣшенія его, далекій предокъ нашъ прежде всего долженъ былъ остановиться на самомъ актѣ смерти. Онъ видѣлъ бездыханный трупъ и вмѣстѣ съ этимъ трупомъ и живой организмъ. Кромѣ этого, его поражала рѣзкая перемѣна, происходившая въ организмѣ чловѣка: организмъ полонъ жизненной силы, но вотъ—мгновеніе—и уже въ немъ нѣтъ ни одного признака этой силы—онъ неподвижный и холодный трупъ покойника. Предъ предкомъ-язычникомъ невольно ставились вопросы: что за таинственная сила, которая производитъ такое разрушающее дѣйствіе, что живило организмъ, куда уходитъ обитавшая прежде въ организмѣ живая сила, оставляя, по своемъ уходѣ, только трупъ? Предку-язычнику нужно было подыскать какое-либо объясненіе первымъ для него вопросамъ, чтобы темнота не могла тяготить его. Куда же онъ обращался за разъясненіемъ и гдѣ его для себя старался найти? Естественно, что прежде всего за разъясненіемъ онъ обращался къ окружающему его міру и искалъ подобія, аналогичныхъ случаевъ и, наблюдая ихъ, старался объяснить поставленные имъ себѣ самому вопросы.

1) Аванасевъ. Поэтич. воззрѣн., т. I, 143 ст.; Безсоновъ. „Калѣки“ №№, 121, 122, 123.

II.

Представленія смерти.

Живя тѣсною жизнію съ природой, понимая ее по аналогіи со своимъ собственнымъ существованіемъ, предокъ видѣлъ, что съ заходомъ солнца на ночь дневная жизнь прекращается, въ природѣ все погружается въ мракъ и засыпаетъ; видѣлъ онъ также, что съ помраченіемъ яркихъ лучей солнца зимними туманами и облаками, начинаются стужи и морозы, небо перестаетъ посылать дожди, природа замираетъ, ея лѣтняя дѣятельность прекращается; когда же дневное свѣтило появляется, мракъ пропадаетъ и снова начинается день, снова все приходитъ въ движеніе. Явившаяся же съ теплыми лучами солнца весна пробуждаетъ природу и въ ней начинается кипучая жизнь и дѣятельность. Видѣлъ это предокъ въ природѣ и, обращаясь къ трупу и своему живому организму, замѣчалъ, что тѣло живетъ внутреннею силою, теплотою, заключенной въ немъ, — цѣпенѣтъ же и лишается дѣятельности съ исчезновеніемъ внутренней теплоты, внутренней силы, и у него возникаетъ воззрѣніе, по которому жизнь отождествляется имъ со свѣтомъ и теплотою, а смерть — съ мракомъ и холодомъ. ¹⁾

¹⁾ Сравн. Потебня. „О мѣсяческомъ значеніи нѣкоторыхъ обрядовъ и повѣрій“, 33 ст. Москва 1865 г.

Слѣды воззрѣнія на смерть, какъ на мракъ и холодъ, мы встрѣчаемъ у родственныхъ намъ народовъ. Такъ, у Чеховъ въ Краледворской рукописи мы находимъ такое выраженіе: „po puti wsei z vesny ro Moranu“, т. е. на пути отъ весны до Мораны; здѣсь подъ весною разумѣется юность, жизнь, а подъ словомъ Морана — старость, смерть и зима. ¹⁾ Или въ другомъ мѣстѣ про убійство Власлава говорится, что онъ повалился на землю:

...Wstat ne mazese;
Morena iei sypáse w noc crnu. ²⁾.

Встрѣчаемъ слѣды этого воззрѣнія и на Руси въ похоронной причети, гдѣ часто повторяется, что челоуѣкъ умираетъ:

„Вродѣ солнышко за облака теряется“,

или:

„Красно солнышко
„Укатается за горы толкучія,
„За лѣса дремучіе,
„Въ подушки глубокія“. ³⁾.

„Зашло мое солнышко красное“, ⁴⁾ причитаютъ мать на могилѣ дочери. Вездѣ здѣсь мы видимъ, что жизнь человѣческая скрывается и закатывается подобно тому, какъ ежедневно закатывается и скрывается отъ насъ солнце и вся природа погружается въ мракъ.

¹⁾ Аванасевъ. Поэтическія воззрѣнія Славянъ на природу. Томъ III, 35 ст. Москва 1869.

²⁾ *ibidem*. *Переводъ*... „Встать не можетъ; Морана его усыпила въ черную ночь“.

³⁾ Барсовъ. Причитанья сѣвер. края, XII ст.

⁴⁾ Аванасевъ. Поэтич. воззрѣнія, т. III, 36—37; Потебня. „О мифическомъ значеніи“... 34, 294—295.

Дѣйствительность воззрѣнія на смерть, какъ на мракъ и холодъ, отражается и въ языкѣ. Такъ, нашъ глаголь „околѣть“ употребляется въ двоякомъ смыслѣ: „озябнуть“ и „умереть“, а глаголь „истывать (стынуть)“ — въ смыслѣ: „издыхать“. Слова же: „смерть, моръ, умирать“, въ основѣ своей имѣетъ общій корень со словами: „мракъ, мерцать, померкнуть“. 1) Если же поглядимъ въ термины, обозначающіе въ языкахъ индо-европейскихъ народовъ понятіе смерти: санскритск. „mr̥g, mr̥ge“, греческ. „μείρειν“, литовское „mirti“, то увидимъ, что и здѣсь всѣ эти термины, какъ и наши слова: „умирать“, славянское „мрѣти“, произошли отъ корня „mr̥g“ (усиленное „mr̥g“), выражающаго впечатлѣніе мрака, холода, пустыни, увяданія, 2) что еще болѣе подтверждаетъ мысль, что наши предки смерть отождествляли съ мракомъ и холодомъ.

Актъ смерти, кромѣ мрака и холода, напоминаетъ предку и актъ сна. Отсюда у него появляется воззрѣніе, что смерть есть сонъ. Такое воззрѣніе могло быть естественнымъ слѣдствіемъ болѣе ранняго, вышеупомянутаго воззрѣнія, по которому смерть отождествлялась съ мракомъ. Дѣйствительно, если смерть отождествлялась съ мракомъ, то вмѣстѣ съ тѣмъ она должна была отождествляться и со сномъ, въ который погружаетъ всю природу зимній мракъ. Могло такое

1) „Потерять свѣтъ, блескъ, потемнѣть“. (Буслаевъ. „О вліяніи христіанства на славянскій языкъ“ 69 ст. Москва 1848 г.; сравни Аванасевъ. Поэтич. воззр., т. I, 101 ст.; его же т. III., 35 ст.; Шеллингъ. „Мнѣя славянскаго язычества“. 31 ст. Москва 1849 г.; Шимкевичъ. „Корнесловъ русскаго языка“ буква „м“ Спб. 1842 г.).

2) Котляревскій. „О погребальныхъ обычаяхъ языческихъ Славянъ“, 174 ст.; см. Филолог. записки 1868 г. лекц. М. Мюллеръ „Корень mr̥g“ 299—316 стр.

возрѣніе сложится и подѣ влияніемъ того обстоятельства, что сонъ неразлученъ со временемъ ночи, а заснувшій напоминаетъ умершаго, потому что онъ такъ же смежаетъ свои очи и такъ же дѣлается недоступнымъ впечатлѣнію свѣта, какъ и умершій. ¹⁾

Указанія на отождествленіе смерти со сномъ или, по крайней мѣрѣ, вѣру въ ихъ близкую связь между собою, мы встрѣчаемъ еще у Грековъ. Такъ, Гомеръ въ своей Иліадѣ называетъ Смерть и Сонъ близнецами, а Гезіодъ—чадами Ночи. Греки и Римляне признавали *Υπνος-Somnus* братомъ Смерти: оба брата живутъ на западныхъ границахъ міра—въ глубокомъ подземномъ мракѣ, возлѣ царства мертвыхъ; тамъ возлежитъ *Somnus* на маковыхъ снотворныхъ цвѣткахъ въ сладкомъ покоѣ, а вокругъ его ложа толпятся легкія сновидѣнія въ неясныхъ образахъ ²⁾. Выраженія, влагаемая русскими и другими славянскими сказками въ уста богатырей, воскресающихъ отъ смерти, доказываютъ существованіе подобныхъ же возрѣній и у славянскихъ племенъ. Обыкновенно богатырь или сказочный герой, получая снова жизнь отъ окропленія живою водою, говоритъ: „ахъ, какъ же я долго спалъ!“. Въ Краледворской же рукописи читаемъ, что „Морана“ Власлава „*supáse*“ ³⁾, а въ одномъ болгарскомъ причитаніи находимъ такое обращеніе къ покойнику:

„Стани, Маро, разбуди се,
„Време веќе је да станиш,
„Да поможиш на маика ти,

1) Аванасевъ. Поэт. возр., т. III, 36 ст.

2) Ibidem см. сноску т. III, 36 ст.

3) Ibidem т. III, 35 ст. „Морана Власлава усыпила“.

„Да донесиш ладна вода,
„Да пометиш, да исчистиш“ 1).

Здѣсь, какъ видимъ, къ мертвой обращаются съ тѣмъ, чтобы она пробудилась. Очевидно, что сонъ у родственннхъ намъ народовъ смѣшивался со смертію. Остатокъ представленія акта смерти сномъ мы встрѣчаемъ и на Руси въ похоронной причети. Такъ, дочь, оплакивая смерть своего отца, прямо говоритъ ему:

„Стань, пробудись, мой родимый батюшка,
„Отъ сна отъ крѣпкаго,
„Отъ крѣпкаго сна, отъ мертваго“ 2).

Въ другомъ мѣстѣ, чтобы пробудить мать отъ мертваго сна, дочь обращается за содѣйствіемъ къ „буйнымъ вѣтрамъ“, говоря:

„Возбушуйте, вѣтры буйные,
„Со всѣхъ ли четырехъ сторонъ,
„Понеситесь вы къ Божьей церкви,
„Разметите вы сыру землю,
„Вы ударте въ большой колоколъ,
„Разбудите мою матушку“ 3).

„Встань, моя матинько! Встань, моя роднесенька!“ 4), голосить на могилѣ матери малоросска. „Ужъ вы, наши роднинькіе, встаньте, пробудитесь, поглядите на насъ!“ встрѣчаемъ мы часто въ причитаніяхъ такое обращеніе къ мертвецамъ; или: „пришли-то мы

1) Молетичъ. „Извѣстія на семинара по славянска филолог. при Университета въ София“. Кн. II за 1906—7 гг. 405 ст.

2) Барсовъ. Причитанья сѣвернаго края. Москва 1872 г., 59 ст.

3) Ibidem 68 ст.

4) Труды этнограф. статист. экспедиц. юго-зап. отдѣла 1872 г., IV т. 701 ст.; Терещенко. „Быть русскаго народа“ ч. III, 93 ст.; Буслаевъ. Историческіе очерки, т. I, 51 ст.

на твое жищѣ вѣковѣшное, ужъ побудзиць-то пришли отъ сна крѣпкава“¹⁾ Что актъ смерти нѣкогда представлялся сномъ, это доказывается употребленіемъ въ Архангельской губ. слова „жить“ и производныхъ отъ него словъ въ значеніи бодрствовать, не спать; напр.: „по вечеру, какъ это приключилось, вся деревня была еще жива,“—„мы зажили утромъ рано“, т.-е. проснулись²⁾. Языкъ особенно засвидѣтельствовалъ сродство означенныхъ понятій (смерть-сонъ) до осязательной наглядности. До сихъ поръ умершій называется „усопшимъ“ (успшимъ, успеніе) отъ глагола спать, т.-е буквально умершій это - уснувшій какъ бы на время; или умершихъ называютъ „покойниками“, т.-е. уснувшими вѣчнымъ сномъ отъ житейской суеты; о рыбѣ говорятъ, что она „заснула“, вмѣсто: „умерла, задохлась“³⁾.

Такъ опредѣлилъ себѣ нашъ язычникъ-предокъ актъ смерти. Онъ отождествилъ смерть съ мракомъ, холодомъ и сномъ, но его разуму въ явленіи смерти должно было открыть другую сторону, болѣе внутреннюю. Ему нужно было опредѣлить ту таинственную силу, которая производила самый этотъ актъ, ту силу, которая причиняетъ смерть; объяснить же младенческое сознаніе нашего предка эту себѣ силу могло не иначе, какъ представить ее матеріально, въ какомъ-либо видимомъ образѣ.

Видя быстроту, съ какой смерть появлялась то тамъ, то здѣсь, унося съ собой новыя и новыя жер-

¹⁾ Терещенко. Бытъ русск. нар. III т., 102 ст.; Этнографич. сбор. т. I, 161 ст.; Сахаровъ. Сказанія русскаго народа, т. II, 23 ст.

²⁾ Буслаевъ. Историческіе очерки, т. I, 16 ст.

³⁾ Аванасьевъ. Поэтическіе воззрѣнія, т. III, 38 ст.

твы, видя въ ней неизбѣжный рокъ, отъ котораго „ни молениемъ не отмолишься, ни слезами не отпачешься“ ¹⁾, жестокость, по которой, выражаясь словами Сумеона Полоцкаго: „смерть на лица не смотряеть, царя и нища равно умерщвляетъ“ ²⁾, видя, наконецъ, тотъ образъ, въ который смерть измѣняетъ трупъ человѣка по его истлѣннн, предки представляли смерть: то въ образѣ птицы, то страшилищемъ, соединяющимъ въ себѣ подобіе человѣческое и звѣриное, то человѣкомъ, то, наконецъ, сухимъ, костлявымъ человѣческимъ скелетомъ.

Остатокъ древне-русскихъ представлений смерти птицей мы находимъ и понынѣ. Такъ, въ названіяхъ смерти „крылатой“ ³⁾ видно прежнее представленіе о смерти, какъ о птицѣ. Въ русскихъ же загадкахъ смерть прямо называется птицею.

„На морѣ, на Оціанѣ,—говоритъ загадка о смерти,—
 „На островѣ на Буянѣ,
 „Сидитъ птица Юстрица;
 „Она хвалится, выхваляется,
 „Что все видала,
 „Всего много ѣдала.
 „Видала царя въ Москвѣ,
 „Короля въ Литвѣ,
 „Старца въ кельи,
 „Дитя въ колыбели;
 „А того не ѣдала,
 „Чего въ морѣ не достало“ ⁴⁾.

Или:

„Сидитъ птичка	„Она хвалится,
„На полничкѣ,	„Выхваляется,

1) Бессоновъ. Калѣки, ч. II, вып. 5 №№ 481, 482, 484 и 137 ст.

2) Во „Гласѣ послѣднемъ дара Алексѣя Михайловича“.

3) Бессоновъ. Калѣки вып., I, 77 ст.

4) Сахаровъ. Сказанія русскаго народа, т. II, 151 ст.

„Что никто отъ нея „Ни царь, ни царица,
„Не отвиляется: „Ни красная дѣвица“ 1).

Смерть является птицей и по причитаньямъ:

„Видно налетѣла скорая смеретушка, — читаемъ мы здѣсь, —
„Скоролетною птицынькой,
„Залетѣла во хоромное строеньце,
„Скрытно садилась на крутоскладно на зголовнице
„И впотай вѣдь взяла душу со бѣлыхъ грудей 2).

Изъ птицъ, олицетворявшихъ собою смерть, наиболѣе употребительны были: черный воронъ и сизый голубь. Подтвержденіе сказаннаго мы находимъ въ слѣдующихъ выраженіяхъ причитаній сѣвернаго края:

„Злодѣйка эта скорая смеретушка,
„Невзначай она въ домъ нашъ залетѣла,
„Она тихонько ко постели подходила,
„Она крадцы съ грудей душу вынимала,
„И чернымъ ворономъ въ окошечко залетѣла“ 3).

Или въ другомъ мѣстѣ:

„Нонько крадцы пришла скорая смеретушка,
„Пробиралась въ наше хоромное строеньце;

1) Садовниковъ. Загадки русскаго народа. Спб. 1901 г., 218 ст.

Въ нѣкоторыхъ загадкахъ смерть называется уткой, орломъ, напр.:

а) „Сидитъ *утка* на плоту, „Ни царь, ни царица
„Хвалится казаку, — „Ни красная дѣвица“.

„Никто меня не пройдетъ:

б) „Летитъ *орелъ* черезъ нѣмецкіе города, беретъ орелъ ягоды зрѣлыя и не зрѣлыя“ (ibidem 219 ст.). Олонекіе загадки-отгадки рисуютъ смерть премудрою *совой*, которая сидитъ на крышѣ. „Не можно ее накормити ни попами, ни дьяками, ни пиромъ, ни міромъ, ни добрыми людьми, ни старостами“ (Коринфскій. Народная русь. Москва, 1901 г., 704 ст.).

2) Рыбниковъ. Пѣсни III т., 414 ст.

3) Барсовъ. Причитанья сѣвернаго края, 212 ст.; Даль. Пословицы изд. 1879 г., т. II, 563 ст.

„По пути летѣла чернымъ ворономъ,
„Ко крылечку прилетѣла малой пташечкой,
„Во окошечко влетѣла сизымъ голубокѡмъ“ ¹⁾.

Согласно съ отождествленіемъ понятій смерти и ночи, „смерть-перелетна птицынька“ похищаетъ свою жертву ночью. Такъ, въ плачѣ о дядѣ двоюродномъ племянница съ горестью воспоминаетъ послѣднія минуты жизни своего родственника; проводя почти всю ночь у постели больного, она плачетъ:

„Подъ раннюю зорю да во подь утренну
„Повышла на новы сѣни рѣшетчаты,
„Оттворила крылечико переное,
„Отодвинула дверь да тутъ дубовую,
„Откуль возмись перелетна эта птиченька,
„Заблудяща, може, птиченька заморская;
„Посмотрѣла я побѣдная головушка,
„Аль сорока эта птица посакаучая,
„Аль вороница она да полетучая;
„Ань злодѣй эта-- скорая смерегушка“ ²⁾.

Изъ того факта, что смерть древне-русскій чловѣкъ представлялъ птицей, для насъ становится понятнымъ, почему различныя примѣты и гаданія касательно смерти у насъ теперь сосредоточиваются преимущественно около птицъ. Напр., карканье ворона ³⁾, крикъ совы или филина на крышѣ дома, влетѣвшая въ домъ ласточка ⁴⁾, видѣнія во снѣ черныхъ

¹⁾ Барсовъ, 167 ст. Даль. Пословицы изд. 1879 г., т. II, 563 ст.

²⁾ Барсовъ, 211 ст.

³⁾ „Когда прилетитъ воронъ и сядетъ на кровлѣ покоевъ, и будетъ кричать,—говорится въ словарѣ Русскихъ Суевѣрій Спб., 1782 г.,—то знаменуетъ, что непременно въ томъ домѣ умереть кому-нибудь скоро должно“, стр. 51.

⁴⁾ Барсовъ. Причитанья сѣвер. края, 300 ст.

птицъ ¹⁾, считаются предвѣстниками смерти. Всѣ эти гаданія и примѣты не одинъ простой плодъ выдумки современнаго человѣка, а пережитокъ давно минувшихъ дней, преданья старины глубокой, т. е. того времени, когда предокъ нашъ представлялъ смерть птицею.

Поражаясь злымъ демоническимъ характеромъ смерти, на которую, выражаясь словами пословицы, „что на солнце, во всѣ глаза не взглянешь“ ²⁾, и отъ которой „ни крестомъ, ни пестомъ не отмолишься“, предокъ представлялъ себѣ смерть устрашающимъ чудовищемъ. Въ „Повѣсти о преніи Живота со Смертію“ смерть называется „чудомъ“, и вотъ какъ она здѣсь описывается:

„Ѣдетъ Аника черезъ поле,
„На встрѣчу Аникѣ Ѣдетъ чудо:
„Голова у него человѣческа,
„Волосы у чуда до пояса,
„Тулово у чуда звѣриное,
„А ноги у чуда лошадиныя“;

и это „чудо“ говоритъ про себя:

„Я смерть страшна и грозна,
„Вельми не помѣрна“ ³⁾.

Правда, эта „Повѣсть“ является намъ въ наслѣдіе только въ рукописяхъ XVII в., „однако,—говоритъ

¹⁾ Слышано авторомъ въ Покровскомъ уѣздѣ, Владимір. губ.

²⁾ Даль. Толковый словарь, т. IV, 212 ст., Слб. 1832 г.

³⁾ Тихонравовъ. „Лѣтописи русской литературы“, т. I, 183 ст.; сравн. его списокъ о „Преніи Живота съ Смертію“:

„Животъ бѣ человѣкъ и приде къ нему Смерть. Онъ же устрасися вельми и рече ей: кто ты, о лютой звѣрь? Образъ твой страшитъ мя вельми, и подобіе твое человѣческое, а хожденіе твое звѣриное“.

(Аванасьевъ. Поэтическія воззрѣнія Славянъ на природу, т. III, 47 ст., Москва, 1869 г.).

Аванасьевъ,—основная мысль ея—борьба Смерти съ Жизнью, олицетвореніе этихъ понятій и внѣшніе признаки, съ которыми выступаетъ страшная гостья Смерть, безспорно принадлежатъ къ созданію глубочайшей древности¹⁾. Указаніе на смерть, какъ на ужасающее, подобное звѣрю, чудовище мы находимъ и у родственныхъ намъ народовъ. Такъ, Греки и Римляне смерть представляли чудовищемъ, у котораго на рукахъ кривые когти звѣря. Когтями смерть вонзается въ свою жертву и высасываетъ изъ нея кровь²⁾. Это встрѣчающееся у родственныхъ намъ народовъ указаніе на смерть, какъ на звѣроподобное чудовище (она имѣетъ руки, но какъ звѣрь пьетъ кровь), можетъ еще болѣе подтвердить нашу мысль, что нашъ предокъ, въ пору своего младенчества, имѣлъ представленіе о смерти, какъ о страшилищѣ, соединяющемъ въ себѣ подобіе звѣря и человѣка.

Относительно представленія предкомъ смерти въ образѣ человѣка подтвержденіе мы видимъ въ похоронныхъ причитаніяхъ, гдѣ о смерти говорится, что идетъ

„По крылечку она да молодой женой,
„По новымъ снѣжмъ да красной дѣвушкой,
„Аль калѣжкой она шла да перехожей,³⁾
„Аль удалымъ добрымъ молодцемъ,
„Аль славнымъ бурлакомъ Петербургскимъ“⁴⁾.

Изъ человѣческихъ образовъ смерть у предка носила образъ женщины, на что указываетъ родъ слова

1) Аванасьевъ. Поэтическія воззрѣнія, т. III, 45 ст.

2) Ibidem, т. III, 43 ст.

3) Барсовъ. Похоронныя причитанья сѣвернаго края, 2 ст.

4) Барсовъ. Причитанья сѣвернаго края, 2 ст.

„смерть“. Обыкновенно ее предокъ представлялъ себѣ отвратительной старухой. Такъ, на югѣ и по сіе время смерть представляется старухой съ большими зубами, костлявыми руками и ногами, съ косою и заступомъ ¹⁾). Бѣлоруссы представляютъ смерть женщиной-старухой, блѣдной и исхудалой, облеченной въ бѣлое покрывало ²⁾). Великоруссы — старухой съ факеломъ въ лѣвой рукѣ и косою въ правой ³⁾) или отвратительной захудалой старухой въ бѣломъ саванѣ съ косою и граблями ⁴⁾).

Кромѣ указанныхъ представлений у предка было еще представленіе о смерти, какъ сухомъ, костлявомъ человѣческомъ скелетѣ съ оскаленными зубами и провалившимся носомъ. „Это представленіе существовало, — говоритъ Аванасьевъ, — у всѣхъ индоевропейскихъ народовъ“ ⁵⁾), На Руси же его мы встрѣчаемъ не только на лубочныхъ картинахъ и въ старинныхъ рукописяхъ, но и въ представленіяхъ современнаго простолудина. Такъ, на лубочной картинѣ, изображающей встрѣчу Аники-воина со Смертью, смерть представлена человѣческимъ скелетомъ съ косою въ правой рукѣ, а за спиной имѣющей корзину съ серпомъ, топоромъ, граблями и стрѣлами ⁶⁾). Подобное же изображеніе смерти мы находимъ и въ рисукѣ рукописи

¹⁾ Труды Этнографич. статист. экспед. юго-в. кр., т. I. 1872 г., 223 ст.

²⁾ Ляцкій. Болѣзнь и смерть по представленью Бѣлоруссовъ, статья въ Этнограф. об. XIII—XIV в., 40 ст.

³⁾ Терещенко. Бытъ русск. народа, т. VII, 187 ст.

⁴⁾ Сахаровъ. Сказанія русскаго народа, т. II, 10—11 ст.

⁵⁾ Аванасьевъ. Поэтическія воззрѣнія, т. III, 43 ст.

⁶⁾ Аничковъ. Исторія русской литературы. Москва 1908 г., ч. II, 227 ст.

конца XVII в. ¹⁾, а также въ иллюстраціи древняго раскольническаго стиха „оумилєніи“ ²⁾. Въ „Житіи Василія Новаго“ о смерти говорится, что она пришла къ Θεодорѣ, „какъ левъ рыкая, образомъ зѣло страшна, подобія аки бы человѣческаго, но тѣла отнюдь не имуща, отъ единыхъ точію костей человѣческихъ составлена. Ношаше же различная орудія къ мученію: мечи, стрѣлы, копія, барды, косы, серпы, рожны, пилы, сѣкиры, теслы, оскорды и удицы, и иная нѣкая незнаемая“ ³⁾. Описаніе смерти, какъ скелета, находимъ и въ „Универсый рукопис“ (XVIII в.), гдѣ говорится: „показа архангелъ Михаилъ Аврааму смерть, сотвори ю страшную, сухую, зубатую, ребрату, голенатую и с кривою, острою косою и зъ граблями и зъ мѣтлюю“ ⁴⁾.

Изъ народныхъ же представленій о смерти, какъ о скелетѣ, являющихся пережиткомъ старины, можно привести представленія Бѣлоруссовъ. Смерть бѣлоруссъ и понынѣ представляетъ человѣческимъ скелетомъ, одѣтымъ въ бѣлый саванъ и имѣющимъ въ рукахъ длинную и острою косу ⁵⁾.

Въ представленіяхъ смерти скелетомъ замѣчательно то обстоятельство, что народная фантазія къ скелету присоединяла атрибуты, заимствованные изъ своего

¹⁾ Смот. Буслаевъ. Истор. оч., т. I, рисунокъ къ стр. 624.

²⁾ Аничковъ. Исторія русск. литературы, ч. II, 9 ст.

³⁾ Сахаровъ. Эсхотологическія сочиненія и сказанія въ древне-русской письменности и вліяніе ихъ на духовные стихи. Тула 1879 г., 167 ст.

⁴⁾ Франко. „Апокріфи и легенди з українських рукописів“. Львовъ 1906 г., т. IV, 108 ст.

⁵⁾ Этнографическое обозрѣніе вып. XIII—XIV, ст. 40, статья Ляцкаго. „Волѣзнь и смерть по представленію Бѣлоруссовъ“.

быта, которыми легко могла быть уничтожаема жизнь. Такъ, въ бытъ земледѣльческій смерть - скелетъ народъ надѣлил: косою, серпомъ, граблями, заступомъ; въ охотничій бытъ у скелета появляются: стрѣлы и бердыши и, наконецъ, въ позднѣйшій воинскій бытъ— мечъ и копье ¹⁾.

Таково было рѣшеніе предкомъ вопроса: что за таинственная сила, которая лишаетъ организмъ жизни, превращая его въ трупъ.

Теперь мы познакоимся съ тѣмъ, какъ предокъ разрѣшилъ себѣ второй вопросъ: что живить организмъ и какое онъ имѣлъ представленіе объ этой, живившей организмъ, силѣ.

III.

Представленія души.

Наблюдая явленіе смерти, предокъ замѣчалъ, что тѣло умершаго въ первыя минуты остается такимъ же, какъ было при жизни, но въ немъ уже недостаетъ чего-то, что не есть тѣло, вмѣстѣ съ чѣмъ умершій былъ прежде живымъ, мыслящимъ и сознающимъ существомъ. Обращаясь къ трупу и живому своему организму, предокъ прежде всего замѣчалъ, что трупу недостаетъ дыханія, повышающаго и по-

¹⁾ Филологическія записки, 1873 г., II, 8 ст.

нижающаго человѣческую грудь. Отсюда у него является мысль, что дыханіе и есть то нѣчто, которое дѣлаетъ человѣка живымъ, мыслящимъ и сознающимъ. Подтвержденіе чему мы находимъ въ словѣ душа, какъ родственномъ со словами: духъ, дыпать, дынуть, воздыхать, и въ имени которой для человѣка сочетается представленіе, какъ о причинѣ жизни и о нѣчто такомъ, съ чѣмъ человѣкъ является мыслящимъ и сознающимъ себя субъектомъ. Итакъ, актъ смерти открывалъ человѣку, что организмъ живить отдѣльное отъ тѣла начало—душа, безъ которой жить организмъ, или иначе, жить человѣкъ бываетъ не въ состояніи. Предокъ не могъ оставить безъ вниманія эту часть человѣческаго существа, имѣющую такое важное для него значеніе. Онъ долженъ былъ на нее, какъ и на смерть, высказать свое воззрѣніе.

Не возвышаясь своимъ младенческимъ умомъ выше чувственнаго, матеріальнаго, предокъ имѣлъ матеріальное представленіе и о душѣ, подтвержденіе чего мы находимъ въ языкѣ. Слово, какъ намъ извѣстно, является какъ бы зеркаломъ, въ которомъ отражается первоначальное пониманіе человѣка. Вникая въ коренное значеніе словъ, нельзя не замѣтить, что душу свою человѣкъ первоначально понималъ не иначе, какъ въ связи съ явленіями внѣшняго міра. Это подтверждается словами: „душа, дышать, воз(вз)-дыхать, д(ы)хнуть, духъ (вѣтеръ), дуть, дунуть, духомъ быстро, скоро, воз-духъ, воз-дыханіе, вз-дохъ“¹⁾. Въ силу этого душа въ русскомъ и другихъ славянскихъ

¹⁾ Аванасевъ. Поэтическія воззрѣнія, т. III, 210 ст. Корень этихъ словъ въ санскр. является въ видѣ dhû (потрясать, двигать, дуть, раздуть) (ibidem и Прав. Обоз. 1884 г. Шердцъ 275 ст.) „Начало религій“.

нарѣчіяхъ удерживаетъ матеріальный смыслъ, преимущественно же въ тѣхъ выраженіяхъ, которыми живописуется кончина жизни человѣка, какъ, напр.: „человѣкъ отдаетъ душу, выпускаетъ душу, испускаетъ духъ, душа выходитъ, душа улетѣла, смерть вынимаетъ душу изъ бѣлыхъ грудей, душа у него вылетѣла“¹⁾). Такія выраженія были бы невозможны, если бы съ понятіемъ души не соединялся матеріальный образъ. Слово понимается каждымъ согласно съ его образомъ мыслей, а народъ, образуя языкъ, находился въ періодѣ безсознательнаго обоготворенія силъ природы: слѣдовательно, весь языкъ, пройдя этотъ періодъ, удерживаетъ на себѣ слѣды первоначальнаго мышленія. Изобразительность въ наименованіи духовныхъ способностей произошла не отъ недостатка въ словахъ и не отъ ограниченности самосознанія, но отъ свѣжести возрѣній на природу и отъ вѣры въ тайное съ нею общеніе человѣческой души.

Первобытному человѣку все представлялось чудеснымъ, божественнымъ. Онъ во всемъ видѣлъ проявленіе одной живой силы,— и потому легко отождествлялъ физическія явленія съ духовными; онъ переносилъ свойства первыхъ на послѣднія и обратно. Отсюда матеріальное представленіе души у него является неизбѣжнымъ.

Мы въ народныхъ вѣрованіяхъ и доннѣ встрѣчаемъ взглядъ на душу, какъ на нѣчто матеріальное, и эти вѣрованія могутъ служить вторымъ подтвержденіемъ нашей мысли, что предокъ имѣлъ матеріальное представленіе о душѣ. Такъ, въ духовномъ стихѣ

1) Послѣднее выраженіе см. Полн. соб. русск. лѣтописей, I т, III ст.

„О богатомъ и бѣдномъ Лазарѣ“ говорится ангеламъ: „Положите душу на пелены“ ¹⁾, изъ чего видно, что душа есть нѣчто матеріальное. У простого народа еще и понынѣ душа изображается какъ существо, которое можетъ пить, ѣсть, гдѣ-нибудь сѣсть, за что нибуду хватиться. Въ сѣверо-западномъ краѣ, напр., до сихъ поръ приносятъ на могилы: хлѣбъ, блины, яйца, водку и т. п. и приглашаютъ усопшихъ „хлѣба соли откушать“ ²⁾. Въ Вилейскомъ уѣздѣ, Виленской губерніи, передъ Пятидесятницей, въ день празднованія „Дѣдовъ“ (т.-е. поминовенія умершихъ) въ домѣ на столахъ оставляютъ угощеніе, думая, что души умершихъ подкрѣпляютъ свои силы ³⁾. Въ Витебской губ. въ поминальные дни собравшіеся кладутъ на столъ по ложкѣ каждаго подаваемого кушанья въ надеждѣ, что „дзѣдоу“ съѣдятъ ⁴⁾. Въ Олонецкомъ краѣ не исключаютъ возможности угощать души умершихъ даже виномъ и пивомъ. Сирота - дочь, будучи невѣстой, вотъ съ какими словами обращается къ своей умершей матери:

„Родимая моя матушка!
„Наталья свѣтъ Ивановна,
„Тебѣ добро принять, пожаловать,
„Стаканъ да пива пьянаго,
„Чарочку да зелена вина
„Отъ меня отъ бѣдной сироты!
„На здоровье тебѣ вакушаты!“ ⁵⁾.

1) Безсоновъ. Калѣки, вып. I. 51, 79 ст.

2) Терещенко. Бытъ русскаго народа, т. III, 122 ст.

3) Чтенія Император. Общества Истории и Древностей. 1873 г., кн. IV, 122 ст.

4) Шейнъ. Матеріалы для изученія быта и языка русскаго населенія сѣверо-западнаго края, ч. II. Спб. 1890 г., 683 ст.

5) Барсовъ. Причитанья сѣвернаго края, 79 ст.

При этомъ присутствующіе вполне убѣждены, что душа умершей принимаетъ участіе въ подносимой ей чашѣ. Въ нѣкоторыхъ мѣстахъ на Руси родственники умирающаго, чтобы облегчить ему смертную борьбу, снимаютъ надъ нимъ потолокъ или приподнимаютъ матицу¹⁾; затѣмъ, какъ только онъ умираетъ, немедленноотворяютъ окно, на которое иногда ставятъ чашку съ водою и вѣшаютъ полотенце, чтобы душа, улетая, могла умыться и утереться²⁾. Въ „Словѣ о полку Игоревѣ“ уже прямо говорится, что можно душу выронить изъ тѣла, какъ нѣчто вещественное. „Изяславъ,— говорится здѣсь,—изрони жемчужну душу изъ храбра тѣла чрезъ злато ожерелье“³⁾. Существуетъ также повѣрье, что мать умершая приходитъ кормить грудью ребенка и оставляетъ углубленіе на кровати, гдѣ лежала⁴⁾.

Вѣра въ матеріальность души существовала и у родственныхъ намъ народовъ; какъ примѣръ укажу на литовское заклинаніе, послѣ похороннаго пира, умершихъ жрецомъ: „Ѣли, пили, душицы! обращается

1) Вѣстникъ Европы, 1830 г. XIV т., 272 ст.

2) Этнографич. сборн. V, 80—81 ст.; Барсовъ. Причитанья сѣвернаго края, 302 ст. То же см. Даль Пословицы, изд. 1879 г. II, 566 ст.

3) Буслаевъ. Историческіе очерки, т. I, 141 ст. Аванасьевъ. Поэтическія воззрѣнія Славянъ на природу, т. III, 212 ст.

4) Подобн. смот. Русскія народныя сказки Аванасьева № 205, стр. 320 т. II Моск. 1897 г. Характерно для насъ современное ученіе спиритовъ, по которому вѣсь человеческой души равенъ 3 или 4 унціямъ. (Bastian. Psychologie, p. 192).

Интересно также ученіе о душѣ Эпикура, который говоритъ: „тѣ которые говорятъ, что душа безтѣлесна, говорятъ безсмысленныя вещи, потому что она не могла бы ни дѣлать, ни чувствовать, что бы то ни было, если бы имѣла такія свойства“.

(Diog Laert. X, 67—68).

къ невидимымъ умершимъ жрецъ, — а теперь, душицы, ну вѣнъ (т.-е. вонъ)!“¹⁾.

Имѣя матеріальное представленіе о душѣ, предокъ представлялъ себѣ ее въ различныхъ образахъ. Разбирая эти образы, мы прежде всего сталкиваемся со стихійнымъ представленіемъ души въ образѣ вѣтра.

Живя тѣсною жизнію съ природой, понимая ее по аналогіи со своимъ существованіемъ, предокъ-язычникъ видѣлъ, что природа живетъ, въ ней какъ бы есть дыханіе. Дыханіе—это вѣтеръ, съ прекращеніемъ дѣйствія котораго въ природѣ какъ бы все засыпаетъ. Обращаясь къ трупу и своему живому организму, предокъ замѣчалъ, что трупу недостаетъ дыханія. Отсюда предокъ заключалъ, что духъ или душа есть вѣтеръ. Такое представленіе о душѣ имѣли всѣ индоевропейскіе и даже неиндоевропейскіе народы, о чемъ можетъ свидѣтельствовать языкъ. Мы у всѣхъ этихъ народовъ находимъ обозначеніе души посредствомъ словъ, выражающихъ понятіе: „вѣтеръ, дуновеніе“ и пр. Такъ, русское „душа и духъ“ стоятъ въ связи съ литовск. „dausa (дыханіе) и dusti (дышать). Тѣсная связь понятій: „дуть, дуновеніе, вѣтеръ“ съ одной, и „духъ, душа“ съ другой стороны является также при сравненіи съ латинск. „spiritus (дуновеніе, дыханіе, духъ, душа) и spirare (дуть, вѣять, дышать), anima, animus (духъ, душа)“ и греческ. *σνεμος* (вѣтеръ)“; греческ. *πνευμα*“ (вѣтеръ, воздухъ, духъ, душа) и *πνέω* (дую, вѣю), *ψυχή* (душа) и *ψύχειν*“ (изъ *σπυχ*—дуть); ирландск. „anam“ (душа) и „anail“ (дуновеніе, дыханіе); санскрит. „âtman“ (духъ, душа) и греческ. *ἄντημή*“ (дуновеніе, вѣтеръ); армянск. „antsn“

1) Теообальдъ. Литовско-языческіе очерки, 105 ст. Вильна 1898 г.

значить: „дуновение, духъ, душа“, англо-саксонск. „afole“=вѣяніе, духъ, душа (всѣ эти слова образованы отъ √ an).

Въ языкахъ неиндоевропейскихъ встрѣчаемъ: еврейск. „nefes и ruach“, обозначающихъ: „вѣтеръ, бурю, дыханіе, духъ и душу“ и такія же значенія имѣютъ: арабск. „nafs и ruh“; китайск. „kih“=дыханіе, впоследствии приняло значеніе: духъ, душа; венгерск. „szellem“ (духъ, душа) происходитъ отъ „szél“ (вѣтеръ); эвское „gbogbo“ (душа) основывается на коренномъ „gbo“ (дуть, вѣять); гегерское „ombero“ означаетъ, какъ вѣтеръ, такъ и душу; вотятское „lul“=„дыханіе, жизнь, душа“¹⁾; австралійское „waug“=дыханіе, духъ, душа; нетельское (Калифорнія) „pints“=духъ душа; яванское „pawa“=дыханіе, душа и т. д.²⁾

Представленіе души въ образѣ вѣтра, какъ пережитокъ старины, мы на Руси можемъ усматривать и понынѣ. Такъ, въ сѣверной похоронной причети находимъ такое мѣсто:

„Вы разойдитесь, вѣтры буйные“,—плачетъ невѣста на могилѣ матери,—
 „Раскатитесь, бѣлы камешки!
 „Раскуйтесь, гвоздики шеломчатые,
 „Покажись-ка, гробова доска,
 „Развернись-ко, бѣлый саванъ,
 „Откройте, оци ясные,

¹⁾ Православное Обзор. 1884 г., III т., ст. Шердця „Начало религій“, 275 ст.

²⁾ Тэйлоръ. Первобытная культура, т. II. Спб. 1895 г., стр. 14. Древнее воззрѣніе „душа-вѣтеръ“ отражается въ библейскомъ сказаніи о сотвореніи Богомъ челоуѣка, по которому Богъ „вдуну“ въ челоуѣка дыханіе жизни. Бытія II, 7 ст.

„Сговорите, золоты уста,
„Погляди-тко, моя ладушка!“¹⁾

Причетъ не случайно обращается къ „вѣтрамъ буйнымъ“. Здѣсь мы встрѣчаемъ не одинъ только поэтической образъ, а можемъ усматривать и сродство души съ этой стихіей или древнее представленіе о душѣ, какъ вѣтрѣ. Вѣтрамъ здѣсь какъ бы приписывается живительная сила. Отъ ихъ дѣйствія какъ бы ожидается „открытіе оцей ясныхъ“ и говоръ „золотыхъ устъ“, осмысленнаго же взгляда и рѣчи можно ожидать только отъ живого человѣка, а не отъ мертвеца. У мертвеца, слѣдовательно, вѣтеръ замѣнить то, чего ему недостаетъ, чтобы быть живымъ, т.-е. душу.²⁾ Еще яснѣе можно видѣть древнее представленіе о душѣ, какъ вѣтрѣ, изъ существующихъ у насъ суевѣрій. Когда слышится завываніе вѣтра въ трубѣ, суевѣрные люди говорятъ: „чья-то душа родная жалуется, что ее не поминаемъ“³⁾, или завываніе вѣтра считаютъ плачемъ покойниковъ, а срываніе съ домовъ бурей крышъ-считаютъ за ихъ недовольство.⁴⁾ Въ нѣкоторыхъ мѣстахъ Россіи крестьяне положительно утверждаютъ, что бури и вихри про-

¹⁾ Барсовъ. Причитанья сѣвернаго края, 75, 33, 55, 163, 164 ст.
Вариантъ: „А ти, сирая земле, распяся,
„А ти, червоная калина, расхилися,
„А ти, дорогій каменю, раскотися,
„А ти, скердиная труно, разійдися,
„А ти, милая, обизвися!“ (Кіевская старина, томъ XXX, 322 ст.)

²⁾ Подобное см. у Барсова. Причитанья сѣвернаго края, XII ст.

³⁾ Слышано авторомъ во Владимірскомъ уѣздѣ; под. у Даля. Пословицы, изд. 1879 г., т. II, 566 ст. Барсовъ. Причитанья сѣверн. края, XII ст.

⁴⁾ Труды этнограф. стат. экспед. въ юго-западн. кр. 1872 г., I, 35 ст.

исходятъ отъ того, что кто-либо повѣсился, удушился или утопился, такъ какъ душа таковыхъ людей, исторгнутая изъ тѣла, въ бурномъ полетѣ устремляется въ небесныя пространства. ¹⁾ Въ Ушицкомъ и Проскуровскомъ уѣздахъ вѣтеръ и понынѣ является умершимъ человѣкомъ, который бѣгаетъ по бѣлу свѣту и моргаетъ однимъ усомъ. ²⁾

Помимо вѣтра, душа представлялась предку еще въ образѣ огня, теплоты. Обращаясь къ трупу, предокъ-язычникъ видѣлъ, что трупъ холоденъ: въ немъ онъ не находилъ той теплоты, того внутренняго огня, которыя отличаютъ живого человѣка отъ мертваго. Отсюда предокъ-язычникъ заключалъ, что теплота и ея ближайшій источникъ огонь и есть душа, которая оставила трупъ. Такое его представленіе о душѣ подтверждалось наблюденіемъ надъ природой: природа только тогда бываетъ полна жизни и дѣятельности, когда приходитъ лѣто съ его свѣтлымъ и теплымъ солнышкомъ, во время же зимы она представляетъ холодный трупъ покойника. Такое представленіе о душѣ существовало уродственныхъ намъ народовъ. Такъ, по вѣрованію Индѣйцевъ, „Агни“ (огонь), вселяясь въ человѣка, даетъ ему жизнь ³⁾. По мнѣнію Чеховъ, надъ могилами летаютъ огненные душечки ⁴⁾; въ блуждающихъ огняхъ они видятъ души

¹⁾ Аванасьевъ. Поэтическія воззрѣнія, III, 247 ст. По словамъ же Якутовъ: вѣтры и мятели вызываетъ всякое тѣло, не преданное погребенію. (Сѣрошевскій, Якуты, т. I, 619.)

²⁾ Труды этногр. стат. экспедиціи юго-западн. кр. 1872 г., т. I, 33 ст.

³⁾ Овсяннико-Куликовскій, 688 ст.; Жизнь принималась за синонимъ духа и души. Буслаевъ, Историч. очерки, т. I, 139 ст.

⁴⁾ Котляревскій. О погребальныхъ обрядахъ языческихъ Славянъ, 194 ст.

некрещеныхъ младенцевъ. Тотъ же взглядъ на блуждающіе огни раздѣляютъ и Лужичане. ¹⁾ Отголоски представленія предка о душѣ, какъ объ огнѣ, на Руси можно усматривать изъ существующихъ суевѣрій, по которымъ свѣтящіеся на кладбищахъ огоньки, — не что иное, какъ вышедшія души (Холмская Русь). ²⁾ Простолюдины и по сіе время блуждающіе, болотные, вслѣдствіе фосфорическихъ испареній, огоньки признають за души усопшихъ, некрещеныхъ младенцевъ или вообще за души усопшихъ. ³⁾ Характерна мало-россійская сказка „О кумѣ Смерти“, указывающая на связь жизни съ огнемъ. „Смерть,—говоритъ сказка,—жила пидъ землею, здоровецка хата уся була освичена свичками: дѣ яки з’ныхъ начыналы горити, дѣ яки догорувалы и погасалы“. Пришелъ къ ней въ гости кумъ и сталъ разспрашивать про свѣчи. Смерть отвѣчала: „каждыйъ человекъ, якій тилько је на свити, мае тутъ свою свичку; якъ винъ тилько родыцьця—свичка запалюетця, якъ свичка гасне—винъ умирае“, „А гдѣ жъ моя свѣчка?“ спросилъ кумъ. Смерть указала ему догорающій остатокъ, и когда тотъ сталъ молить, чтобы она удлинила его свѣчу, строго замѣтила ему: „чи пам’ятаешъ, що ты мене узявъ за куму за то, що я живу по правди? чи уже жъ съ той поры, якъ ты ставъ паномъ, тоби не мила правда?“. ⁴⁾ Еще яснѣе связь понятій огня и жизни становится для насъ въ словѣ „воскресать“, которое образова-

¹⁾ Аванасьевъ. Поэтическія возвращенія, т. III, 198 ст. Neues Lausitz. Magazin 1843, III—IV, 353.

²⁾ Труды этнограф. статист. экспедиціи въ юго-западн. край 1872 г., I т., 46 ст.

³⁾ Буслаевъ. Историч. очерки, т. 1, 139 ст. Аванасьевъ. Поэтическія возвращенія, III, 197 ст., II, 80 ст.

⁴⁾ Аванасьевъ. Поэтическія возвращенія, т. III, 203 ст.;

лось отъ стариннаго слова „кресь“ — огонь (кресиво или кресало, — польское krzesiwo — огниво; кресати, кресити — высѣкать искры, откуда „кресник — Июнь, т. е. мѣсяць огня) и буквально значить: возжечь пламя, а въ переносномъ смыслѣ: возстановить погасшую жизнь. ¹⁾ Доказательство нашей мысли, что предокъ представлялъ душу въ образѣ огня, мы можемъ еще усматривать изъ тѣхъ эпитетовъ, которые мы даемъ душевнымъ движеніямъ, — такъ, чувству мы даемъ эпитеты: горячее, пылкое, теплое; о любви, враждѣ и злобѣ выражаемся, что онѣ возгорѣлись и погасли. ²⁾ Во всемъ этомъ нельзя не видѣть отголоска древняго представленія нашего предка о душѣ, какъ огнѣ, который, по ихъ понятію, сообщаетъ очамъ блескъ, крови жаръ, а всему тѣлу внутреннюю теплоту. ³⁾

Отожествленіе души съ огнемъ послужило основаніемъ для древняго челоуѣка представлять ее и подъ образомъ звѣзды, потому что послѣдняя, по его возрѣнію, считалась тоже огнемъ. Это сближеніе усматривается въ тѣхъ метафорахъ, которыя и до сихъ поръ ей придаются простолюдинами: „звѣзды горять, звѣзда гаснетъ, звѣзда пылаетъ“. Остатокъ

¹⁾ Аванасьевъ. Поэтич. возрѣнія, III, т., 205 ст.; Буслаевъ. Историческіе очерки, т. I, 139 ст.

²⁾ Аванасьевъ. Поэтич. возрѣнія, т. III, 197 ст. и томъ I, 440 ст.

³⁾ Душа признавалась огнемъ и у другихъ народовъ. Для примѣра приведу слова пророка племени Шаунисовъ. „Отвынѣ, — говорилъ пророкъ путешественнику Танеру, — огонь въ твоей хижинѣ никогда не должеъ угасать: лѣтомъ и зимою, днемъ и ночью, въ бурю и въ затишье. Ты должеъ помнить, что жизнь въ твоемъ тѣлѣ и огонь въ твоей хижинѣ одно и то же. Какъ только потухнетъ у тебя огонь, въ ту же минуту кончатся и твое существованіе. (Леббокъ. Начало цивилизація, 175 ст.)

древняго представленія души въ образѣ звѣзды мы встрѣчаемъ также въ народныхъ вѣрованіяхъ, по которымъ рожденіе человѣка сближается съ появленіемъ на небѣ особо принадлежащей ему звѣзды, а смерть его—падениемъ таковой; почему, видя падающую звѣзду, простолудинъ говоритъ, — что „кто-нибудь умеръ, ¹⁾ чья-то душа покатилаь“. ²⁾ Есть даже народный рассказъ о трехъ сестрахъ-вѣдьмахъ, которымъ, послѣ ихъ смерти, досталось весь вѣкъ горѣть на небѣ тремя звѣздами близъ Млечнаго пути, — звѣзды эти называются „дѣвичьи зори.“ ³⁾

Идя далѣе въ своихъ представленіяхъ о душѣ, предки олицетворяли ее въ образѣ дыма или пара. Можно думать, что къ такому представленію о душѣ предки пришли или чрезъ непосредственное наблюденіе надъ процессомъ горѣнія, или чрезъ наблюденіе дыханія въ холодное время. Наблюдая за огнемъ, предки видѣли, что огонь сопровождается дымомъ, наблюдая же дыханіе во время холода, они замѣчали, что онò (дыханіе) принимаетъ видъ дыма, пара и у нихъ происходитъ отождествленіе души еъ дымомъ, паромъ. Дымъ или паръ—тотъ же воздухъ, вѣтеръ, только болѣе чувственно могутъ они быть познаны, такъ какъ подлежатъ оцущенію внѣшнихъ чувствъ: зрѣнія и обонянія. Весьма естественно было народному сознанію перейти къ этому представленію; оно,

¹⁾ Аванасьевъ. Поэтическія воззрѣнія, т. III, 206 ст.

²⁾ Журналъ Министерства Народнаго Просвѣщенія 1863 г. № 7, 21 ст.

³⁾ *ibidem*. Подобное вѣрованіе мы встрѣчаемъ и у родственныхъ намъ народовъ. Такъ, Индусы вѣрили, что души умершихъ предковъ сияютъ на небѣ звѣздами, а по словамъ Аристотеля звѣздой является каждая душа усопшаго. (Аванасьевъ. Поэтическія воззрѣнія Славянъ на природу, томъ III, 208 ст.)

по крайней мѣрѣ, могло удовлетворять пытливости внѣшнихъ чувствъ, такъ какъ подъ душою разумѣлось собственно физическое вдыханіе или выдыханіе воздуха, или пара. На существованіе такого представленія о душѣ у древняго предка указываетъ намъ языкъ. Такъ, слова: „духъ, душа“ имѣютъ корень въ видѣ „dhû“ (дуть, раздуть), отъ этого же корня происходитъ и слово „dhûta“—дымъ. Со словомъ дымъ (dhûta), старославянское „дымъ“, стоятъ въ родствѣ также слова, означающія душевныя способности; такъ, по корню ему родственны: греческ. *Θυμός* — душа и движеніе страсти; славянск.: „душа и думать“, литовск., „dumà“, „dumóti“, (латышск. *duhmi*). Очевидно, что дымъ и душа въ древнее время предкомъ отождествлялись. ¹⁾ Представленія о душѣ въ видѣ дыма, какъ остатокъ, усматриваются въ Софійскомъ Временникѣ (II, 333), гдѣ о смерти Василя Ивановича сказано: „и видѣ Шигона духъ его отшедше, аки дымецъ малъ“. ²⁾ Въ Олонецкой губ. и до сего времени разлука души съ тѣломъ нерѣдко представляется въ видѣ поднятія вверхъ какого-то пара. „Вдарилъ онъ его, — говорятъ здѣсь, — а у него и паръ вонъ“. ³⁾ Здѣсь же существуетъ и такая поговорка: „у бабы не душа, а паръ“. ⁴⁾ Представляютъ душу паромъ и въ Витебскомъ уѣздѣ. Здѣсь на поминки усопшаго, во время похоронъ, обыкновенно

¹⁾ Шамкевичъ. Корнесловъ русскаго языка, Спб. 1842 г. У австралийскихъ племенъ душа называется „tohi“—дымъ. (Православн. обзор. 1884 г., т. III. Шердель. Начало религіи, 276 ст.)

²⁾ Тождъ у Буслаява. Историческіе очерки, т. I, 139 ст.; Аванасевъ. Поэтич. воззрѣнія, т. III, 209 ст.

³⁾ Этнографич. обзорѣніе IV, 49 ст. 1890 г.

⁴⁾ Этнограф. обзорѣніе IV, 49 ст., 1890 г.

пекутъ блины; при этомъ главнымъ обрядомъ имѣется въ виду паръ, который принимаютъ за душу умершаго, возносящагося на небо ¹⁾).

Наблюдая явленія природы, предки наши не могли не замѣтить и того обстоятельства, что дымъ или паръ въ пространствѣ принимаетъ видъ облака. Это, въ свою очередь, дало имъ поводъ представлять душу въ образѣ облака. Остатки такого представленія можно видѣть въ сохранившейся похоронной причети, гдѣ говорится:

„Какъ душа да съ бѣлымъ тѣломъ ликовалася,
„Бывъ, какъ облако, она да подымалася“. ²⁾

Душу облакомъ представлялъ и родственнѣй намъ народъ — Греки. Указаніе на такое ихъ представленіе находимъ въ Иліадѣ, гдѣ говорится, что душа Патрокла ушла отъ Ахилеса, какъ облако сквозь землю. ³⁾

Таковы были первоначальныя представленія предка о душѣ. Эти представленія были у него въ періодъ безсознательнаго обоготворенія силъ природы. Древнѣйшій человѣкъ въ это время догадывался о душѣ, какъ о силѣ, только по тѣмъ проявленіямъ творческой дѣятельности, какія замѣчалъ въ окружающемъ его воздухѣ, огнѣ и другихъ вещественныхъ элементахъ.

Когда же первобытнѣйшій человѣкъ сталъ различать то, что онъ видѣлъ, отъ того, что побуждало видимое къ дѣйствию, словомъ — различать внутрѣнное отъ

¹⁾ Шейнъ. Бѣлорусскія народныя пѣсни, 370 ст.

²⁾ Барсовъ. Причитанья сѣвернаго края, 205 ст.

³⁾ Илиада XXIII, 100 ст. Тирольскіе крестьяне вѣрятъ до сихъ поръ, что душа человѣка выходитъ изо рта въ видѣ бѣлаго облака. (Тэйлоръ, Первобытная культура, II т. Спб. 1895 г., 15 ст.)

внѣшняго, — тогда представленіе души изъ области стихійной перешло въ область зооморфическую, и въ этомъ направленіи онъ сталъ представлять ее въ образѣ птицы, бабочки, мухи или вообще крылатаго насѣкомаго. Основаніе такого представленія, по объясненію г. Аванасьева, таится въ отдаленныхъ вѣкахъ язычества, когда молніямъ придавался миѳическій образъ червя, гусеницы, а вѣтрамъ—птицы, душа чело-вѣческая роднилась съ тѣми и другими стихійными явленіями, а потому въ представленіи древняго чело-вѣка она принимаетъ и тѣ образы, какіе давались имъ грозовому пламени и дующимъ вѣтрамъ ¹⁾).

Остатокъ древняго представленія души въ образѣ крылатыхъ насѣкомыхъ мы и по сей часъ встрѣчаемъ на Руси. Такъ, напр., въ Ушицкомъ уѣздѣ, душу народъ представляетъ въ видѣ мухи ²⁾). Въ Грубеновскомъ же уѣздѣ простолюдины думаютъ, что душа летаетъ во время сна чело-вѣка летучей мышью ³⁾). Душа вѣдьмы, возвратившейся съ ночныхъ похожде-ній, летаетъ, по народному повѣрью, около своего тѣла мухою и пчелою, пока не попадетъ въ тѣло—свое жилище ⁴⁾). Въ Ярославской и Олонецкой губер-ніяхъ на бабочку смотрятъ, какъ на душу чело-вѣка, называя ее „душечкой“ ⁵⁾).

¹⁾ Аванасьевъ. Поэтическія воззрѣнія Славянъ, т. III, 214—215 ст.

²⁾ Соч. Чубинскаго, т. I, 149 ст.

³⁾ Ibidem.

⁴⁾ Контаровичъ. Средневѣковые процессы о вѣдмахъ, 195 ст., подобное у Аванасьева. Поэтич. воззрѣнія, т. III, 218 ст.

⁵⁾ Православное обозр., 1884 г., ч. III, (Шердль. Начало рели-гій) 277 ст.; Барсовъ. Причитанья сѣвер. края, XIII ст.; Аванасьевъ. Поэтическ. воззрѣнія, т. III, 216 ст.; Котляревскій. О погребальныхъ обычаяхъ, 193 ст.

Если же мы обратимся къ родственнымъ намъ народамъ, то и у нихъ мы найдемъ отголоски древняго представленія души въ образѣ насѣкомыхъ. Еще въ древнюю эпоху Греки бабочку считали душою чловѣка. Они называли ее „πετομένη ψυχή“ = летающая душа. Слово „ψυχή“ у нихъ обозначало, какъ душу, такъ и бабочку. Современные же Греки называютъ бабочку „ψυχροῦδα“ = душечка ¹⁾. Славяне-Сербы рассказываютъ, что душа вѣштыцы (вѣдьмы, колдуньи) летаетъ во время сна бабочкою или птицей и, если спящую вѣштыцу перевернуть головою туда, гдѣ были ея ноги, то возвратившаяся душа не найдетъ входа въ свою тѣлесную обитель и будетъ продолжать летать ²⁾. Считаютъ бабочку душою чловѣка такъ же Чехи и Болгары ³⁾.

Что же касается представленія души въ образѣ птицы, то остатокъ его мы находимъ въ похоронной причети, гдѣ часто встрѣчаемъ такія обращенія къ умершему:

„Появись-приди, надежная головушка,
 „Хоть съ чиста поля явись яснымъ соколомъ,
 „Со темныхъ лѣсовъ явись сизымъ голубемъ,
 „Хоть съ глубокихъ озеръ сѣрой утушкой ⁴⁾,
 „Хоть съ погоста прилети да черной галочкой“ ⁵⁾.

¹⁾ Православ. обзор. 1884 г., ч. III, ст. Шерцля, 277 ст.; Срп-рѣчник, 66—67: „вѣштыца се зове жена, која, има у себи некая таволски дух, која у сну не изитѣ и сотвори се у лепира, у кокош или у турку“ (въ бабочку, курицу или индѣйку).

²⁾ Аванасъевъ. Поэтическія воззрѣнія, т. III, 216 ст.

³⁾ Ibidem; Котляревскій. „О погребальныхъ обычаяхъ языческихъ Славянъ“, 193 ст.

„У Кореновъ, въ Бирмѣ, душа называется „leirja“ = бабочка, такъ какъ бабочки рисуются въ ихъ воображеніи какъ блуждающія души покойниковъ. (Шерцль. Православ. Обзорѣніе, 1884 г., т. III, 277 ст.)

⁴⁾ Барсовъ. Причитанья сѣвернаго края, 174 ст.

⁵⁾ Ibidem, 65 ст.

Или же: „Та прилизь же ты до мене, мій братику, хоть сивымъ голубемъ, хоть яснымъ соколомъ, хоть билымъ либидемъ“ ¹⁾. Простолюдины до сихъ поръ убѣждены, что бѣлый голубь—душа незаконнорожденнаго младенца, крещенаго бабкой, задушеннаго и похороненнаго не на кладбищѣ ²⁾. Душа вѣдьмы, возвратившейся съ ночныхъ похожденій, по повѣрью тѣхъ же простолюдиновъ, летаетъ около перевернутаго тѣла „то гуською, то куркою“ до тѣхъ поръ, пока не попадетъ въ свое жилище—тѣло ³⁾. Но болѣе любимое представленіе души—это представленіе ея въ образѣ кукушки. Простолюдины, оставаясь вѣрными такому воззрѣнію, обращаются въ своихъ причитаніяхъ къ умершему съ такими словами: „Прилетайко мнѣ кукушечкой, прокукуй мнѣ свою волюшку“ ⁴⁾. Они до сихъ поръ убѣждены, что кукушка можетъ предсказывать имъ срокъ ихъ жизни и потому, увидя ее, обращаются къ ней съ такими словами: „кукушка, кукушка, сколько лѣтъ мнѣ жить?“ и по числу ея кукованій, полагая каждое за годъ, заключаютъ, сколько лѣтъ осталось до смерти. Представленіе души въ образѣ птицъ послужило основаніемъ существующаго и теперь у крестьянъ Курской

1) Воронежскія губерн. вѣдомости 1851 г. № 2; то же см. у Аванасьева. Поэтич. воззрѣнія, т. III, 220 ст.

2) Слышано авторомъ въ Меленков. уѣздѣ, Владимір. губерніи. Голубь, изображенный на могильныхъ памятникахъ, у Литовцевъ является знакомъ отлетѣвшей души. (Буслаевъ. Историческіе очерки, томъ I, 141 ст.) У Германцовъ же существуетъ повѣрье, что когда тонетъ корабль, то души утопшихъ поднимаются изъ воды и возносятся на небо бѣлыми голубями (Филол. Зап., 1873 г., 13 ст.).

3) Канторовичъ. Средневѣковые процессы о вѣдмахъ, 195 ст.

4) Аванасьевъ. Поэтическія воззрѣнія Славянъ на природу, т. III, 220 ст.; Тамбовск. губ. вѣд. 1850 г., № 4.

губерніи обыкновенія кормить птицу въ продолженіи 6 недѣль по смерти кого-либо изъ семьи, съ каковою цѣлю родственники умершаго каждое утро осыпають могилу хлѣбными зернами ¹⁾).

Уподобляя явленія природы, особенно дождевыя облака, различнымъ животнымъ, древній человѣкъ, съ теченіемъ времени, съ одной стороны, въ силу долговременнаго употребленія этого уподобленія, съ другой—въ силу привычки, сталъ принимать метафоры за простыя, непереносныя выраженія. Въ силу чего, связавъ представленіе души съ образомъ животного, онъ отождествилъ ее впоследствии буквально. Между такими образами животныхъ, принимаемыхъ душами, по всей вѣроятности, болѣе употребительными были у предка образы тѣхъ животныхъ, которыхъ онъ чаще встрѣчалъ.

Наслѣдіе древнихъ представленій души въ образѣ животныхъ мы на Руси можемъ усматривать въ сѣверной похоронной причетѣ, гдѣ плакальщицы, оплакивая покойника, выражаются:

„Покажись, приди, надежная головушка,
„Хоть съ подь кустышка приди да сѣрымъ заюшкомъ,
„Изъ подь камышка явись да горностаюшкомъ“ ²⁾

Что у нашихъ предковъ было представленіе души въ образѣ животныхъ, это подтверждается существо-

¹⁾ Этнографическій сборникъ, т. V; ст. 82. (Статья „Быть курскихъ крестьянъ“). То же можно встрѣтить и въ Покровскомъ уѣздѣ, Владимірской губ.

²⁾ Барсовъ. Причитанья сѣвернаго края, 19, 218 ст. Характерно для насъ въ данномъ случаѣ представленіе Осетинъ, которые въ бѣломъ барашкѣ видятъ душу умершаго ребенка. (Записки Императорской Академіи Наукъ, № 2, приложение XXIV части).

ваніемъ таковыхъ представленій у родственныхъ намъ славянскихъ племенъ: Чеховъ и Сербовъ, которыя считаютъ мышь образомъ души ¹⁾. По словамъ же Потебни представленіе о душѣ въ образѣ мыши существовало и у всѣхъ другихъ славянскихъ племенъ ²⁾.

Съ развитіемъ сознанія о человѣческомъ достоинствѣ представленіе души въ своемъ развитіи у предка приняло форму антропоморфическую. Оправданіе этого мы находимъ въ похоронной причети, гдѣ представленія души встрѣчаются то въ образѣ добраго молодца, то калѣки перехожей, то купца московскаго.

„Приди-появись,—говорится здѣсь,—
„Сердечно мое дитяtko,
„Хоть къ крылечку приди добрымъ молодецъ,
„Хоть незнамой калѣкой перехожей,
„Хоть купцомъ приди московскимъ“ ³⁾.

Остатокъ древняго представленія души въ образѣ человѣка можно усматривать и изъ духовнаго стиха „О бѣдномъ Лазарѣ“, гдѣ сказано:

„Возмите душу вы (ангелы) Лазареву,
„Несите ее вы подѣ правую руку,
„Посодѣте ее вы во свѣтломъ раи“ ⁴⁾.

Здѣсь слова: „несите ее (душу) подѣ правую руку“, указываютъ намъ, что душа, какъ и человѣкъ, имѣетъ руки, а такое представленіе не могло быть въ христіанствѣ, гдѣ душа признается не матеріальной сущностью.

¹⁾ Аванасьевъ. Поэтическія воззрѣнія, т. III, 30 ст.

²⁾ Потебня. „О доль и сродныхъ съ нею существахъ“, ст. въ Древностяхъ и Трудахъ Московскаго Археологическаго Общества, т. I, 171 ст.

³⁾ Барсовъ. Причитанья сѣвернаго края, 104 ст.

⁴⁾ Безсоновъ. Калѣки, выпускъ , 63, 70 ст.

Было еще у предка антропоморфическое представление души въ видѣ тѣни, легкой какъ воздухъ и неуловимой для осязанія. Тѣни эти у нашихъ предковъ носили названіе „навье“. Въ лѣтописи подъ 1092 г. говорится, что жители Полоцка были избиваемы мертвецами—неуловимыми для взора провидѣніями: „и не бѣ ихъ видѣти самѣхъ, но конь ихъ видѣти копыта, и тако уязвляху люди плотскыя и его (ихъ) область; тѣмъ и человекы глаголаху, яко навье бьютъ полочанъ“¹⁾. Полное олицетвореніе навья Буслаевъ находитъ въ скандинавскомъ имени карлика „nâg“ (nâig, nâinn), т.-е. мрачный карликъ, цвергъ²⁾—что соотвѣтствуетъ славянскимъ „людкамъ“³⁾. На существованіе у предка представленія души усопшихъ въ образѣ карлика могутъ указывать народныя повѣрья, по которымъ душа есть малый ребенокъ (Холмская русь) или она, какъ говорятъ въ Харьковскомъ и Кѣневскомъ уѣздахъ, есть человекчикъ съ чистымъ и прозрачнымъ тѣломъ⁴⁾. Въ Переяславской лѣтописи говорится: „изъ навеи дѣти насъ емлютъ“⁵⁾. Здѣсь умершіе, какъ видимъ, названы „дѣтьми“. Можетъ подтвердить древнее представленіе души человекомъ

¹⁾ Полное собраніе русскихъ лѣтописей, т. I, 92 ст.

Американское племя ланго вѣритъ, что душа есть тѣнь и имѣетъ форму согрота съ живымъ дыханіемъ. Эта тѣнь тѣсно связана съ тѣломъ и исходитъ изъ него по смерти. (Le Roy. „La religion des primitifs“. Paris, 1909 г., 154 ст.).

²⁾ Буслаевъ. О вліяніи христіанства на славянскій языкъ, Москва, 1848 г., 64 ст.

³⁾ Калачевъ. Архивъ историко-юридическихъ свѣдѣній, 1850 г., т. I. 43 ст.

⁴⁾ Труды этнограф. статист. экспедицій, т. I, 149 ст.

⁵⁾ Переяславская лѣтопись, 51 ст.

и старинная иконная живопись, гдѣ душа изображается младенцемъ, который исходитъ изъ усть покойника и улетаетъ на небо или возносится туда ангелами. Подобныя изображенія мы встрѣчаемъ въ миниатюрахъ, украшающихъ древнія рукописи ¹⁾, и въ печатномъ изданіи Печерскаго Патерика и на лубочныхъ картинахъ ²⁾.

Впослѣдствіи, при развитіи человѣческаго самосознанія, душа у предка уже не сливается конкретно со своими образами, а принимаетъ только ихъ форму. Она въ его представленіяхъ получаетъ характеръ уже болѣе духовный. Это послужило основаніемъ къ происхожденію у него вѣры въ переселеніе душъ и ихъ превращенія, на что мы уже обратимъ вниманіе при описаніи самаго представленія предками загробнаго міра.

Такъ древне-русскій человѣкъ разрѣшилъ себѣ вопросъ: что живетъ организмъ и таковы его были представленія объ этой, живившей организмъ, силѣ.

IV.

Безсмертіе души.

Разрѣшивъ себѣ вопросъ: что живетъ организмъ, любознательный умъ предка не могъ остановиться на этомъ вопросѣ и положить конецъ своей любознательности. Предъ нимъ невольно вырастала сѣть дру-

¹⁾ Буслаевъ. Историческіе очерки, т. I, 435 ст.; т. II, 153 ст.

²⁾ Таковы картины: „Молитва св. Сидору блаженному“, „Смерть грѣшника“, „Молитва за усопшаго іерея“ и друг.

гихъ вопросовъ: продолжаетъ ли существовать душа по смерти или совсѣмъ пропадаетъ, если же продолжаетъ жить, то куда она уходитъ и какъ тамъ живетъ?

Трупъ мертвеца говорилъ предку, что души въ немъ нѣтъ, но это еще не доказывало ему, что душа совсѣмъ утратилась, что она больше не существуетъ. Одухотворяя природу, перенося на нее свои психическіе процессы, предокъ не могъ примириться съ совершеннымъ уничтоженіемъ души. Онъ даже не могъ примириться съ той мыслию, что душа совсѣмъ оставила трупъ, а полагалъ, что душа живетъ съ нимъ. Природа шла ему на помощь въ подтвержденіи мысли. Въ ней онъ видѣлъ—въ перемѣнѣ дня и ночи, лѣта и зимы — аналогію съ актомъ смерти. Актъ смерти напоминалъ ему и актъ сна. Актъ смерти для него былъ мракомъ, холодомъ, сномъ. Считая актъ смерти таковымъ, предокъ, естественно, сознавалъ, что душа будетъ жить. Вѣдь послѣ сна, да и во снѣ, человекъ живетъ; мракъ, холодъ—тоже не вѣчны: послѣ нихъ наступитъ день, теплое лѣто. Его сильно развитый инстинктъ жизни не мирился съ конечнымъ уничтоженіемъ послѣ смерти всего въ человекѣ, и вотъ у него является вѣра, что со смертію жизнь земная не прекращается, но только принимаетъ новыя формы, что душа будетъ жить, какъ она жила и во время сна.

Вѣра въ загробную жизнь души никогда не покидала человекъ, и существованіе ея мы находимъ у всѣхъ древнихъ народовъ подъ всѣми поясами и широтами. Обращаясь къ родственнымъ намъ славянскимъ племенамъ, свидѣтельство о вѣрѣ въ жизнь души за гробомъ мы находимъ въ пѣсняхъ Крале-

дворской рукописи, въ которыхъ воспѣваются событія языческаго времени. Въ этихъ древнихъ пѣсняхъ не одинъ разъ упоминается, что душа, послѣ смерти человѣка, живетъ, оставаясь подлѣ тѣла до тѣхъ поръ, пока не совершится погребальный обрядъ. Такъ, въ пѣснѣ „Cestmir a Wlaslaw“ (Честмиръ и Влаславъ) сказано:

„Wlaslaw wstati ne mozes;
„Morena jej sipase w noc crnu...
„Aj, a vyjde dusa z rwúcej huby,
„Wyletie na drwo, a po drwech
„Semo tamo, doniz mrtew nezzen“ ¹⁾.

Въ пѣснѣ „Zàboj a Slawoi“ (Забой и Славой) послѣ описанія пораженія Забоемъ Людека находимъ такія слова:

„Tamo (т.-е. на полѣ битвы, гдѣ лежитъ много метрвыхъ тѣлъ) i wele dus tekà semo po drewech;

„Iich bojié se ptactwo i plachy swer,
„Iedno sowy nebojie se ²⁾.

Не менѣе важно и свидѣтельство грамоты Нѣмецкой 1240 г., что жрецы Поморянъ увѣряли народъ, будто они видятъ, какъ душа честнаго человѣка съ

¹⁾ Котляревскій. О погребальныхъ обычаяхъ языческихъ Славянъ 110 ст.

Переводъ. „Влаславъ встать не можетъ:
Морена его усыпила въ ночь черную...
Вотъ и вышла душа изъ стенищихъ устъ,
Валетѣла на дерево и (порхала) по деревьямъ
Туда и сюда, пока не сожгли мертваго“.

²⁾ Ibidem 109 ст. *Переводъ.* „Тамъ много душъ носятя туда-сюда въ деревьямъ; боятса ихъ птицы и пугливый звѣрь, однѣ (или „только“) совы ихъ не боятса“.

дружиной переходить къ другой жизни на небо ¹⁾. На существованіе же вѣры въ будущую жизнь души у русскихъ-Славянъ указываютъ погребальныя обряды, бывшіе въ употребленіи у нашего предка въ его языческой періодъ. Такъ, Ибнъ-Доста (около 930 г.) въ своей „Книгѣ драгоцѣнныхъ драгоцѣнностей“ передаетъ слѣдующее извѣстіе о нашихъ предкахъ-язычникахъ: „Когда (у русскихъ) умираетъ какой знатный, для него вырываютъ могилу въ видѣ просторной комнаты, кладутъ туда мертвеца, кладутъ туда одежду, золотыя обручи, которые онъ носилъ, много яствъ, кружки съ напитками и другіе неодушевленные предметы цѣнности. Жена, которую онъ любилъ, живую помѣщается въ погребальной комнатѣ; затѣмъ затворяютъ двери, и она тамъ умираетъ“ ²⁾. Изъ этого указанія арабскаго писателя можно усматривать, что наши предки-язычники вѣрили въ продолженіе жизни за гробомъ, ибо странно предположить, чтобы предки безъ всякой цѣли клали съ покойниками различныя вещи въ могилу, а тѣмъ болѣе зарывали съ нимъ живую его „любимую“ жену. Цѣль здѣсь ясна. Предокъ такъ поступалъ благодаря вѣрѣ, что умершихъ ожидаетъ жизнь за гробомъ и притомъ жизнь, подобная жизни земной, ибо здѣсь видно еще желаніе пользоваться за гробомъ всѣмъ тѣмъ, чѣмъ умершіе пользовались до смерти. Въ доказательство того, что обрядъ погребенія, описанный арабскимъ писателемъ, болѣе или менѣе правдоподобенъ, можно указать на

¹⁾ Срезневскій. „Извѣстія о языческомъ богослуженіи древнихъ Славянъ, Спб. 1868 г., 14 ст.

²⁾ Гаркави. Сказанія мусульманскихъ писателей, 270 ст.

Котляревскій. О погребальныхъ обычаяхъ, 55 ст.

Журналъ Министерства Народнаго Просвѣщенія часть 140, ст. 675.

нынѣ существующіе обычаи въ нѣкоторыхъ мѣстахъ Россіи, напр.,—Бѣлоруссіи,—класть съ покойникомъ въ могилу любимыя имъ при жизни вещи, а такъ же и ѣду съ питьемъ¹⁾. Обычаи, нынѣ существующіе, никакъ нельзя отнести къ христіанскому происхожденію, ибо по христіанскому воззрѣнію душа за гробомъ не нуждается ни въ чемъ матеріальномъ, а это есть ни больше ни меньше какъ остатокъ отъ языческихъ временъ. Итакъ, жизнь умершаго, или, иначе, жизнь души, по воззрѣнію предковъ, продолжала существовать и за гробомъ.

V.

Мѣстопребываніе души по смерти человѣка. (Земля).

Разрѣшая далѣе вопросъ (куда душа уходитъ или гдѣ живетъ), мы прежде всего сталкиваемся съ вѣрованіемъ предка въ посмертную жизнь души на землѣ, гдѣ она, по его воззрѣнію, живетъ, принимая на себя различные образы.

Признавая за душой способность превращаться, предокъ вѣрилъ, что душа умершаго блуждаетъ по землѣ подъ видомъ огня или носится въ видѣ вѣтра. Остатокъ такихъ представленій предка можно усматривать въ существующихъ у простого народа повѣрьяхъ. Такъ, простой народъ думаетъ, что вѣдьмы и кол-

¹⁾ Цитаты будутъ привед. далѣе въ гл. VIII.

дуны по смерти огненными шарами каждый годъ отправляются къ рѣкѣ Іордану омыть свои грѣхи, но ихъ на пути всегда застигаетъ дождь и они никогда не достигаютъ своей цѣли ¹⁾. Если жена тоскуетъ по умершемъ мужѣ, то онъ по ночамъ къ ней можетъ, по народному повѣрью, явиться огненнымъ змѣемъ, проникая въ домъ черезъ трубу ²⁾. Въ Малороссіи, по разсказу одной женщины, умершая обратилась вихремъ. „Умерла одна баба,—такъ говоритъ разсказчица,—взяли у насъ рушныки; та впустили рушныки у яму, тай забулися объ нихъ; батько оглядились, де ти рушныки? Лаютъ батько, що немає рушныкивъ; а мы-що робить? Съ сестрою за лопаты; давай откуповать ту бабу; норовицы зъ дви земли вивернули; якъ узяли тягнуть... й взявсь зъ тией могылы вихоръ; якъ почавъ, якъ почавъ крутить! Всю солому обдеръ, чуть нашей хаты не перевернувъ!“³⁾. По вѣрованію Бѣлоруссовъ, душа вѣтромъ врывается въ трубу и стонетъ, прося поминовенія ⁴⁾.

Имѣя такое представленіе, предокъ также былъ убѣжденъ, что душа умершаго можетъ превращаться въ растенія, а слѣдовательно, и жить на землѣ.

Живя среди природы и приковывая къ ней свои взоры, древній человѣкъ невольно замѣчалъ, что то разнообразіе растительнаго царства, которое его окружаетъ, имѣетъ свои корни въ землѣ и отъ земли получаетъ свое бытіе. Видя такую способность земли производить и произрастать, примитивный человѣкъ

¹⁾ } Слышано авторомъ въ Покровскомъ уѣздѣ, Владимірской губ.

²⁾ } Васильевъ. „Малорусскія похоронные обряды и повѣрья, ст. 321.

⁴⁾ Митрофанъ Какъ живутъ наши умершіе, т. II, Спб. 1880 г.,

считалъ и себя происшедшимъ отъ земли. Такое убѣ-
жденіе у него могло возникнуть еще и потому, что
онъ находилъ по тлѣниіи человѣческаго организма зе-
мляной прахъ. Дѣйствительно, у всѣхъ народовъ мы
находимъ названіе человѣка земнороднымъ, а земля
называется матеріею. Такъ, въ санскритскихъ поэмахъ
и именахъ мы часто встрѣчаемъ эпитетъ человѣка:
„рожденный отъ Ману“, или „рожденный землею“. Вѣ
этихъ же поэмахъ и земля называется матерію,—
„mâtar Prithivi“, т.-е. творящую производительницей,
отъ корня „ma“, которая могла рождать людей¹⁾.

У Гомера, въ гимнѣ Венерѣ (118), люди названы
„χαμαιγενείς“=рожденные землею²⁾, а въ Иліадѣ на-
ходимъ богиню „Δημήτηρ“, дочь Крона и Реи, сестру
Зевса, которая была матерью-землею, ибо Δημήτηρ
образовалось изъ „Γῆ-μήτηρ“. (γῆ=земля, μήτηρ=мать).
Существовало у древнихъ Грековъ и преданіе, что
Пелазги, родоначальники Грековъ, произошли отъ
Пелазга, котораго родила земля³⁾. У Римлянъ почи-
талась „terra mater (Юнона)“, и у нихъ мы встрѣча-
емъ преданіе, записанное Овидіемъ о Кадмѣ, кото-
рый хотѣлъ сражаться съ людьми, вышедшими изъ
земли.

„Territus hoste novo Cadmus capere arma parabat,—пишетъ
Овидій,—

„Ne cape: de populo, quem terra creaverat, unus

„Exclamat „nec te civilibus insere bellis“.

¹⁾ Аванасьева. Поэтическая воззрѣнія Слав. на природу, т. I, 127 стр.

²⁾ Въ текстѣ стоитъ: „χαμαιγενέων ἀνθρώπων“.

³⁾ Глаголевъ. Изъ чтеній о религіи, 114 ст. Серг.-Посадъ 1905 г.;
Иліада, пѣснь XV, 187 ст. и сл.; Аванасьева. Поэтическая воззрѣнія Сла-
вянъ на природу, т. I, 128 ст.

„Atque ita terrigenis rigido de fratribus unum
„Comius ense ferit“... 1).

Называетъ землю матерію, матушкой, а человѣка земнороднымъ и нашъ русскій народъ. Интересенъ, въ данномъ случаѣ, стихъ, съ которымъ крестьяне Нижегородской губ. обращаются къ землѣ предъ собираніемъ лѣкарственныхъ зелій и кореньевъ. Вотъ этотъ стихъ:

„Гой, земля еси сырая,
„Земля матерая,
„Матерь намъ еси родная!
„Всѣхъ еси насъ породила,
„Воспоила, воскормила
„И угодемъ надѣлила;
„Ради насъ своихъ дѣтей,
„Зелій еси нарѣдила,
„Польгой бѣса отгоняти
„И въ болѣзняхъ помогати.
„Повели съ себя урвати
„Разныхъ надобьевъ, угодьевъ,
„Ради польги на животъ“.

Что нашъ предокъ считалъ себя происшедшимъ изъ земли, на это мы находимъ указаніе также въ стихѣ „О Голубиной книгѣ“, гдѣ говорится, что наши

„Кости крѣпкія отъ камени,
„Тѣлеса наши отъ сырой земли 2).

Правда, стихъ „О Голубиной книгѣ“ на Руси по-

1) Ovid. *Metamorfosa* III, 115. *Переводъ*. „Устрашенный новымъ врагомъ, Кадмъ готовится схватиться за оружіе. „Не бери!“—воскликнуть одинъ изъ народа, который создала земля,—„и не вводи себя въ гражданскія войны“. И, такимъ образомъ, въ рукопашной схваткѣ одного изъ братьевъ земнородныхъ твердымъ пронзилъ мечомъ.

2) Безсоновъ. *Калѣки*, вып. II, 356 стр.; вып. II, № 567, ст. 73.

является поздно и притомъ заключенное въ немъ сказаніе о сотвореніи міра и человѣка перешло къ намъ отъ другихъ народовъ, но уже одно то, что оно могло срастись съ убѣжденіемъ и кругомъ возрѣній русскаго народа, указываетъ намъ, что оно не было чуждо духу нашего предка и могло быть заимствовано только изъ обще-индоевропейскаго источника ¹⁾.

Считая себя происшедшимъ изъ земли, древній человѣкъ ставилъ чрезъ это происхождение себя въ родственную связь съ окружающимъ его растительнымъ царствомъ, такъ какъ онъ видѣлъ, что и растенія получаютъ свое бытіе изъ земли. На основаніи этого, а такъ же вслѣдствіе одухотворенія природы и перенесенія на нее психическихъ процессовъ, растенія и деревья представлялись древнему человѣку не мертвыми, а подобными ему живыми существами. Они, какъ и онъ, получили изъ одной матерней утробы свое бытіе, они, какъ и онъ, растутъ, раздѣляютъ явленія жизни и смерти, здоровья и болѣзни, однимъ словомъ, они обнаруживаютъ всѣ черты, напоминающія человѣка. Такое представленіе дало возможность примитивному человѣку заселять растенія и деревья душами умершихъ. Къ этому же побуждало его и то обстоятельство, что на могилахъ умершихъ онъ находилъ растенія, выросшія какъ бы изъ праха погребеннаго мертвеца. Для него было вполне естественно переселить въ это растеніе душу умершаго, а что душа, дѣйствительно, могла жить въ деревьяхъ, въ этомъ древняго человѣка убѣждало присутствіе въ нихъ огня, который обнаруживался во время тренія

¹⁾ Буслаевъ. Историческіе очерки I, 144 стр.

древесныхъ кусковъ ¹⁾; огонь же предокъ считалъ не только живительной силой, но и душою человѣка.

Слѣды древняго вѣрованія нашего предка въ переселеніе души умершаго въ разныя растенія сохранились въ существующихъ на Руси сказкахъ, народныхъ преданіяхъ и стихахъ. Такъ, въ сказкѣ „О Снѣжевиночкѣ“ говорится, что на могилѣ убитой Снѣжевиночки вырастаетъ камышъ, изъ котораго бурлаки дѣлаютъ дудочку. Дудочка досталась въ руки родителей Снѣжевиночки; они разломали ее — и оттуда выскочила ихъ дочка ²⁾. Подобное находимъ въ мало-русской сказкѣ „Маруся“. Маруся умерла отъ злого упыря. На могилѣ ея вырастаетъ цвѣтокъ. Боярскій сынъ пересаживаетъ цвѣтокъ въ горшокъ и привозитъ домой. Ночью цвѣтокъ начинаетъ двигаться, упадаетъ на земь со своего стебля и превращается въ красивую дѣвицу ³⁾. Въ сказкѣ „О злой мачехѣ“ рассказывается объ убійствѣ мачехой падчерицы. Убитая превращается въ калину. Прохожіе дѣлаютъ изъ калины дудочку, которая сама играетъ и рассказываетъ объ убійствѣ. Сюжетъ этотъ варьируется весьма разнообразно: иногда сестра убиваетъ брата и на могилѣ убитаго вырастаетъ бузина, то братъ — сестру и вырастаетъ тростинка, то двѣ сестры убиваютъ третью, накрываютъ ее елкой, а на елкѣ вырастаетъ цвѣтокъ, который поетъ о совершенномъ злодѣяніи ⁴⁾.

¹⁾ Огонь въ древнее время добывался посредствомъ тренія двухъ древесныхъ кусковъ. Вѣстникъ Европы 1827 г., апрѣль, 688 ст.

²⁾ Русскія народныя сказки Аванасьева, № 137, т. II, 137 ст.

³⁾ Русскія народныя сказки, т. II, № 137, 123 ст.; № 206, 323 ст.

⁴⁾ Ibidem, № 137; Кулишъ. „Записки о южной Руси“, II т., 20 стр. сказка „О злой мачихѣ“), Спб., 1857 г. Въ сказкахъ „Самарскаго края“

По народному повѣрью незамужнія дочери, по смерти, превращаются въ тополь ¹⁾, а проклятыя матерью—въ крапиву ²⁾. Въ пѣснѣ „О Васильѣ и Софьюшкѣ“ говорится, что

„На Васильевой могилѣ выростала золота верба,
„На Софѣиной могилушкѣ кипарисно деревцо;
„Корешокъ съ корешкомъ сорастались,
„Пруть съ прутомъ совивается,
„Листоукъ съ листкомъ солипается“ ³⁾.

Если обратимся къ родственнымъ намъ славянскимъ народамъ, то и въ ихъ пѣсняхъ такъ же найдемъ указанія на превращенія умершихъ въ различныя растенія. Такъ, сербская пѣсня рассказываетъ о любовникахъ, которыхъ разлучила злая мать; съ горя они умерли и на ихъ могилахъ

„Више драгог зелен бор израсте,
„А више драге румена ружица“ ⁴⁾,

или въ пѣснѣ „Два брата съ сестрою“ говорится:

„Два су бора напоредо расла,
„Медю нима танковерха ела:
„То не била два бора зелена,
„Ни медь нима танковерха ела,
„Веть то била два брата родена

говорится, что на могилѣ убитой растеть „дягилекъ“ (Садовниковъ, Спб., 1901 г., 105 ст.); Буслаевъ. Историческіе очерки, I, 21 ст.

1) Труды этногр. статистич. экспед. 1872 г., I, 224.

2) Слышано авторомъ въ Покровскомъ уѣздѣ, Владимір. губ.

3) Безсоновъ. Калѣки, ч. I, вып. III, 70 ст.

4) Караджичъ. Српске народне пјесне I, 239—240 ст., изд. 1865 г.

Переводъ. „Поверхъ милаго выросла сосна зеленая, поверхъ милой—румяная роза“.

„Едно Павле, а друго Радуне,
„Медю нима сестрица Елица“ ¹⁾).

Въ болгарской пѣснѣ „Стоянъ боленъ“ герой пѣсни Стоянъ, каясь матери въ содѣянныхъ имъ преступленіяхъ, говоритъ, что онъ зарѣзалъ „два млада за две младицы“. Когда, говоритъ Стоянъ, я пошелъ отъ мѣста убійства и оглянулся, то

„Де-то бѣхъ невяста-та врѣзаль
„Бѣла си лоза поросла,
„А де-то врѣзаль момѣка,
„Зелена бора поросла“ ²⁾).

Словенская пѣсня „Два гроба“, рассказывая о смерти молодого Іована и его возлюбленной Анны, говоритъ:

„Іована схоронили,
„Когда солнце восходило;
„Милу Анну схоронили,
„Когда солнце заходило
„И изъ гроба Іована
„Вырастала ала роза,
„И изъ гроба милой Анны
„Бѣла лилія всходила“ ³⁾).

Одна литовская пѣсня рассказываетъ о розовомъ деревцѣ, въ которое превратилась душа мѣлодца, что скончался отъ любовной тоски ⁴⁾, а въ ихъ „рауду“

¹⁾ Безсоновъ. Калѣки, ч. I, вып. III, 711 ст.

²⁾ Миладиновици. Болгарск. народни пѣсни, 140 ст., Загребъ, 1861 г.

³⁾ Журналъ Министер. Народн. Просвѣщ., 1840 г., XXVIII ч., 78 ст.

⁴⁾ Черты литовскаго народа, 118 ст.

(плачѣ) жена выражаетъ соболѣзнованіе, что у ней „нѣтъ мужа—зеленаго деревца, молодого дубка“ ¹⁾).

Кромѣ принятія формъ растительнаго царства, душа умершаго, по представленію предка, могла также продолжать свое существованіе на землѣ подъ видами различныхъ насѣкомыхъ, птицъ и животныхъ. Въ Малороссіи, напр., до сихъ поръ народъ говоритъ, что человекъ, по смерти, непосредственно можетъ быть: муравьемъ, птицей, звѣремъ ²⁾). Въ Херсонской губ. утверждаютъ, что если не будетъ роздана заупокойная милостыня, то душа умершаго явится къ роднымъ въ видѣ ночной бабочки и будетъ виться вокругъ зажженной свѣчки. Увидавъ таковую, родственники умершаго на другой же день собираютъ и кормятъ нищихъ ³⁾). На югѣ же Россіи старухи, возвращаясь съ кладбища послѣ похоронъ, садятся на цѣлую ночь караулить душу усопшаго и ставятъ на столъ сыту; онѣ убѣждены, что душа умершаго прилетитъ подъ видомъ мухи и станетъ пить для нея приготовленный напитокъ ⁴⁾). На Воляни о душахъ умершихъ дѣтей рассказываютъ, что онѣ, принимая видъ ласточки, конопляночки и другихъ пѣвчихъ

¹⁾ Теобальдъ. Литовско-языческіе очерки, 102 ст., Вильна, 1898 г. Характерна чувашская пѣсня, приведенная Алемариномъ въ его статьѣ: „Очерки народной поэзіи у чувашъ“. Рекрутъ-чувашъ тяготится солдатскимъ именованіемъ. Ему тяжело его носить и онъ думаетъ, что надъ его горемъ поплачутъ умершіе родители. Онъ идетъ къ нимъ и видитъ:

„Среди поля стоятъ старый дубъ,—

„Подумалъ я,—говоритъ чувашъ,—что батюшка, и подошелъ,—

„Не сказалъ онъ мнѣ: пойдѣ ко мнѣ, сынокъ,—

„То не былъ мой отецъ“.

²⁾ Никифоровскій. Русское язычество, Спб., 1875 г., 63 ст.

³⁾ Аванасевъ. Поэтическія воззрѣнія Славянъ на природу, III, 216.

⁴⁾ Ibidem, 218 ст.; Этнографическій сборн., I, 371 ст.

птиць, садясь по деревьямъ возлѣ отцовскихъ избъ, поютъ сладкозвучныя пѣсни ¹⁾. Въ одной же сказкѣ разсказывается, что душа неповинно убитой дѣвицы летаетъ къ любимому ей человѣку подъ видомъ соловья и поетъ ему про свое несчастье ²⁾. Въ одной же изъ малорусскихъ пѣсенъ говорится, что душа убитаго мужа прилетала къ плачущей вдовѣ въ образѣ павлина ³⁾. Въ средней Россіи по сіе время говорятъ, когда влетитъ зимой въ домъ птица, „упокойничекъ озябъ: пичужкой погрѣться прилетѣлъ“ ⁴⁾. Вѣрятъ на Руси и въ то, что душа часто летаетъ голубемъ и пребываетъ на мѣстѣ своего погребенія, и у насъ отъ древняго времени сохранился обычай строить на могилахъ особыя постройки, для отдохновенія души и для защиты ея отъ ненастья, носящія названія голубцовъ ⁵⁾. Особенно же представленіе о томъ, что умершій (иначе его душа) живетъ на землѣ, въ природѣ, принимая на себя различные виды пернатаго царства, мы встрѣчаемъ въ похоронныхъ причитаніяхъ. Такъ, плачущая по усопшемъ проситъ его обернуться „перелетнымъ да яснымъ соколомъ“ ⁶⁾, вскинуться „бѣлымъ голубочкомъ“ ⁷⁾, явиться „на свое широкое подворьеце“ въ видѣ „пташечки“ ⁸⁾. Убитая горемъ дочь спрашиваетъ свою мать-покойницу: „Да коли ты до меня въ гости прибудешь, да чи ты итти-

1) Аванасевъ. Поэтическія воззрѣнія, т. III, 223 ст.

2) Его же. Русскія народныя сказки, 196 ст., т. II.

3) Его же. Поэтическія воззрѣнія, т. III, 223 ст.

4) Слышано авторомъ во Влад. губ., въ Покровскомъ уѣздѣ.

5) Шляпкинъ. О крестахъ, ст. 7.

6) Барсовъ. Причитанія сѣвернаго края, 174 ст.

7) Этнографич. обозрѣніе XIII—XIV вв., 106—107 ст.

8) Шейнъ. Бѣлорусскія пѣсни 24, 10.

мешь, чи летитынешь, чи плеститынешь? Утонькою плеститынешь, буду ряску розгоняти, зозулею будешь летиты, сады буду росхилати, дорогою ититынешь, буду дориженьку помитаты, буду и воритички одчиняты“¹⁾.

Въ причитаньяхъ мы находимъ указаніе и на то, что мертвые могутъ, живя на землѣ, принимать виды различныхъ животныхъ. Такъ, жена проситъ умершаго обернуться заюшкомъ и придти навѣститъ ее²⁾. Въ русскихъ сказкахъ мать превращается по смерти въ коровушку - буренушку и приходитъ къ своей дочери прясть ленъ³⁾.

Родственные намъ славянскіе народы также имѣютъ представленія о жизни души на землѣ подъ различными видами пернатого и животного царствъ, что еще болѣе можетъ подтвердить нашу мысль, что у нашего предка было вѣрованіе въ земную жизнь души умершаго. Такъ, польскія преданія утверждаютъ, что каждый членъ рода Гербуртъ обращался по смерти въ орла, а первородная дочь Пилецкихъ превращалась въ голубку, если умирала до брака, и въ сову, если умирала въ замужествѣ. Лиговцы увѣряютъ, что душа по смерти превращается въ соловья или жаворонка⁴⁾. По мнѣнію Чеховъ въ сову превращается жена, невѣрная своему мужу⁵⁾. Тѣ же

1) Кіевская старина XIII т., 79 ст. ст. Брайловскаго. Малорусскія похорон. причитанія.

2) Шейнъ. XII, 10, 24.

3) Русскія народныя сказки, Аванасьева т. I, 76—80 ст.

4) Филологич. зап. 1873 г., 13 ст., ст. Народное творчество.

5) Аванасьевъ. Поэтическія воззрѣнія, III, 222 ст.

Племена Бразиліи вѣруютъ, что души умершихъ превращаются въ прекрасныхъ птицъ и перхаютъ по деревьямъ. (Православн. Обзорѣніе, т. 3, 1884 г., 472 ст., ст. Шерцля, Начало религій.)

Чехи убѣждены, что души умершихъ летаютъ въ видѣ голубей, ¹⁾ бѣгаютъ по землѣ въ видѣ кошекъ, зайцевъ, безголовыхъ овецъ, бѣлыхъ коней ²⁾, а по одному ихъ преданію душа самоубійцы превращается въ черную собаку и во все то время, которое чело-вѣкъ долженъ былъ бы прожить, если бы не нало-жилъ на себя рукъ, скитается по землѣ ³⁾.

Приводимыя представленія, какъ доказательства въ пользу существованія у предка представленія зем-ной жизни души умершаго подъ видами различныхъ стихій, растений, насѣкомыхъ, птицъ и животныхъ, могутъ показаться мало убѣдительными, такъ - какъ заимствованы изъ христіанскаго періода, какъ рус-скаго, такъ и другихъ славянскихъ народовъ, но если мы обратимъ вниманіе, что въ христіанствѣ душа признается не матеріальной духовной сущностью, то увидимъ, что указанныя представленія не могли быть продуктомъ христіанства, а пришли и живутъ въ славянскихъ земляхъ, какъ остатокъ далекихъ язы-ческихъ временъ нашего предка-язычника, — именно, они пришли отъ того времени, когда нашъ предокъ одухотворялъ природу, жилъ съ нею тѣсною связью и представлялъ ее такимъ же живымъ организмомъ, какъ и онъ самъ.

Вѣруя въ земное существованіе души умершаго подъ вышеупомянутыми видами, нашъ древній пре-докъ-язычникъ былъ также убѣжденъ, что душа умер-шаго можетъ жить на землѣ и подъ видомъ чело-вѣка

¹⁾ Котляревскій. О погребальныхъ обычаяхъ языческихъ Славянъ, 194 ст.

²⁾ Аванасьевъ. Поэтич. возрѣнія, III т., 305 ст.

³⁾ Коринфскій. Народная Русь, 715 ст. Москва 1901 г.

или его тѣни. Она, по его возрѣнію, даже можетъ жить въ тѣхъ владѣніяхъ, которыми умершій обладалъ при жизни, и даже въ самомъ его жилищѣ. На существованіе такого представленія у древняго предка указываетъ вѣра въ „Рода“, или „Чура“, котораго замѣнилъ нашъ „домовой“ ¹⁾, и вѣра въ русалокъ, въ которыхъ предокъ видѣлъ души умершихъ.

Свидѣтельствуя о древнѣйшемъ бытѣ нашихъ предковъ, лѣтописецъ говоритъ, что они „живяху каждо съ своимъ родомъ и на своихъ мѣстахъ“ ²⁾ и, притомъ, „особѣ“ ³⁾, т. е. разъединенно родъ отъ рода. Отдѣльный родъ въ то время представлялъ изъ себя нѣсколько семей, связанныхъ узами кровнаго родства и властью одного родоначальника. Родоначальники носили названія: старецъ, жупанъ, владыка, князь и проч. ⁴⁾ и въ своемъ лицѣ соединяли не только власть и управленіе родомъ, но и обязанности жреца ⁵⁾. Доселѣ уцѣлѣвшіе народные обычаи живо свидѣлствуютъ намъ за то богослужебное значеніе старшаго или родоначальника, которое принадлежало ему

1) Владиміровъ. Введеніе въ исторію русской народной словесности, 42 ст., 1896 годъ.

2) Полное собраніе русскихъ лѣтописей, т. I, 4 ст.

3) *ibidem*, ст. 5.

4) Соловьевъ. Исторія Госуд. Россійск., I т., 56 ст. 18. 4 г. Моск.

Последнее названіе особенно было употребительно у русскихъ Славянъ. Слово „князь“ или „князь“, происходитъ отъ корня „кон“ — предѣлъ, граница, вершина, начало; корень же „кон“ происходитъ отъ санскритск. „джан“—рождать, и князь въ санскритѣ имѣетъ себѣ соотвѣтственные: „джанка“, „джанутри“, откуда латинское „genitor“ (Архивъ историко-юридическихъ свѣдѣній сост. Калачевымъ 1850 г., ч. I, 164 ст.; Буслаевъ. „О вліяніи христіанства на славянскій языкъ. Москва 1848 г., 164 ст.)

5) Голубинскій. Исторія русской церкви, 846 ст., т. I, ч. II. Моск. 1904 г.

нѣкогда въ средѣ рода, какъ жрецу. Въ Малороссіи до сихъ поръ наканунѣ Новаго года хозяинъ исполняетъ тотъ же „законный“ обрядъ, какой, по свидѣтельству Саксона - Грамматика, совершалъ въ старину жрецъ во время Святovitова праздника: онъ садится за столъ, уставленный всякаго рода печеньями, и послѣ обычнаго замѣчанія домохозяевъ, что его не видно изъ-за приготовленныхъ яствъ, молить объ урожаѣ будущаго года говоря: „дай же, Боже, щобъ и на той рокъ не бачили! 1)

По указанію колядской пѣсни, закланіе въ жертву козла совершалось старикомъ.

„За рѣкою за быстрою,—говорится въ пѣснѣ,—
„Лѣса стоятъ дремучіе,
„Во тѣхъ лѣсахъ огни горять,
„Огни горять великіе,
„Вокругъ огней скамьи стоятъ,
„Скамьи стоятъ дубовыя,
„На тѣхъ скамьяхъ добры молодцы,
„Добры молодцы, красны дѣвицы,—
„Поютъ пѣсни колюдушки.
„Въ срединѣ ихъ старикъ сидитъ,
„Онъ точитъ свой булатный ножъ.
„Котель кипитъ горючій.
„Возлѣ котла козель стоитъ;
„Хотятъ козла зарѣзати“. 2)

До сихъ поръ наибольшій въ семьѣ наканунѣ Рождества и подъ Великъ день приносить жертву морозу, которая состоитъ въ угощеніи мороза киселемъ 3).

1) Аванасъевъ. Поэтическія воззрѣнія Славянъ на природу, II т., 52.

2) Сябгиревъ. Русскіе простонародные праздники и суевѣрные обряды, т. II, 68—69 ст. Москва 1838 г.

3) Обрядъ угощенія мороза происходитъ такъ: старикъ семейства беретъ ложку овсянаго киселя, възлѣзаетъ съ нимъ на печь; просовываетъ голову въ волковое окно, и говорятъ тамъ:

Нужно замѣтить, что и вообще всѣ уцѣлѣвшіе отъ старины обломки жертвенныхъ и богослужебныхъ обрядовъ совершаются у насъ на Руси главнымъ образомъ старшими въ семьѣ — стариками и старухами. Все это можетъ подтвердить мысль, что въ древнее время жреческую обязанность несъ тотъ же родоначальникъ, который и управлялъ родомъ. Предокъ привыкъ благоговѣть предъ своимъ старшимъ, ибо онъ видѣлъ въ немъ не только начальника, жреца и управителя, но и надежнаго хранителя рода и его интересовъ. Когда умирало такое лицо, предокъ не могъ примириться съ мыслью, что умершій навсегда прекратилъ свою земную дѣятельность, и у него является вѣра въ „Рода“, или „Чура“ ¹⁾, подъ ко-

„Морозъ, морозъ! Приходи кисель ѣсть,
„Морозъ, морозъ! Не бей нашъ овесъ,—
„Ленъ да канапи, въ землю вколоти“.

Народъ вѣритъ, что морозъ, удовольствованный киселемъ, не убьетъ ни льна, ни коноплю, ни овса. (Сахаровъ. Сказаніе русскаго народа, т. I, 54 ст. Аванасьевъ. Поэтич. воззрѣнія, I, 319; II т., 52 ст.)

1) „Чуръ“, славянская форма „щуръ“, сохранившаяся въ названіи „пращуръ“, указываетъ намъ на предка основателя рода. Наши ученые историки: Соловьевъ и Ключевскій, считаютъ „Чура“ за одно лицо съ „Родомъ“ и видятъ въ словѣ „Чуръ“ только другое имя „Рода“, а потому эти наименованія и я смѣшиваю.

Что подъ „Родомъ“ нужно разумѣть умершаго родоначальника, это можно вывести изъ помѣщеннаго въ Пансіевскомъ сборникѣ „Слова св. Григорія, изобрѣтеннаго въ тольцѣхъ о томъ, како первое погани, суще языцы, кланялися идоломъ и требы имъ клали: то и нынѣ творять“. Въ этомъ словѣ проповѣдникъ, имѣя въ виду указать языческое происхожденіе вѣры въ „Рода“, сближаетъ его съ подобнымъ, съ его точки зрѣнія, мнѣческимъ представленіемъ другихъ народовъ. Онъ говоритъ: что „Родъ“ означалъ у Славянъ то же, что у Гремовъ Артемида; противопоставляя Артемиду „Роду“, проповѣдникъ придаетъ даже ея имени мужское окончаніе: „Начаша Елини ставити трапезу Роду и

торымъ онъ разумѣлъ своего умершаго родоначальника, заботящагося объ его благосостояніи и охраняющаго его отъ дѣйствія различныхъ враждебныхъ силъ. Что у предка, дѣйствительно, было представленіе о Родѣ или Чурѣ, какъ о душѣ покровителя-родоначальника, на это мы находимъ указаніе въ современномъ заклинаніи. Такъ, предограждая себя отъ нечаянной опасности, простолудинъ произноситъ заклинаніе: „Чуръ меня!“ т. е. „храни меня дѣдъ“, „Чуръ наше мѣсто свято!“ Здѣсь мы видимъ Чура въ роли охранителя человѣка. Но мы знаемъ, что родоначальникъ заботился не только объ охранѣ своихъ сородичей, а онъ заботился и о родовомъ достояніи;

Рожаницамъ (такъ переведено Артеиду и Артеидѣ), таже Египтяне, таже Римляне, даже и до Славенъ доиде. Се же словени начали трапезу ставити Роду и Рожаницамъ прежде Перуна Бога ихъ“: (Православный Обзоръ — 1865 г. Августа, 245 ст. „О борьбѣ христіанства съ язычествомъ“). Это мѣсто въ сборникѣ Кириллова монастыря читается такъ: „Оттуда же извыкоша елени класти требы, артеиду і артеидѣ. Рекше роду і рожаницѣ, тацѣ же египтяне. Тако і до Словѣнъ доиде се слово і ти начаша требы класти роду и рожаницамъ прежде Перуна Бога ихъ“. (Шевыревъ. Поѣздка въ Кирилло-Бѣлозерскій монастырь, 11, 33, Соловьевъ. „Исторія, т. I, прим. 90, 304 ст. Москва 1874 г.) Извѣстно, что у Грековъ Артеида считалась покровительницею плодovitости: она давала людямъ плодovitость и благополучные роды, отсюда (изъ объясненій проповѣдника) можно уловить намекъ на то, что Роду приписывалась Славянами и древне-русскими людьми плодотворящая, возрождающая къ жизни сила. На такое свойство Рода указываетъ, по нашему мнѣнію, самое названіе его, имѣющее одинъ корень со словами: „рождать“, или „рожать“, „родитель“, „родственникъ“ и т. п. Представителемъ же и носителемъ плодотворящей жизненной силы, кромѣ боговъ: Перуна, Дажь-бога и Лады, могъ быть и родоначальникъ, праотецъ, дающій жизнь цѣлому роду. Такимъ образомъ, сближеніе, въ „Словѣ св. Григорія“, Рода съ Артеидою является для насъ основаніемъ видѣть въ Родѣ обоготвореннаго умершаго предка-родоначальника.

таковымъ для насъ является и Чурь. Такъ, въ Бѣлоруссiи до сего времени Чурь или Родъ почитается хранителемъ полей и пашень, состоящихъ въ опредѣленной межѣ ¹⁾. Чурь также оберегаетъ и домъ. Его присутствiе заставляетъ удаляться всѣхъ злыхъ челоуѣку духовъ и ни одинъ изъ нихъ, въ его присутствiи, не можетъ причинить челоуѣку вреда ²⁾.

Такимъ образомъ, „Чурь“, или „Родъ“, является тѣмъ же охранителемъ родичей, какимъ былъ для нихъ живой родоначальникъ, т.-е. прерогативы, которые усваивались живому родональнику, переносятся съ нимъ и въ загробный мiръ.

Роль благодѣтельнаго предка для жизни древнерусскаго челоуѣка предполагаетъ и мѣсто его пребыванiя. Оно необходимо должно быть тамъ, гдѣ мѣсто арены его дѣятельности, т.-е. на землѣ, что особенно ярко выразилось въ вѣрованiи въ домового.

Домовой—это теперь своенравный дѣдушка. Онъ представляется въ образѣ старика волосатаго, сѣдого и имѣющаго низкiй ростъ. Такъ, Малоруссы представляютъ себѣ домового маленькимъ карликомъ съ длинной сѣдой бородой ³⁾. Въ Вятской губ. рассказываютъ, что домовой показывается людямъ старикомъ, ростомъ съ пятилѣтняго ребенка, всегда въ красной рубашкѣ, опоясанной синимъ кушакомъ, лицо у него сморщенное, борода бѣлая, волосы на головѣ желтовато-сѣрые, а глаза словно огонь ⁴⁾. Въ другихъ губернiяхъ домового знаютъ, какъ малень-

1) Аванасевъ. Поэтическiя воззрѣнiя, т. II, 90, 92 ст.

2) Шепингъ. Мiры славянскаго язычества, 77 ст. Москва 1849 г.

3) Древности. Труды Моск. Археолог. Общества, I. т., 171 с. ст. Потебня „О долѣ и сродныхъ съ нею существахъ“.

4) Отечественныя записки, 57 томъ, 135 ст. смѣсь.

каго старикашку, одѣтаго въ красную рубашку; у него сѣдая, длинная борода, волосы на головѣ всклокочены и застилають лицо, голось глухой и суровый; онъ любитъ браниться, употребляя въ брани крѣпкія русскія слова; ¹⁾ тѣло домового все покрыто густой шерстью и мягкимъ пушкомъ; даже ладони и подошвы у него въ волосахъ, только лицо около глазъ и носа голое ²⁾).

Древность домового по письменнымъ памятникамъ засвидѣтельствована только въ XIV в., гдѣ онъ названъ „проклятымъ бѣсомъ храможителемъ“ ³⁾, но даже въ современныхъ чертахъ домового указывается, что его прошлое лежитъ въ далекой языческой старинѣ, когда у нашего предка существовалъ культъ усопшихъ. Уже самое названіе домового: „дѣдъ“, „дѣдушка“, „дидька“, „дзѣдъ“ наводитъ на мысль, что подъ нимъ разумѣется душа усопшаго, ибо въ нѣкоторыхъ мѣстахъ Россіи названія: „дѣдъ“, „дзѣды“, „дѣды“, усвояются умершимъ ⁴⁾. Связь домового съ умершими открывается и изъ слѣдующаго факта: въ нѣкоторыхъ мѣстахъ Россіи до сего времени сохранился знаменательный обрядъ, по которому родственники умершаго, принося ему яйца, масло, деньги, просятъ его хранить и оберегать ихъ имущество. „Вотъ тебѣ, Семенъ (имя покойника),—говорятъ они,—на! Это принесла тебѣ Марѳа (хозяйка), береги у нея скотину и хлѣбъ, когда я буду жать, корми цыплятъ и гляди за до-

¹⁾ Авдѣва. Записки о старомъ и новомъ русскомъ бытѣ, 145 ст. Спб. 1842 г.; Живая Старина, вып. I, 117 ст.

²⁾ Аванасьевъ. Поэтич. возвращенія, II, 74 ст.

³⁾ Буславевъ. Историческіе очерки, I, 560 ст.

⁴⁾ Чтеніе Общ. Исторіи и Древностей 1873 г., кн. 4, 122 ст.; Шейнъ. Бѣлорусскія народныя пѣсни, 374—376.

момъ“ ¹⁾). Здѣсь, какъ мы видимъ, на умершаго возлагаются различныя заботы о живыхъ, заботы, относящіяся къ благополучію семьи, а эти заботы, обыкновенно, у насъ на Руси усвояются дѣду-домовому. Домовой у насъ является охранителемъ и устройтелемъ семейнаго очага. Онъ охраняетъ домъ, не давая въ немъ являться злomu существу, оберегаетъ скотину, чиститъ ее по ночамъ, поить ее водой, даетъ кормъ, заплетаетъ лошадямъ гривы, надзираетъ за птицею (особенно курами), огородами, амбарами, овинами, носить хозяину дома деньги, дѣлаетъ его нивы плодотворными ²⁾), вообще несетъ тѣ заботы, которыя, какъ мы видѣли, возлагаются на души умершихъ.

Однако, въ домовомъ чувствуется не просто духъ всякаго умершаго, а духъ умершаго родоначальника. На прямое отношеніе домового къ духу умершаго родоначальника указываютъ тѣ черты, которыя рисуютъ домового, какъ домовитаго хозяина—патріарха.

Домовой—идеаль хозяина. Никто лучше его не радѣетъ о хозяйствѣ дома или двора, никто такъ не бережетъ хозяйское добро, какъ онъ: здѣсь онъ приберетъ къ мѣсту какую-либо вещь, тамъ поправитъ что-нибудь или подмететъ дворъ. Собственно, настоящимъ обладателемъ дома, хозяиномъ въ немъ, является не живой владѣлецъ его, а дѣдъ домовой, отчего домового называютъ хозяиномъ, хозяюшкой ³⁾). Хозяинъ

¹⁾ Терещенко. Быть русскаго народа, III, 84; Аванасьевъ. Поэтич. воззрѣнія, II, 76.

²⁾ Аванасьевъ. Поэтическія воззрѣнія, II, 67—119 ст. Даль. Пословицы, изд. 1879 г., 574 ст., т. II.

³⁾ Лопари домового наз. „перть“, т.-е. хозяинъ, и онъ у нихъ — управитель дома и лицо, замѣняющее живого хозяина. (О нойдахъ у древнихъ и современныхъ лопарей. Харузинъ, 54 ст.)

дома есть не болѣе, какъ представитель домового. Существуетъ убѣжденіе, что домовый „словно вылить въ хозяина дома“. Онъ часто принимаетъ видъ умершаго домохозяина ¹⁾. Эти-то характерныя черты, приписываемыя домовому—черты праотца, положившаго начало семейному очагу.

По народному представлеію, въ каждомъ домѣ—свой домовый. Только свой домовый бываетъ добръ, только онъ заботится о благосостояніи дома, который принадлежитъ ему. Чужой же домовый всегда золъ, онъ постоянно старается вредить человѣку во всемъ, поэтому его боятся и произносятъ противъ него заклинанія. Такъ, въ одномъ заговорѣ испрашивается защита свѣтлыхъ духовъ „отъ черта страшнаго, отъ чужога домовога“ ²⁾. Если мы припомнимъ, что у предка господствовалъ родовой бытъ, когда каждый родъ жилъ обособленно отъ другихъ, когда родоначальникъ одного рода не имѣлъ никакого отношенія къ поколѣнію другого родоначальника и нерѣдко былъ врагомъ его,—рѣзкое различіе между своимъ домовымъ и чужимъ станетъ для насъ понятно. Зачѣмъ домовый-праотецъ извѣстнаго рода будетъ заботиться о другомъ домѣ или семействѣ?! У того—свой родоначальникъ. Значить, и отношеніе домового, какъ пената извѣстной семьи, къ чужому дому, побуждаетъ признать въ немъ духа умершаго родоначальника ³⁾.

1) Аванасьевъ. Поэтическія воззрѣнія, II, 83.

2) Сахаровъ. Сказанія русскаго народа, I, 19 ст.

3) Характерно въ данномъ случаѣ вѣрованіе чернокожихъ. Они среди своихъ „аматанго“ (умершія души своего племени) особенно почитаютъ умершаго родоначальника, ибо помнятъ его любовь и заботы при жизни и они говорятъ: „онъ останется такимъ же для насъ и послѣ смерти.

Наконецъ, на отношеніе домового къ духу умершаго родоначальника указываютъ повѣрья относительно новопостроеннаго жилья и религіозные обряды предъ постройкой дома. И сейчасъ въ простомъ, темномъ народѣ жива вѣра въ то, что новопостроенное жильё только тогда будетъ прочно, когда умретъ глава поселившейся въ немъ семьи, и что тотъ изъ родичей умретъ ранѣе, кто прежде всѣхъ войдетъ въ новый домъ ¹⁾. Новое жильё должно получить домового генія—хранителя, а таковымъ можетъ быть душа усопшаго хозяина дома. Отсюда и повѣрье, что постройка новаго дома влечетъ за собой смерть его хозяина. Желая, чтобы смерть не коснулась строителя дома, крестьяне предъ постройкой дома приходятъ на мѣсто закладки, отрубаютъ у пѣтуха голову и зарываютъ ее на томъ мѣстѣ, гдѣ слѣдуетъ быть переднему углу ²⁾. Въ нѣкоторыхъ мѣстахъ, прежде чѣмъ начать класть основныя звенья сруба, закапываютъ въ землю у передняго угла нѣсколько мелкихъ монетъ и ячменныхъ зеренъ, иногда кусокъ хлѣба, щепоть соли и частицу меда ³⁾. Въ одномъ сборникѣ Румянцевскаго музея встрѣчается указаніе на имѣвшій мѣсто въ древней Руси обрядъ въ честь домового: „Въ новоселіи идетъ съ кошкою черною и съ курою черною“ ⁴⁾. И теперь иногда крестьяне при закладкѣ дома или новосельи убиваютъ пѣтуха, ку-

Мы не знаемъ, за чтобы онъ сталъ заботиться о другихъ; онъ будетъ заботиться только о насъ“. (Тэйлоръ. Первобытная культура, II, 17).

1) Шейковскій. Бытъ подолянъ, II, 51; Авдѣева. Записки о старомъ и новомъ русскомъ бытѣ, 115 ст.

2) Аванасьевъ. Поэтическія воззрѣнія, II, 63—89.

3) *Ibidem*.

4) Православный обоз., 1865 г., августъ, 248 примѣч.

рицу, ягненка или какое-нибудь другое животное. Все это жертвы домовому — духу умершаго родоначальника ¹⁾ и остатокъ отъ прежнихъ языческихъ временъ, когда основаніе дома, двора и вообще поселка соединялось съ жертвами, закапывавшимися въ землю на мѣстѣ основанія. Есть преданіе, что въ основаніе городовъ закладывались люди. Таково преданіе о Новгородѣ. Когда Смоленскъ запустѣлъ и понадобилось срубить новый городъ, тогда старшины народные, слѣдуя древнему обычаю, послали предъ солнечнымъ восходомъ гонцовъ во всѣ стороны съ наказомъ захватить первое живое существо, которое имъ встрѣтится; навстрѣчу попалося дитя; его взяли и положили въ основаніе крѣпости, которая и названа поэтому Дѣтинцемъ ²⁾.

Итакъ, всѣ черты, приписываемыя народными повѣрьями домовому, всѣ повѣрья о немъ подтверждаютъ, что это духъ умершаго предка родоначальника. Изъ сказаннаго для насъ открывается тѣсная связь домового съ Родомъ. Домовой — это тоже Родъ, но только (принимая во вниманіе, что сейчасъ домовой есть въ каждомъ дому) „родъ“ — хранитель отдѣльной семьи, отдѣльнаго двора, а не цѣлаго рода, каковымъ былъ первый. Съ упадкомъ родового быта, домовой замѣнилъ собою „Рода“. Онъ всталъ въ семьѣ на мѣсто прежняго общаго родоначальника, или Рода, и занялъ здѣсь его мѣсто и его роль охранителя ³⁾, а какъ таковой, онъ, какъ и Родъ, долженъ былъ жить тамъ, гдѣ мѣсто арены его дѣятельности, т-е. на землѣ.

¹⁾ Леанасевъ. Поэтическія воззрѣнія, II, 67—119.

²⁾ Леанасевъ. Поэтическія воззрѣнія, II, 83—89.

³⁾ Ключевскій. Курсъ русской исторіи, I, 140, Москва, 1908 г.

У насъ и по сіе время говорятъ, что домовою обыкновенно живеть въ баняхъ, овинахъ, винокурняхъ и отъ этихъ своихъ мѣстъ онъ носитъ различныя названія: баннаго, подовинника, гуменника ¹⁾. Помѣщается онъ и въ хлѣвахъ. По народному повѣрью его можно видѣть въ Чистый Четвергъ и на Свѣтлое Воскресенье въ коровникѣ или хлѣвѣ, гдѣ онъ сидитъ, притаившись въ заднемъ углу ²⁾. По повѣрью домовою часто расхаживаетъ и по двору, гдѣ на снѣгу даже оставляетъ слѣды своихъ мохнатыхъ лапъ ³⁾.

Впослѣдствіи предокъ свой взглядъ на умершаго родоначальника, или Рода, Чура, Домового, перенесъ и на всѣ души умершихъ семьи или рода ⁴⁾. Онъ ихъ также сталъ считать своими покровительницами, на что можетъ указывать существовавшій въ древней Руси обычай хоронить умершихъ „при путехъ“, т.-е. на распутіяхъ, гдѣ сходятся межѣ различныхъ владѣній ⁵⁾. Вотъ какъ этотъ обычай описывается лѣтописцемъ: „Аще кто умряше,—пишетъ онъ,—творяху тризну надъ нимъ, и посемъ творяху кладу велику, и возложашуть и на кладу мертвеца, сожьжаху, а посемъ собравше кости, возложашу въ судину (въ ссудъ, въ сосудъ) малу и поставляху на столпѣ на путехъ“ ⁶⁾. Въ этомъ обрядѣ проглядываетъ вѣра предка въ защиту умершими владѣній рода. Умершіе какъ

¹⁾ Аванасевъ. Поэтическія воззрѣнія, II, 69.

²⁾ Терещенко. Бытъ русскаго народа, VI, 128; Живая старина, I, 117. Даль. Пословицы, II, 575.; Вѣст. Р. Г. О. 1853, III, 7.

³⁾ Аванасевъ. Поэтическія воззрѣнія, II, 74.

⁴⁾ Характернымъ является здѣсь для насъ названіе умершихъ простодушинами—„родители“.

⁵⁾ Ключевскій. Курсъ русской исторіи, I, 140 ст.

⁶⁾ Полное собраніе русскихъ лѣтописей, I, 6 ст.

бы являлись сторожами родного селенія. Столпы, на которыхъ стояли „сосудины малы“ съ прахомъ умершихъ, отмѣчали границы поля или усадьбы, принадлежавшихъ извѣстному роду, и напоминали этому роду, что онъ стоитъ подъ охраной своихъ умершихъ. Переходъ же этой границы лишалъ человѣка покровительства своихъ умершихъ родичей. Отсюда въ нашемъ словѣ „черезчуръ“ слышится предостереженіе, какъ обозначающемъ нарушеніе извѣстной границы или мѣры ¹⁾).

Являясь сторожами владѣній родичей, души умершихъ, по представленію русскаго славянина, естественно должны были жить на землѣ, онѣ даже, какъ домовой, являлись въ домъ и здѣсь поселялись. На такое общее представленіе жизни души умершаго на землѣ можетъ указывать намъ существующее на Руси представленіе о марахъ или кикиморахъ ²⁾).

1) Ключевскій. Курсъ русской исторіи I, 140 ст. На Руси по сію время около перекрестковъ бросаютъ солому, простыню или иную какую постилку, которая лежала въ домѣ подъ умершимъ; бросаютъ также и горшокъ, который былъ въ употребленіи при обмываніи покойника. Этотъ фактъ указываетъ на древній обычай хоронить умершихъ на распутьяхъ. Крімъ этого, на Руси еще существуетъ обычай, который замѣчается и у Болгаръ, это — обычай хоронить умершихъ некрещенныхъ младенцевъ у порога. (Кіевская старина 1890 г., XXX т., 319; Мелетичъ „Извѣстія на семинара по славянска филологія при университета въ Софія“, кн. II, за 1906—1907 г., 392 ст.), что такъ же можетъ указывать на древнее погребеніе на границѣ владѣній, ибо порогъ есть граница избы или дома. Но изъ этого обычая можно вывести и другое предположеніе, — именно, что у предка было когда-то въ обычай хоронить умершихъ въ домахъ, а это, въ свою очередь, указываетъ на то, что предокъ считалъ умершихъ своими защитниками и покровителями.

2) Мары называются еще „марухами“, а кикиморы — „шишиморами“. Слово „кикимора“ или „шишимора“ сложное и первая половина его доселѣ употребляется въ самостоятельной формѣ: „шишь“ — домовый, бѣсъ,

Народъ до сего времени вѣрить, что мары и кикиморы—младенцы, умершіе некрещеными или проклятые родителями ¹⁾. Ихъ, обыкновенно, представляютъ невидимками-карликами, которые живутъ въ домахъ за печкой. По ночамъ мары и кикиморы выходятъ изъ своихъ убѣжищъ, садятся на печкѣ и прядутъ пряжу ²⁾. „Спи дѣвушка, — говорятъ простолюдины, — кикимора за тебя спрядетъ, а мать вытчетъ“ ³⁾. „Чу! кикимора пряжу прядетъ“, -- говоритъ народная поговорка, или: „отъ кикиморы рубашки не дожدهшься“ ⁴⁾. Мары появляются и въ хлѣвѣ, гдѣ онѣ косматятъ лошадямъ гривы ⁵⁾. Такое представленіе о ма-рахъ и кикиморахъ ставитъ ихъ въ связь съ домовымъ, который, какъ мы видѣли, также живетъ въ домѣ и помогаетъ живымъ.

Кромѣ сказаннаго, на существованіе у предка представленія земной жизни души умершаго указываетъ и вѣра въ русалокъ. Русалки не рѣчныя или какія бы то нимфы, какъ говорятъ нѣкоторые изслѣдователи (напр. Троицкій), ссылаясь въ этомъ случаѣ на свидѣтельство греческаго писателя Прокопія, сказавшаго, что всѣ вообще славянскіе народы боготво-

„шишко“—нечистый духъ. „Что касается,—говоритъ Аванасьевъ,—второй половины слова, то она равносильна нѣмецк. „der mar“. Слово „мара“ и 2-я половина слова „кикимора“ (мора) имѣютъ корень „мор“ (санскритское mṛi, mar), указывающій на смерть.

¹⁾ Аванасьевъ. Поэтическія воззрѣнія II, 101.

²⁾ Ibidem III, 136. Можно думать, что мары замѣнили древнюю „рожаницу“ или родоначальницу (о нихъ ниже), точно такъ же, какъ домовою замѣнилъ Рода.

³⁾ Даль. Толковый словарь, ч. II, 722 ст. Спб. 1880—с 2 г.

⁴⁾ Его же. Пословицы русскаго народа, 1042 ст. Москва 1862 г.

⁵⁾ Древности. Труды Московскаго Археологическаго Общества, т. I, 171 ст. Статья Потебни: „О долѣ и сродныхъ съ нею существахъ“.

рять рѣчныхъ или водяныхъ нимфъ (т.-е. русалокъ)¹⁾; ихъ имя происходитъ и не отъ „русла“, а отъ „русый“ (свѣтлый, ясный)²⁾ и онѣ были не что иное, какъ души умершихъ предковъ. На это можетъ служить указаніемъ то, что и донинѣ, по народному представленію, русалки являются душами умершихъ. Онѣ нынѣ представляются душами младенцевъ, умершихъ некрещеными, а также душами утопленницъ и удавленницъ и вообще женщинъ и дѣвицъ, самопроизвольно лишившихъ себя жизни и недостойныхъ христіанскаго погребенія.

На связь русалокъ съ душами умершихъ людей указываетъ и народное повѣрье, по которому огни, свѣтящіяся на могилахъ, вслѣдствіе фосфорическихъ испареній, разводятся русалками или же суть одноглазья русалки³⁾. Связь русалокъ съ умершими видна также и изъ существующихъ игръ. Такъ, въ нѣкоторыхъ мѣстахъ Россіи существуетъ обычай на родительской недѣлѣ (недѣля, въ которую приходится Дмитріевская суббота) переряживанія; а переряживаніе не у однихъ только русскихъ и даже не у однихъ Славянъ, а и у многихъ другихъ народовъ было необходимою принадлежностью праздника въ честь мертвыхъ⁴⁾.

1) Карамзинъ. Исторія государства російскаго, т. III, примѣчаніе 10-е.

2) Буслаевъ. О вліяніи христіанства на славянскій языкъ, 15, 20, Москва 1848 г.

3) Төрещенко. Бытъ русскаго народа VI, 11, 129; Аванасьева. Поэтическія воззрѣнія III, 197, 237; Москвитянинъ, 1844 г., XII смѣсь 28 л.; 1848 г. VIII, 71—72 ст., ст. Даля.

4) Православный Соб. 1860 г., XI, 253; Аванасьева. Поэтич. воззр. III, 142; Төрещенко. Бытъ русск. народа III, 79; Чтеніе Общества Исто-

По свидѣтельству лѣтописца Нестора, Славяне въ древности совершали игрища на перекресткахъ въ честь мертвыхъ съ переряживаніемъ и ставили на такихъ мѣстахъ сосуды съ прахомъ мертвецовъ. Отсюда, конечно, ведетъ свое начало до сихъ поръ существующій суевѣрный страхъ въ народѣ передъ перекрестками, какъ мѣстомъ, гдѣ собирается нечистая сила ¹⁾).

Въ несомнѣнной связи съ разсматриваемымъ обычаемъ находится народная вѣра въ оборотней и въ появленіе умершихъ послѣ смерти подъ различными образами.

Думая, что русалки души всѣхъ утопленницъ и удавленницъ, простолюдины на ихъ могилахъ совершаютъ поминовеніе: кладутъ блины, бьютъ яйца и призываютъ русалку:

„Русалка-царица,
„Красная дѣвица!
„Не забуди душки,
„Не дай удавитца;
„А мы тебѣ кланяемся“ ²⁾).

Русалки обыкновенно представляются дѣвками съ длинными русыми волосами или дѣвочками-семи-лѣтками съ русыми, кудрявыми волосами, въ бѣлыхъ сорочкахъ, безъ пояса; въ Малороссіи онѣ носятъ

рія и древностей, годъ II, 11; Мадѣвскій. Очеркъ исторической письменности и просвѣщенія славянск. народ. до XIV в., 31.

¹⁾ Леанасьевъ. Поэтич. возр. I, 37; II, 94; III, 799; Архивъ Камачева, 1850 г., ч. I, 41. Чтен. Общ. Ист. и Дрѣвн. 1863 г., II, 60.

²⁾ Терещенко VI, 134; Леанасьевъ III, 243; Московскій Вѣстн., 1827 г., VI, 358.

названіе „мавки“, т.-е. малютки ¹⁾. Лѣтомъ ²⁾ русалки, по представленію народа, живутъ на землѣ въ поляхъ, рощахъ, лѣсахъ, избирая мѣстомъ обитанія преимущественно старыя деревья или растущія надъ водой: иву, вербу, плачущую березу. Время онѣ проводятъ въ постоянномъ весельѣ: празднуютъ, какъ говорятъ крестьяне, свои свадьбы, аукаются, бѣгаютъ, пляшутъ, водятъ хороводы и поютъ пѣсни или же, свернувшись клубкомъ, съ хохотомъ и визгомъ катаются по травѣ и дорогамъ, по вечерамъ любятъ качаться на низкихъ вѣтвяхъ ³⁾. Иногда онѣ, сидя на древесныхъ вѣтвяхъ, будто бы просятъ у проходящихъ дать имъ сорочку.

„На гнилой колодѣ,
 „На бѣлой березѣ,
 „Русалки сидѣли,
 „Суки вязали,
 „Да на тыхъ сукахъ
 „Русалки гутали.
 „Красныя дѣвочки
 „Шли вѣнчочковъ вить;
 „Просили русалки
 „У дѣвокъ сорочки:
 „Дѣвочки-подружки!
 „Дайте мнѣ сорочку!“ ⁴⁾.

Таковы вѣрованія народа о русалкахъ. Очевидно,

¹⁾ Котляревскій. О погребальныхъ обычаяхъ языческихъ Славянъ, 190 ст.; Аванасьева. Поэтическія воззрѣнія III, 237, 812.

²⁾ Съ Троицына дня.

³⁾ Терещенко. Бытъ русск. нар. VI, 124; Аванасьева. Поэтич. воззр. II, 339; III, 125, Маякъ XIII, 49; Вѣстникъ Европы 1818 г. XXII, 115—116; Московскій Вѣстн., 1827 г., VI, 358 ст.

⁴⁾ Аванасьева. Поэтическія воззрѣнія III, 140. Моск. 1869 г. Др. пѣсн:
 „Сыдила русалка У жиночокъ намитокъ, Дайте мнѣ намитку;
 На кривій берези, У дивочокъ сорочокъ: Хоть вона худенька,
 Просыла русалка „Жиночки-подружки! Да абы-бъ биденька!“

что эти вѣрованія не могли быть принесены на Русь христіанствомъ, гдѣ душа, какъ уже я говорилъ, является не матеріальной сущностью, а пришли и живутъ въ народѣ отъ языческихъ временъ нашего далекаго язычника-предка.

Мы сказали, что душа живетъ на землѣ подѣ различными видами и указали самые виды, но этимъ вопрошь о мѣстѣ жительства души умершихъ не исчерпывается. Въ то же время, кромѣ изложеннаго представленія, мы встрѣчаемъ у нашего древне-русскаго человѣка еще и другія, отводящія для загробной жизни души, новыя обиталища. По одному изъ этихъ представленій душа живетъ въ невѣдомомъ далекомъ мірѣ, живетъ тамъ, куда, по одному причитанью надѣ умершимъ,

„Вѣтры не провѣвываютъ,
„Лютое звѣрье не прорыскивае,
„Малая птичка не пролетывае“ ¹⁾

По другому же представленью она живетъ въ землѣ--

„Укатается, — говоритъ причитанье,—
„Скаченная жемчужинка,
„На иное безызвѣстное живленьицѣ,
„Во матушку мой сѣтъ во сыру землю“ ²⁾

и здѣсь живетъ около своего тѣла.

Постараемся, насколько возможно, разобраться въ этомъ двойномъ представленіи предковъ-язычниковъ на загробное мѣсто жительства души умершаго.

¹⁾ Барсовъ. Причитанья сѣвернаго края, 191 ст.

²⁾ Барсовъ. Причитанья сѣвернаго края, 93, 94.

VI.

**Мѣстопробываніе души по смерти челоѣка. (Невѣдо-
мая страна.)**

Однимъ изъ древнихъ обычаевъ на Руси, а равно и у родственныхъ намъ народовъ, было сожженіе тѣла умершаго ¹⁾. Этотъ обычай не былъ вызванъ ни гигиеной, о которой врядъ ли знали предки, какъ мало заботятся о ней и наши крестьяне, не былъ и наказаніемъ мертвецу за его оставленіе здѣшняго міра, ибо мы находимъ указанія, что пепель, по сожженіи трупа, собирался въ урну и хранился ²⁾, что несомнѣнно указываетъ на уваженіе къ умершему; очевидно, что этотъ обычай имѣлъ символическое значеніе. Предку-язычнику представлялось, что душа вмѣстѣ съ дымомъ уйдетъ вверхъ, въ область великаго неба, въ сообщество солнца и звѣздъ ³⁾. Даже

¹⁾ Свидѣтельства о сожженіи умершихъ у родственныхъ намъ народовъ смотри: Тихонравовъ. Сочиненія т. I, 179; Илиада XXIII, 179—182; Гаркави. Сказанія мусульманскихъ писателей, 256; Шерцль. (Прав. Обоз. 1884 г. III) и пр.

У русскихъ, — свидѣлствуютъ: Ибнъ-Фозлянъ (920 г.); Массуди (отъ 20—50 г. X в.); Аль-Балхи (540); Абу-Фарен (943); Ибнъ-Хауляль (976); Левъ Діаконъ (†989); (Гаркави. Сказанія мусульман. писат., 36, 193, 221, 276, 114 ст.; Котляревскій. О погребальныхъ обычаяхъ, 84 ст. и др.); Несторъ. (Полное собраніе русск. лѣтописей I, 6 ст.).

²⁾ Полное собраніе русск. лѣтописей I, 6.

³⁾ Сравни Тихонравовъ. Сочиненія (Древняя литература) I, 176 ст., Москва 1898 г.

болѣе, онъ (умершій) какъ бы весь переносился въ другой міръ, оставляя на землѣ лишь легкіе слѣды своего недавняго существованія въ видѣ небольшого количества пепла. Предполагать такое, именно, возрѣніе на древній обрядъ сожженія умершихъ даетъ намъ право великорусская сѣверная похоронная причеть, въ которой, какъ я уже говорилъ, сохранились слѣды древнихъ языческихъ возрѣній. Въ этой причети мы находимъ указаніе на мѣсто, куда уходитъ душа по смерти.

„Приубрался, свѣтъ-надежная головушка,
„Къ красну солнышку на пригребушку,
„Къ свѣтлу мѣсяцу на придрокушку ¹⁾).

Такъ причитаетъ вдова по смерти мужа.

Какъ обрядъ, такъ и причеть не идутъ въ разрѣзъ другъ съ другомъ. Отправленіе души въ область „краснаго солнышка“, въ верхній міръ, вполне объясняется возрѣніемъ предковъ-язычниковъ на существо души.

Признаніе въ душѣ огня, теплоты, представленіе ея огнемъ, вѣтромъ, звѣздою, облакомъ и т. п.,—все это неизбежно вело къ тому, чтобы мѣстомъ жилища душъ было небо, воздушная сфера ²⁾.

Что у предка, дѣйствительно, небо считалось мѣстомъ, на которомъ находилась страна отцовъ, на

¹⁾ Барсовъ. Причитанья, 33 ст. Въ другомъ мѣстѣ вмѣсто слова „придрокушку“ стоитъ: „приберегушку“. 131 ст., *ibidem*.

²⁾ Интересно въ данномъ случаѣ вѣрованіе дикихъ народовъ. Такъ, австралійскія племена: Майкулоновъ, Майановъ, Майлу, Даны, Когобаты вѣрятъ, что души идутъ на небо. (Православное Обзорѣніе, т. III, 1884 г., 475). Сѣверо-американскіе индѣйцы говорятъ, что усопшіе пребываютъ на солнышкѣ (*ibidem* 471).

это его представлѣніе указываетъ какъ существующее на Руси, такъ и у родственныхъ намъ славянскихъ народовъ преданіе о томъ, что души умершихъ должны взбираться на какую-то крутую, неприступную гору. Такъ, въ разныхъ мѣстахъ крестьяне увѣряютъ, что обрѣзанные ногти не должно кидать, а должно хранить, кладя ихъ за пазуху; на томъ свѣтѣ они пригодятся, потому что каждому по смерти придется взлѣзть на крутую гору; съ помощью ногтей это можно сдѣлать скорѣе ¹⁾. Въ Подольской губерніи говорятъ, что души умершихъ будутъ „драпаться“ на крутую стеклянную гору ²⁾. Бѣлоруссы утверждаютъ, что обрѣзки ногтей, спрятанные за пазухой, послѣ смерти срастаются съ ногтями на пальцахъ; послѣ этого они долго не будутъ ломаться и дадутъ возможность взобраться на желѣзную гору, гдѣ стоитъ рай ³⁾. Въ русской сказкѣ „О золотой горѣ“ Иванъ царевичъ пріѣзжаетъ къ горѣ, „крутизна которой была столь высока, что на нее взлѣзть никакъ было не можно“. Трудность разрѣшается тѣмъ, что царевичъ находитъ въ скважинѣ горы желѣзные когти, при помощи которыхъ взлѣзаетъ на гору и достигаетъ своей конечной цѣли ⁴⁾. По миѣческому вѣрованію Литовцевъ, души умершихъ, чтобы достигнуть того свѣта, должны взлѣзть на крутую, блестящую гору

1) Шейнъ. Матеріалы для изученія быта и языка русскаго населенія сѣверо-западнаго края, ч. II, 539. Спб. 1890 г.; Барсовъ. Причиста, 305; Аванасевъ. Поэтическія воззрѣнія, I, 120 ст. Даль. Пословицы II, 568 ст.

2) Бытъ Подолянъ. Шейковскій II, 24 ст.

3) Отечественныя записки, 1839 г. VIII, 84; Аванасевъ. Поэтическія воззрѣнія I, 120.

4) Русскія народныя сказки I, 129. ст.

Anafielas. Чтобы дать возможность мертвецамъ успѣшнѣе взобраться на эту гору, они, обыкновенно, сжигали съ трупомъ когти медвѣдя и рыси ¹⁾).

Фигурирующая, въ приведенныхъ преданіяхъ, блестящая круглая гора, на которую должны взобраться души умершихъ, есть небесный сводъ, который своей блестящей округло-выпуклой или куполообразной формой напоминалъ предку гору ²⁾).

Отправляя въ воздушную сферу души умершихъ, предку казалось, что онѣ помѣщаются гдѣ-то на западѣ. Такое его представленіе вытекало изъ наблюденія надъ ежедневнымъ движеніемъ солнца. Въ ежедневномъ движеніи солнца младенчествующей предокъ видѣлъ цѣлую жизнь живого существа, подобіе своей собственной: оно родилось, быстро становилось юношей, затѣмъ мужемъ, исполненнымъ силъ, постепенно старѣло, наконецъ, умирало, скрываясь на западѣ, погружая природу во мракъ ³⁾), и предку, мыслящему такъ, представлялось, что тамъ, гдѣ умирало солнце, гдѣ оно скрывалось и лежитъ та невѣдомая страна,

¹⁾ Тэйлоръ. Первобытная культура II, 65; Теобальдъ. Литовско-языческіе очерки, 11 ст.; Аванасьевъ. Поэтич. воззрѣнія I, 121; Тихонравовъ. Сочиненія ч. I, 196.

²⁾ Аванасьевъ. Поэтич. воззрѣнія I, 141 и сл.

³⁾ Характерна въ данномъ случаѣ словацкая и венгерская сказки о добромъ молодцѣ, который отправляется къ солнцу и спрашиваетъ его: зачѣмъ оно къ полудню поднимается все выше и выше и грѣетъ сильнѣе и сильнѣе, а къ вечеру спускается все ниже и ниже и грѣетъ слабѣе и слабѣе? „Эхъ милый, — отвѣчало солнце, — спроси у твоего господина: отчего опъ со дня рожденія все болѣе и болѣе вырасталъ въ тѣлѣ и въ силахъ и отчего въ старости ослабѣлъ и пригнулся къ землѣ? То же самое и со мной: моя мать каждое утро рождаетъ меня прѣкраснымъ младенцемъ и каждый вечеръ хоронитъ хилымъ старикомъ“. (Slov. pohod. 447—455; Аванасьевъ. Поэтич. воззрѣнія, I, 181).

обитель, которая ожидаетъ его самого по смерти и куда прежде отошли его отцы ¹⁾).

Въ нашихъ похоронныхъ причитаніяхъ умираніе сравнивается съ заходомъ солнца ²⁾). Подобное встрѣчаемъ и въ причитаніяхъ родственныхъ намъ народовъ. Наприм., въ одномъ сербскомъ причитаніи надъ убитымъ мужемъ, умершій сравнивается съ заходящимъ солнцемъ:

„Мой Дамляне,—говорится въ этомъ причитаніи,—
„Мое ярко сунце!
„Лѣпо ти ме бѣше обасяло,
„Аль ми брже за горницу заде“ ³⁾).

По народному же русскому повѣрью западъ и до сего времени считается мѣстомъ страны отцовъ. Такъ, народъ думаетъ, что покойниковъ нужно хоронить до захода солнца ⁴⁾ для того, чтобы отходящее на покой солнце могло и ихъ захватить съ собой и довести до обители умершихъ ⁵⁾).

Если мы обратимся къ родственнымъ намъ народамъ, то и у нихъ увидимъ, что страна умершихъ

¹⁾ Аванасьевъ. Поэтич. воззрѣнія, I, 183. Великое селеніе у племени Обжибва-Китингъ лежитъ подъ землей, куда садится солнце (Тѣй-лоръ. Первобытная культура, II, 54).

²⁾ Барсовъ. Причитанья сѣвернаго края, XII стран.

³⁾ Караджичъ. Сриске народне пјесме, I, 406; III, 495—496.

⁴⁾ Народныя вѣрованія согласны съ однимъ древнимъ памятникомъ XII в., гдѣ говорится: „Зашедшю солнцю не достоить мертвеца хоронити, но тако погрести, яко еще высоко: то бо послѣднее видитъ солнце до общаго воскресенія“ („Вопрошаніе Кюриково“. Карамзинъ. Исторія Государства Россійскаго, II т., примѣчаніе 228).

⁵⁾ Слышано авторомъ во Владимір. губ. Подобное смотр. Потебня. О мнѣшескомъ значеніи нѣкоторыхъ обрядовъ и повѣрій, 33—34. Москва, 1865 г.

помѣщается на западѣ. Такъ, греческій Еллизиумъ— страна блаженныхъ—лежитъ на западѣ въ какой-то неопредѣленной области, далеко отъ земли, за океаномъ ¹⁾. Тамъ же, за Еллизиумомъ, находится и ихъ ἄδης и тартаръ ²⁾.

Что же касается самой страны умершихъ, то она представлялась живой фантази предка въ различныхъ образахъ.

Въ первой половинѣ X вѣка мы, основываясь на словахъ арабскихъ писателей, встрѣчаемъ у предкаязычника вѣрованіе въ рай. Такъ, Массуди, говоря о томъ, что жены славянскія лишаютъ себя жизни по смерти мужей, замѣчаетъ, что онѣ „пламенно желаютъ быть сожженными вмѣстѣ со своими мужьями, чтобы вслѣдъ за ними войти въ рай“ ³⁾. Ибнъ-Фоцланъ, рассказывая о русскомъ обрядѣ сожженія мертвыхъ, приводитъ слова дѣвушки, обрешей себя на сожженіе: „вотъ вижу отца моего и мать мою,—говоритъ эта дѣвушка,—вотъ сидятъ всѣ мои умершіе родные; вотъ и мой господинъ,—онъ сидитъ въ раю и рай такъ прекрасенъ и зеленъ“ ⁴⁾. Не много далѣе въ томъ же рассказѣ о руссахъ у Ибнъ-Фоцмана снова упоминается о раѣ, а именно тогда, когда этотъ

¹⁾ Одиссея, IV, 569; Илиада, XIV, 275, XV, 225.

²⁾ Одиссей, по совѣту Цирцеи, съ мнѣческаго острова Эа отправляется въ царство тѣней, чтобы спросить здѣсь у предвѣщателя Терезія о дорогѣ въ отечество. Онъ ѣдетъ туда гонимый юго-западнымъ вѣтромъ и направляется туда, „гдѣ вмѣстѣ со спускающейся колесницей Гелиоса исчезаетъ дневной свѣтъ“ (Одиссея, X, 508; XI, 14 и сл.).

³⁾ Гаркави. Сказанія мусульманск. писателей. 129; Срезневскій. Извѣстія объ языческомъ богослуженіи древнихъ Славянъ, 15, Спб., 1848 г.; Котляревскій. О погребальныхъ обычаяхъ. 58 ст.

⁴⁾ Ibidem, 96; Срезневскій, 15; Котляревскій, 67—68.

писатель приводит слова русса - переводчика, объяснявшего ему обрядъ погребенія. „Мы сожигаемъ,— говорилъ Ибинъ-Фоцлану руссъ-переводчикъ,— мертвецовъ потому, чтобы умершій безъ задержки вошелъ въ рай“ ¹⁾).

Ученые слово „рай“ (польское „гау“, литовское „гојус“) сближаютъ по значенію съ греческимъ „παράδεισος“, латинскимъ „paradisus“ ²⁾—означающими садъ. Садомъ представляется рай и дѣвица, обрешей себя на сожженіе со своимъ господиномъ. Онъ, въ ея представленіи, „прекрасенъ и зеленъ“. Такое представленіе о раѣ, какъ зеленомъ садѣ, должно указывать, что дѣвица, а съ нею и наши предки ³⁾ видѣли въ это время въ немъ блаженную страну, гдѣ царствуетъ вѣчное лѣто, свѣтитъ солнце, зеленѣютъ деревья и трава.

Что же касается самаго слова „рай“, то Максъ Мюллеръ производитъ его отъ индоевропейскаго „радж(гад̂ж)“, отъ котораго происходитъ подобное же индоевропейское слово „раджас“. Въ Ригъ-Ведѣ эта страна является, какъ мѣсто свѣта, или міровое море, расположенное между землей и небомъ ⁴⁾). Такое сопоставленіе индоевропейскаго „гад̂ж“ и славянскаго „рай“ имѣетъ подъ собой твердую почву. Индоевро-

¹⁾ Ibidem.

²⁾ Miclosich. Lexicon palaesloven., 782; Пшмкевичъ. Корнесловъ русск. яз., II, 37; Срезневскій. Матеріалы, III, 62; Аванасьевъ. Поэтич. возрвнїя, II, 139.

³⁾ Дѣвица исполняла обычную роль при похоронахъ и трудно предположить, чтобы она здѣсь высказала на страну отцовъ единоличнїй взглядъ, потому я и говорю: „съ нею наши предки“.

⁴⁾ „Раджас“—собственно означаетъ: блескъ, ватѣмъ—вода и, наконецъ, облако. Въ нѣкоторыхъ мѣстахъ Ригъ-Веды, по Миллеру, множеств. число отъ „раджас“ обозначаетъ „облачное небо“. (Журн. Мин. Нар. Просв., 140 томъ, 632 ст.).

пейское „а“ осталось въ славянскомъ языкѣ, но индо-еврепейское „dž“ перешло въ славянское „j“ и получилось старо-славянское „raj“ ¹⁾. Изъ только что сказаннаго видно, что нашъ предокъ когда-то о раѣ имѣлъ только представленіе, какъ о свѣтлой, воздушной странѣ, а не какъ о зеленомъ садѣ, какимъэта страна представлялась дѣвицѣ въ сказаніи Ибнъ-Фоцлана.

Если мы обратимся къ родственнымъ намъ народамъ, то и у нихъ увидимъ, что усопшихъ они отправляли въ какую-то неопредѣленную, воздушную свѣтлую сферу. Такъ, въ Ригъ-Ведѣ (IX, 7—10) находимъ такой гимнъ: „гдѣ свѣтитъ свѣтъ, туда стремлюсь я, о Сома ²⁾, въ безсмертный, нетлѣнный міръ, гдѣ владычествуетъ сынъ Вивасваты (Яма ³⁾, въ святилище небесъ, тамъ, гдѣ покоится лучезарное солнце, — о дай мнѣ быть тамъ безсмертнымъ“ ⁴⁾. Литовцы-язычники представляли рай свѣтлой страной, онъ помѣщается ими на западной сторонѣ Дульгаса (неба) ⁵⁾.

Итакъ, все сказанное ведетъ къ тому, что однимъ изъ представлений предкомъ самой страны отцовъ было представленіе ея свѣтлой, воздушной страной, которая въ началѣ X в. у него уже принимаетъ образъ воздушнаго свѣтлаго зеленого сада, находящагося гдѣ-то

1) Журналъ Министер. Народн. Просвѣщ., т. 140, 632 ст.; Krek. Einleitung in die Slavische *Literaturgeschichte* und Darstellung ihrer älteren Perioden. Graz. 1887 г. 420 стр.

2) Божественный напитокъ безсмертія, отождествленный съ самимъ божествомъ. (Глаголевъ. Изъ чтеній о религіи, 81).

3) „Укротитель“. Богъ смерти, царствующій въ небѣ блаженныхъ (pitarah).

4) По Роту въ *Zeitschrift der Deutschen morgenländischen Gesellschaft*, IV, 427.; II 227.

5) Теобальдъ. Литовско-языческіе очерки, 12.

„За лѣсушками за темными,
„За горами за высокими,
„За облачками да за ходячими,
„Да за частыми звѣздушками“¹⁾.

На зарѣ христіанства мы встрѣчаемъ указаніе на страну умершихъ подъ словами: „навѣ“ и „пекло“. Основываясь на мнѣніи ученыхъ, что этими словами предокъ обозначалъ страну умершихъ еще до принятія христіанства²⁾, мы постараемся указать каковое представленіе о странѣ отцовъ связывалось и съ этими, помимо рая, названіями.

Слово „навѣ“ (навѣе), какъ страна, употребляется въ Переяславскомъ спискѣ, гдѣ находимъ такія слова: „изъ навей дѣти насъ емлютъ“³⁾. Позднѣе въ „Житіи Петра и Февроніи“ читаемъ: „яко же лѣсти на дрѣво в высоту через ноги в нави зрѣти, мысля, абы не оурватися съ высоты“⁴⁾.

Слово „навѣ (навѣе, навѣя, навей)“ въ современныхъ говорахъ употребляется въ значеніи мертвеца⁵⁾. Въ томъ же значеніи оно употребляется и въ нѣкоторыхъ мѣстахъ лѣтописей. Такъ, въ Лаврентьевской лѣтописи говорится: „Приведе Янка митрополита Іоанна скопчину, его же видѣвше людье вси рѣкоша: се навѣе (по другому списку: мертвецъ) пришелъ; отъ

1) Барсовъ. Причитанія сѣвернаго края, I, 49, 94, 191, 211 стр.

2) Архангельскій, 14; под. у Бодянского. О времени происхожденія славянскихъ письменъ, 242 ст., Москва, 1855 г.; Буслаевъ. Историческіе очерки, т. I, 831 ст.

3) Переяславская лѣтопись, 51 ст.

4) Срезневскій. Матеріалы для словаря, II, 272 ст. Древніе Болгары слово „навѣ“ употребляли въ значеніи царства мертвыхъ, тартара. (Буслаевъ. Историческіе очерки, I т., 427 ст.).

5) Даль. Тожковый словарь, часть II, 981 ст.

года бо до года пребывъ, умре“ ¹⁾. Въ другомъ мѣстѣ тотъ же лѣтописецъ, рассказывая о явленіи незримыхъ духовъ, которые рыскали на коняхъ и поражали смертью Полочанъ, прибавляетъ, что въ то время говорили: „яко навѣ бьютъ полочаны“ ²⁾, т.-е. мертвецы караютъ народъ чумными стрѣлами (молніями) ³⁾.

Миклошичъ считаетъ слово „навѣ“ заимствованнымъ отъ Готовъ, у которыхъ основа слова: „*pausnavi*“ съ короткимъ „а“, „но, — говоритъ Котляревскій, — нѣтъ никакихъ причинъ считать это славянское слово заимствованнымъ отъ Готовъ“ ⁴⁾. Что же касается производства слова „навѣ“, то лингвисты ⁵⁾ выставляютъ для него корень „*naḱ(neḱ)*“=гибнуть, индо-европейск. „*nas*“ (*násami*—исчезать, проходить). Однако, мнѣніе это приходится отклонить, потому что первоначальное „*ḱ*“ (санскрит. и зендск. „*ś*“) регулярно соотвѣтствуютъ славянскому „с“ и только изрѣдка замѣняются рефлексіей „к“, но никогда не замѣняются рефлексіей „в“. Лучшее производство слова даетъ Готтала. Онъ говоритъ, что слово „навѣ“ и готское „*paus*“ (множественное — *paveis* — мертвый) произошли отъ корня „*pu*“, и слово „навѣ“ возникло чрезъ увеличеніе „*pu*“, въ „*pau*“, а къ этому прибавился суффиксъ „*i*“. Этого объясненія Готтала было бы достаточно, если бы слово ограничивалось только славянскимъ языкомъ. Его производство совершенно вѣрно относительно славянской области, но въ арій.

¹⁾ Полное собраніе русскихъ лѣтописей, т. I, 89 ст.

²⁾ Полное собраніе русскихъ лѣтописей, I, 92.

³⁾ Объясненіе Аванасьева. Поэтическія воззрѣнія, III, 236.

⁴⁾ Котляревскій. О погребальныхъ обычаяхъ, 203 ст.

⁵⁾ Боппъ, Поттъ, Кунъ, Курціусъ и др.

скомъ значеніи корня „*nu*“ не согласуется съ понятіемъ славяно-готскаго „*нави*“ ¹⁾).

Итакъ, точнаго корня слова „*навъ*“ мы пока не знаемъ, а слѣдовательно, не можемъ дать и болѣе точнаго представленія о странѣ усопшихъ, связанной съ этимъ именемъ. Однако мы можемъ сдѣлать предположеніе, что со словомъ „*навъ*“, взятомъ въ смыслѣ страны усопшихъ, у предка связывалось представленіе о странѣ усопшихъ, какъ о странѣ суровой, холодной, покрытой мракомъ и тѣнію, такъ какъ слово „*навъ*“ и несомнѣнно родственныя ему слова: латышское „*nave*—смерть, *navet*—убивать“,—готское „*naus*—*navis*—мертвый“, чешское „*naw*, *nawa*—смерть, могила, жилище усопшихъ, — *unawiti*—загубить, умереть“,—указываютъ на мертвое, обезсиленное ²⁾). Такое представленіе предка о странѣ умершихъ, связанное со словомъ „*навъ*“, сближается съ греческимъ тартаромъ — страной умершихъ, никогда неосвѣщаемой и несогрѣваемой солнцемъ, гдѣ вѣчно царствуетъ нестерпимый холодъ ³⁾). Этотъ тартаръ, какъ мы говорили, у Гомера находится на безсолнечномъ западѣ, за океаномъ, въ какомъ-то (воздушномъ) простран-

1) *Krek. Einleitung in die Slavische Literaturgeschichte und Darstellung ihrer älteren Perioden* Graz. 1887, стр. 420; Журналъ Министерства Народнаго Просвѣщенія, 140 часть, 625 ст. Котляревскій. О погребальныхъ обычаяхъ, 203 ст.

2) Русск. діалогъ: „*онавиться*“—устать, утомиться, обезсилѣть.

Древности и труды Моск. Археолог. Общѣн, XIV, 176 ст.; Аванасьева. Поэтич. возвр., III, 236; Буслаевъ. О вліяніи христіанства, 64; Архивъ Калачева 1850 г., ч. I, 43; Миклошичъ „*Lexicon*“, 400 стр.

3) Аванасьева. Поэтич. возвр., III, 29.; Лингвисты слово „*тартаросъ*“ роднятъ съ „*тартарубω*“ — дрожу отъ холода. (Труды Московскаго Археологическаго Общества, I, 74—75).

ствѣ подѣ землей; въ немъ царствуютъ вѣчная тьма, туманъ и холодъ ¹⁾. Но, говоритъ Котляревскій, — навѣ есть облачное пребываніе усопшихъ. Представленіе о ней (нави), какъ мрачной странѣ, у Славянъ-язычниковъ могло возникнуть благодаря мрачнымъ тучамъ, которыя облегалы небо ²⁾.

Перейдемъ теперь къ слову „пекло“. Лингвисты слову „пекло“ выставляютъ корень „рак“, значеніе котораго — „варить, спѣть, дѣлать спѣлымъ“. Такое значеніе корня „рак“ указываетъ на непосредственно осязательное пластическое дѣйствіе теплоты и огня. Отъ этого корня происходятъ слова: „пека — пекъ“, которыя стоятъ въ значеніи: „жаръ, зной“ ³⁾. Отсюда „пекломъ“ можно назвать область знойную, жаркую, указывающую на мученія. Представленія о мученіяхъ могли возникнуть у предка благодаря тому, что сама природа при борьбѣ своихъ элементовъ терпѣла грозовыя, огненные муки. „Но, — говоритъ Котляревскій, — исключительнаго смысла загробной муки слово „пекло“ въ язычествѣ не имѣло. Пекломъ нужно считать просто область горную, гдѣ дѣйствуетъ

¹⁾ Одиссея, X, 508 и сл.; XI, 14 и сл. XXIV, 1—106; Илиада, XI, 13 и сл. На Руси представленіе о холодной странѣ, покрытой мракомъ, доселѣ сохраняется въ кругу простого народа. Такъ, въ Корелѣ говорить, что мертвецъ въ продолженіи 40 дней находится въ холодной странѣ, а потому, во время поминовенія, усопшему столъ обыкновенно (въ 40-й день) припасаютъ на печкѣ, чтобы, придя изъ холодной страны, усопшій могъ хоть немного обогрѣться. (Барсовъ Причитанья сѣвернаго края, 309). Не безынтересно, въ данномъ случаѣ, что племена центральной Африки: Бантусы, Лоанго, Негрылы, Негритосы тоже вѣрятъ, что жилище душъ умершихъ есть мѣръ, который темень и холодець. (Le Roy. „La religion des primitives, 157 ст.)

²⁾ Котляревскій. О погребальныхъ обычаяхъ, 203 ст.

³⁾ Срезневскій. Матеріалы для словаря, II, 893.

небесная теплота, солнечные лучи и огонь, — сюда предокъ отсылалъ своихъ умершихъ безъ всякой мысли о возмездіи¹⁾.

Мы разобрали всѣ слова, которыми обозначалась, какъ говорятъ ученые, въ язычествѣ страна усопшихъ и увидали, что предокъ представлялъ себѣ страну отцовъ въ различныхъ образахъ. Образы эти у него опредѣлялись фантазіей. Разнообразіе и измѣнчивость ихъ необходимо зависѣли отъ разнообразія явленій небесной сферы и отъ непостоянства юной мысли, которая не могла овладѣть и привести въ стройный порядокъ увлекавшаго ея богатства внѣшнихъ впечатлѣній; поэтому страна умершихъ и казалась предку то прекрасной, свѣтлой, блаженной страной, то страной тьмы, холода и мертвяшаго покоя, то жаркой и знойной.

Съ теченіемъ времени у предка происходитъ локализациа воздушныхъ представлений. Основаніемъ могло послужить отчасти уже выше приведенное младенческое наблюденіе предка надъ явленіями небесной сферы. Предокъ видя, какъ солнце ежедневно уходитъ подъ землю и какъ бы сгораетъ, сжигается тамъ, замѣчая, какъ облака, гонимыя вѣтромъ, укрываются за горизонтъ гдѣ они какъ бы умираютъ, легко приходилъ къ тому заключенію, что подъ землею, тамъ, гдѣ скрывалось дневное свѣтило, должна находиться страна умершихъ, — страна непроницаемой тьмы или страшно клокочущаго пламени, тамъ долженъ царствовать вѣчный холодъ и вѣчный мракъ, потому что съ закатомъ дневного свѣтила на западъ какъ бы приостанавливается вѣчная дѣятель-

1) Котляревскій. О погребальныхъ обычаяхъ, 204.

ность природы, молчаливая ночь охватываетъ міръ, облекая его въ свои темные покровы и все погружается въ сонъ и мракъ — знаменіе навсегда усыпляющей смерти, или тамъ страшно клопочущее пламя, которое пожираетъ даже само солнце. Однако твердости религіознаго догмата локалізація воздушныхъ представленій у предка-язычника не получаетъ. Его рай—страна свѣта съ такимъ же правомъ помѣщается тамъ же, гдѣ и страна мрака, какъ и на небѣ. Это можно видѣть изъ сказанія арабскаго писателя Ибнъ-Фоцлана. Ибнъ-Фоцланъ, описывая похороны русса, говоритъ, что дѣвица, обрѣкая себя на сожженіе со своимъ господиномъ, глядитъ въ колодезь, произнося свои слова, но не на небо, и видитъ тамъ зеленѣющей рай, въ которомъ находится ея господинъ и сидятъ ея умершіе родители ¹⁾. Въ отреченномъ словѣ „О всей твари“, сохранившемъ намъ многія черты древнихъ воззрѣній, мы находимъ, что рай лежитъ на землѣ, тамъ же, гдѣ находится и страна тьмы и ужаснаго пламени ²⁾. Русскія сказки рисуютъ подземный міръ какъ свѣтлый; въ немъ лежатъ три царства: мѣдное, серебряное и золотое, но эти же сказки рисуютъ его и царствомъ тьмы и этотъ подземный міръ они называютъ „тѣмъ свѣтомъ“ ³⁾.

¹⁾ См. слова на 97 ст. Гаркови. Сказаніе мусульманскихъ писателей, 99 ст.

²⁾ Тихонравовъ. Памятники отреченной литературы, т. II, 350 ст.; Мочульскій. „Историко-литературный анализъ стихаи о Глубиной книгѣ“, 119 ст. Варшава 1887 г. По слову св. Авраамія, адъ и рай находятся рядомъ (Франко. Апокрифи и легенды в украинськихъ рукописив., 106 ст., IV томъ).

³⁾ Русскія народныя сказки, №№ 71, 73 и др. Интересно, что по сказкамъ и другихъ народовъ, напр. по вярянскимъ сказкамъ, жилище душъ умершихъ (у вярянъ Туони) лежитъ подь землей. „Въ дремучемъ

Если мы обратимся къ родственнымъ намъ народамъ, то и у нихъ увидимъ, что страна свѣта, блаженства и мрачная страна близко соприкасаются другъ съ другомъ. Такъ, греческій Еллизіумъ—поля блаженства и радости, гдѣ свѣтитъ солнце и гдѣ благодѣтельствованные богами смертные, какъ, напри- мѣръ: Радамантъ и Менелай, ведутъ блаженную жизнь, — лежитъ на западѣ за океаномъ ¹⁾, и тутъ же находится страна, населенная миѳическими Киммерійцами, вся покрытая тьмою и туманомъ, на которую никогда не смотрятъ свѣтлые лучи Гелиоса, ни тогда, когда онъ выходитъ на звѣздный небесный сводъ, ни когда онъ нисходитъ съ неба обратно. „Ночь безотрадная тамъ искони окружаетъ живущихъ“ ²⁾. Здѣсь же лежитъ роща Персефоны, состоящая изъ тополей и бесплодныхъ пажитей ³⁾, и отсюда въ необозримую даль подъ землю начинается „Аидова мглистая область“ ⁴⁾, а за нею тар- таръ, который уже „настолько ниже ада, насколько

лѣсу, — по этимъ сказкамъ, — гдѣ-то лежитъ тяжелый камень; если его сдвинуть съ мѣста, то подъ нимъ увидимъ подземный ходъ. Если спуститься по длиннѣйшей веревкѣ, укрѣпивши одинъ конецъ ея къ какому-либо дереву, а другой бросивши въ отверстіе въ землѣ, какъ-бы кѣмъ то пробуравленное, то можно придти въ иной міръ, гдѣ свѣтитъ солнце и блещетъ луна, текутъ инныя рѣки, волнуются не здѣшнія моря, птицы тамъ инныя, и звѣри другіе въ лѣсахъ“. Въ рѣкахъ и озерахъ „того міра“ разлита „живая и мертвая вода“. Туда спускались герои, но веревки порывались, и ихъ оттуда возвращала чудесная Ногай-птица. (Жаковъ. Языческое міровоззрѣніе Зырянъ. Статья въ журналѣ „Научное обозрѣніе“ 1901 г., № 3, 82—83 с.)

¹⁾ Одиссея, IV, 560 и сл. Илиада, XIV, 275; XV, 225.

²⁾ Одиссея, XI, 14 и дал.

³⁾ Одиссея, X, 508 и сл.

⁴⁾ *ibidem.* 512.

свѣтлое небо выше отъ дола“ ¹⁾). Индѣйцы знаютъ подземный міръ „Nagaka“—царство тумана и грозного пламени, гдѣ царствуетъ богиня „Nirriti“ ²⁾, но тутъ же находится и царство Ямы — царство свѣта, царство блаженныхъ „Pitris“ и гдѣ Яма, вмѣстѣ съ богами и блаженными Pitris, сидитъ подъ сѣнію фиговаго дерева (acvattha), наслаждаясь невозмутимымъ покоемъ и вкушая безсмертный напитокъ ³⁾). Елизійскія поля римлянъ, — поля, надъ которыми простирается ясное, вѣчно веселое небо, являющіяся въ необыкновенной красотѣ и свѣжести, поля (или правильнѣе острова) блаженства представляются лежащими на западѣ за океаномъ, въ Оркѣ—подземномъ мірѣ, который рисуется у нихъ холоднымъ, мрачнымъ, туманнымъ, съ рѣками, клокочущими пламенемъ ⁴⁾).

Имѣя представленіе, что страна отцовъ можетъ находиться на небѣ и гдѣ-то на западѣ далеко подъ землей въ какомъ-то неопредѣленномъ пространствѣ, древне-русскій человѣкъ полагалъ, что къ ней ведетъ дорога—Млечный путь, который у различныхъ народовъ получилъ названіе дороги по тому впечатлѣнію, какое производитъ на глазъ зрителя его длинная, тянущаяся по всему небесному своду, полоса ⁵⁾). Народъ русскій даже до сего времени вѣритъ, что Млечный путь ведетъ въ вѣчное жилище и считаетъ его: то

¹⁾ Иллада, VI, 13—16. По Гезіоду же тартаръ „лежитъ настолько ниже земли, насколько небо выше ея“ (Хрисанфъ, т. II, 475).

²⁾ Die Götterwelt. 53; Тихонравовъ. Сочиненія, I, 191. Аванасевъ. Поэтич. воззрѣнія, III, 16.

³⁾ Аванасевъ. Поэтич. воззрѣнія, III, 18.

⁴⁾ Виргилій. Энеида, VI книга.

⁵⁾ Аванасевъ. Поэтич. воззрѣнія, III, 283.

дорогою, по которой праведники шествуютъ въ рай (Ущицкій уѣздъ) ¹⁾, то дорожкой умершихъ, идущихъ на вѣчное житіе ²⁾, то смотрятъ на Млечный путь, какъ на дорогу, пересѣкающуюся посрединѣ и вѣрятъ, что одна изъ половинъ ведетъ въ рай, а другая—въ адъ (Холмская Русь) ³⁾. Считается Млечный путь дорогой въ страну отцовъ и у родственнѣхъ намъ народовъ. Такъ, Литовцы, называя Млечный путь „*raukscziû kielês*“, т.-е. птичья дорога, потому что души, отправляющіяся по этой дорогѣ въ страну отцовъ, представлялись легкокрылыми птицами ⁴⁾, — до сихъ поръ увѣряютъ, что они видятъ покойниковъ: какъ они проносятся на борзыхъ коняхъ по птичьей дорогѣ съ тремя звѣздами въ рукѣ и потомъ вступаютъ въ селеніе вѣчнаго блаженства ⁵⁾.

Самая же страна отцовъ отъ міра живыхъ отдѣлялась у предка воздушнымъ пространствомъ, которое примитивному челоѣку казалось всесвѣтнымъ моремъ-океаномъ, или рѣкой, обтекающей со всѣхъ сторонъ землю, по которымъ плаваютъ корабли-облака и тучи ⁶⁾. Вслѣдствіе этого душа умершаго должна была, по представленію древне-русскаго челоѣка, переплыть это водное пространство.

1) Труды этногр. статист. экспедиціи 1872 г., т. I, 15.

2) Слышано авторомъ въ Покровскомъ уѣздѣ, Владимірской губ.

3) Труды этнографич. статист. экспед. 1872 г., т. I, 15 ст.

4) Теобальдъ. Литовско-языч. очерки, 12; Тихонравовъ. Сочин. I, 181 ст. Аванасьевъ. Поэтич. возр., III, 204 ст. У Киргизовъ Млечный путь также называется „птичьей дорогой“.

5) Аванасьевъ. Поэтич. возрѣвія, III, 284. Млечный путь считается дорогой въ страну отцовъ и у сѣверо-американскихъ индѣйцевъ и слыветъ подъ именемъ „тропы душъ“ (Православное обозр. 1884 г., т. 3, 471 ст., ст. Шерль: Начало религіи).

6) Аванасьевъ. Поэт. возр. I, 574; III, 280.

На существованіе такого представленія пути въ загробный міръ указываютъ погребальныя обряды нашихъ язычниковъ-предковъ. Ибнъ-Фоцланъ, описывая погребальныя обряды руссовъ, дѣлаетъ такую замѣтку: „для бѣднаго умершаго дѣлали ладью и сжигали (мертвеца) въ ней“ ¹⁾. Указаніе на существованіе похоронъ въ ладѣ мы встрѣчаемъ и въ „Повѣсти временныхъ лѣтъ“ (подъ 945 г.). Описывая мечь Ольги древлянамъ за смерть ея мужа Игоря, повѣствователь говоритъ, что, по приказанію Ольги, пословъ древлянскихъ несли въ „лодью“, а когда донесли до приготовленной ямы, „винуша є въ яму и с лодьею и повелѣ (Ольга) засыпати я живы, и посыпаша я“ ²⁾. Здѣсь мы встрѣчаемся не съ простымъ фактомъ мести, а видимъ, говоритъ Котляревскій, — „что Ольга приносила погребальную жертву душѣ своего мужа“ ³⁾, и эту жертву она исполняетъ, живо погребая древлянскихъ пословъ. „Аще кто умряше“, — говоритъ лѣтописецъ про вятичей и кривичей, — „творяху кладу велику, и възложашуть я на кладу, мертвеца сожъжаху“ ⁴⁾. „Клада“, упомянутая лѣтописцемъ, по объясненію Тихонравова, имѣла видъ лодки. Съ ладьей при погребеніи мы даже встрѣчаемся въ христіанствѣ. Такъ, въ „Сказаніи о Святыхъ Борисѣ и Глѣбѣ“ ⁵⁾ — говорится: „убыену же бывшу Глѣбови и повержену на пустѣ мѣстѣ межю

1) Гаркави. Сказанія мусульманскихъ писателей 96—101 стр.

2) Лаврентьевская лѣтопись 55 ст. изд. Археогр. Комм. Спб. 1872 г.

3) Котляревскій. О погребальныхъ обычаяхъ 119 ст.

4) Лаврентьевская лѣтопись 13 ст. Спб. 1872 г.

5) Сильвестровскій списокъ XIV в., издан. Срезневскимъ.

двѣма кладома“ ¹⁾, но надъ соотвѣтственной миниатюрой прибавлено: „Святого Глѣба положиша въ лѣсѣ межи двѣма кладома подъ насадомъ“ ²⁾, насадъ же—рѣчное судно съ набоями, или лодка ³⁾. На миниатюрѣ дѣйствительно видно, что скутанное тѣло князя положено между двумя колодами и семь воиновъ варяговъ опрокидываютъ надъ нимъ вверхъ дномъ лодку ⁴⁾. Наша колода, по объясненію Анучина, есть ни больше, ни меньше, какъ вариантъ ладьи ⁵⁾, а гробъ, по объясненію Шляпкина,—двѣ опрокинутыя другъ на друга лодки ⁶⁾. Обращаясь къ раскопкамъ, которыя говорятъ намъ о языческомъ времени древне-русскаго человѣка, мы и тамъ видимъ лодки, на которыхъ погребали наши предки своихъ мертвецовъ. Такъ, господ. Зарѣцкій въ курганѣ близъ слободы Рублевки нашелъ костякъ, который былъ положенъ въ узкую лодочку изъ береста ⁷⁾.

Итакъ, въ погребальныхъ обрядахъ мы встрѣчаемся съ фактомъ погребенія или сожженія мертвецовъ въ ладьяхъ. Этотъ фактъ служитъ подтвержденіемъ нашей мысли о необходимости, по представленію нашего древняго предка, плыть мертвецу по водному

¹⁾ Въ поученіи при Житіи это мѣсто сказано такъ: „оканьнии изнесше тѣло (Глѣба), повергоша въ пустыни подъ кладою (ibidem 20 ст.)

²⁾ ibidem 93 ст.

³⁾ Даль. Толковый словарь II, 1054.; Древности Мос. Археол. Общ. 14 томъ, 172 ст., статья Анучина: „Сани, кони и ладья, какъ принадлежности пог. обряда“.

⁴⁾ Миниатюры: въ „Древностяхъ“ 14 т. 175; въ „Сказаніи о свв. Борисѣ и Глѣбѣ“ 93 ст. изд. Срезневскаго.

⁵⁾ Древности, ст. Анучина 14 т. 174 ст.

⁶⁾ Шляпкинъ. О крестахъ 6 ст. примѣчаніе.

⁷⁾ Древности XIV т, 174 ст. Здѣсь же смотри о похоронахъ въ лодкахъ у норманъ, индѣйцевъ и другихъ народовъ.

пространству, чтобы достигнуть страны умершихъ отцовъ.

Что у предка дѣйствительно существовало представление о водномъ пространствѣ, лежащемъ на пути къ селенію умершихъ, объ этомъ мы можемъ заключить изъ тѣхъ пережитковъ языческой старины, которые сохранились у насъ въ простомъ народѣ, а такъ же въ духовныхъ стихахъ и апокрифахъ. Такъ, народъ русскій даже до сего времени вѣрить въ водное пространство окружающее страну умершихъ отцовъ и говорить, что „души умершихъ пребываютъ въ домѣ Давида, а домъ этотъ окруженъ со всѣхъ сторонъ моремъ“ ¹⁾. По народному же вѣрованію русалки, эти души умершихъ, могутъ возвращаться изъ своего обиталища, плывя по водѣ на яичной скорлупѣ; почему наши крестьяне считаютъ необходимымъ раздавить скорлупу съѣденнаго яйца на мелкія части ²⁾. Малоруссы рассказываютъ, что навь (мертвецъ) живутъ за моремъ въ блаженной странѣ. Желая сообщить имъ радостную вѣсть о свѣтломъ праздникѣ Воскресенія Христова и, вмѣстѣ съ тѣмъ, о весеннемъ обновленіи природы, здѣсь имѣютъ обыкновеніе бросать въ рѣки скорлупу крашенныхъ яицъ, которыя, по вѣрованію малоруссовъ, несясь по теченію воды, приплывутъ къ берегамъ навовъ въ „зеленый четвергъ“, извѣстный между поселянами подъ именемъ навскаго великаго дня. ³⁾

Обращаясь къ апокрифамъ и духовнымъ стихамъ,

1) Труды этн. статис. экспед. I, 148 ст. 1872 г.

2) Аванасьевъ. Поэтич. воззрѣнія I, 577—578 ст.

3) Аванасьевъ. Поэт. возз. I, 578; Маякъ VIII, 214; сравни Чубинскій I, 220. Здѣсь „навье“ замѣнено „рахманами“.

которые, какъ я говорилъ, не смотря на преобладающее въ нихъ христіанское воззрѣніе, сохраняютъ древнія міѳологическія представленія, живо чувствующіяся въ нихъ подъ покровомъ христіанскихъ формъ,—мы такъ же встрѣчаемъ водное пространство, отдѣляющее страну отцовъ отъ міра живыхъ. Такъ, въ апокрифѣ: „Хожденіе Агапія въ рай“, относящемся къ XII в., мы встрѣчаемъ указаніе на плаваніе Агапія по морю, для достиженія рая ¹⁾. Въ апокрифѣ: „Хожденіе Зосимы къ Рахманомъ“ (XIV в), Зосима въ блаженную страну Рахманъ попадаетъ будучи перенесенъ двумя деревьями черезъ рѣку ²⁾. Въ апокрифѣ: „Хожденіе апостола Павла по мукамъ“ (XV в.) говорится, что апостоль страну, гдѣ „не бѣ свѣта“ и гдѣ „тма и скорбь и туга“, видѣлъ „об. ѡну страну ѡкиѡна,“ а въ „градъ Христовъ“ онъ прибылъ на золотомъ кораблѣ ³⁾. Находимъ водное пространство отдѣляющее страну отцовъ отъ міра живыхъ и въ отреченномъ словѣ „О всей твари“, сохранившемъ намъ многія черты древнихъ воззрѣній. Здѣсь говорится, что четырехъ-угольная земля плаваетъ на водѣ и той водѣ нѣтъ конца, за этимъ же „акіяномъ“ лежитъ земля, на которой находится рай и муки ⁴⁾.

По сказанію же духовныхъ стиховъ, души умершихъ идутъ въ адъ и рай „по воды“, идутъ туда

¹⁾ Чтеніе Обществ. Исторія и Древностей 1879 г. кн. I; Владиміровъ. Древне-рус. литература кiev. періода XI—XIII в.

²⁾ Тихонравовъ. Памятники отреченной литературы II, 79, 83.

³⁾ *Ibidem* 49, 47 ст.

⁴⁾ Тихонравовъ. Памятники отреч. литературы II, 350; Мочульскій. Историко-литерат. анализъ стиха о Голуб. книгѣ 119.

онѣ и „черезъ рѣку“ ¹⁾. Упомянутое о водномъ пространствѣ находимъ и въ сказкахъ. Такъ, въ сказкѣ „О трехъ побратимахъ“ говорится о русалкѣ, которая живетъ на томъ особенномъ свѣтѣ, куда путь лежитъ черезъ широкое море ²⁾.

Если заглянемъ въ вѣрованія родственныхъ намъ народовъ, то и у нихъ встрѣтимъ указаніе: то на море, то на рѣку, которыя отдѣляютъ страну отцовъ отъ міра живыхъ. Такъ, индѣйцы знаютъ о рѣкѣ Вайтарани, кипящей своими солеными волнами и отдѣляющей здѣшній міръ отъ царства умершихъ ³⁾. Одиссей попадаетъ съ миѳическаго острова Эа въ царство тѣней, мрачное обиталище Гадеса, переплывши океанъ ⁴⁾. Тѣнь Патрокла, прося у Ахиллеса погребенія своего тѣла, жалуется, что „тѣни умершихъ его приобщиться къ себѣ за рѣку не пускаютъ“ ⁵⁾. Римскій Оркъ, — страна умершихъ, окруженъ бурными рѣками ⁶⁾. Чехи о смерти употребляли поговорку: „залетѣлъ за море къ Велесу“ ⁷⁾, что указываетъ,

¹⁾ Варенцовъ. Сборникъ русскихъ духовныхъ стиховъ 138, 149, 151 СПб. 1860 г.; Безсоновъ. „Калѣки“, вып. V 165, 233 ст. 235 ст. и др.

²⁾ (Русск. Бесѣд. III, 100).

³⁾ Тихонравовъ. Сочиненія I, 178, 179; Тэйлоръ. Первобытная культура II, 49.

⁴⁾ Одиссея XI, 14 и дал.; X, 490 и дал.

⁵⁾ Илиада XXIII, 73—74.

⁶⁾ Энеида VI кл. 132, 327, 671 и др. Рѣки эти въ Энеидѣ: Котикость, Стиксъ и Ахеронъ. Подобное см. у Аванасьева. Поэт. воззрѣнія I, 575; Древности и Труды Мос. Ар. Об. XIV т. 182 ст. Аничина.

⁷⁾ Древности. XIV, 180 ст. Встрѣчаемъ указаніе на миѳическое водное пространство и у другихъ народовъ. Такъ, у Японцевъ страну отцовъ отдѣляетъ рѣка Сандзу (ibidem). Иудейскій рай окружаетъ рѣка Диворъ (Flugge. Geschichte des Glaubens anlensterblic I, 178, 379, 385), а племя Обжибва-Китингъ вѣрятъ, что „Великое селеніе“ лежитъ за Загробный міръ.

что міръ умершихъ, по представленію чеховъ, лежалъ также за моремъ.

Представляя водное пространство на пути въ страну отцовъ, предокъ, естественно, долженъ былъ представить, что душа должна была чрезъ него переправиться, чтобы достигнуть своего назначенія ¹⁾, а переправиться она могла, по представленію предковъ, только на тѣхъ судахъ, на которыхъ онъ самъ плавалъ: лодкѣ, кораблѣ, изъ которыхъ первая и фигурируетъ, какъ мы видѣли, въ его похоронныхъ обрядахъ ²⁾.

далекими и глубокими водами (Тэйлоръ. Первоб. культура II, 54). Вѣрятъ въ водный путь малайцы и сѣверо-америк. племена (Древности XIV, 178, 179, ст. Анучина). Въ Германіи рассказываютъ, что вѣдьмы, мары и эльфы въ блаженную страну плаваютъ по водѣ въ яичной скорлупѣ (Аванасевъ. Поэт. воз. III, 281), а древніе Египтяне вѣрили, что мертвые на тотъ свѣтъ попадаютъ только переплывъ мрачный, загробный Нилъ (Древности XIV, 180 ст. Анучина).

1) Касательно связи душъ усопшихъ съ водою въ языческихъ вѣрованіяхъ славянъ, а въ частности и русскихъ, важны замѣчанія Ходаковского, который, говоря о сопкахъ или древнихъ могилахъ, замѣчаетъ: „Сколько я могъ видѣть оныхъ, всѣ насыпаны по берегамъ рѣкъ, рѣчекъ и озеръ, и даже параллельно по излучинамъ и изгибамъ оныхъ. Въ поляхъ, удаленныхъ отъ воды, нигдѣ не случилось мнѣ замѣтить оныхъ. Можетъ-быть причину тому, что первѣйшія осѣлости были только на порѣчьяхъ и на озерахъ; во-вторыхъ, что совершеніе похоронныхъ обрядовъ не могло обойтись тогда безъ воды, которая по такому же случаю была потребна въ Доростолѣ Святославу Игоревичу, и которая служить путемъ для усопшихъ въ вѣчное обиталище, по мнѣнію сохранившемуся въ разныхъ странахъ славянскихъ у простого народа. (Русск. Истор. Сборн. т. 191, ст. 370 и сл.).

2) Интересно вѣрованіе чипсвайцевъ, которые утверждаютъ, что душа должна плыть непремѣнно на каменной лодкѣ по направленію къ закодванному острову, находящемуся на большемъ, глубокомъ озерѣ. (Правосл. обозрѣніе 1884 г. т. III, 475 ст. статья Шерцля. Начало религій.)

Но не на однихъ судахъ можно было пробраться въ страну отцовъ, по представленію древне-русскихъ людей, —туда можно было добраться: пѣшкомъ, на саняхъ (или какой другой повозкѣ), или верхомъ на конѣ, по мосту, который будто-бы перекинутъ черезъ водное пространство.

Представленіе о мостѣ, ведущимъ въ страну отцовъ чрезъ водное пространство, находимъ у различныхъ индо-европейскихъ и неиндо-европейскихъ народовъ. Такъ, у индѣйцевъ въ Сама-Ведѣ говорится: „къ блаженству мы стремимся чрезъ трудно проходимый мостъ“. Здѣсь, какъ видимъ, въ царство Ямы ведетъ чрезъ водное пространство мостъ, который должны пройти души умершихъ ¹⁾. У Персовъ души умершихъ, чтобы достигнуть Городмала (царства мертвыхъ) должны перейти мостъ воздаянія Чиневадъ ²⁾, а у магометанъ въ страну отцовъ ведетъ мостъ Сиратъ ³⁾. Въ древней погребальной пѣснѣ сѣвера: „*Lyke-Wake Dirge*“ упоминается мостъ „Ужаса“, чрезъ который душа, пройдя, попадаетъ въ чистилище:

„From Brig o' Dread when thou are poste,“ — говорится здѣсь, —
„Every night and alle;
„To Purgatory Fire thou comes at laste
„And Christe receive thy saule“ ⁴⁾.

¹⁾ Vitke II, 395. Sama-Veda II.

²⁾ Милославскій. Древнее языческое ученіе о странствованіи и переселеніи душъ 139 ст. Казань 1873 г; Тихонравовъ. Сочиненія I, 189; Аванасевъ. Поэтич. возврѣн. I, 732.

³⁾ Тихонравовъ. Сочиненія I, 189 ст.

⁴⁾ J. C. Atkinson. „Glossary of Cleveland Dialect“, p. 595.; *Переводъ*: „Когда ты минешь мостъ Ужаса, въ каждую ночь и во всѣ, то попадешь, наконецъ, въ огонь чистилища, и Христосъ да приметъ твою душу“.

Знають о мостѣ перекинутомъ черезъ водное пространство къ странѣ отцовъ и Уггоруcсы ¹⁾.

Обращаясь къ Руси, представленіе о мостѣ вѣдущемъ въ страну отцовъ, мы встрѣчаемъ въ духовныхъ стихахъ. Въ нихъ говорится, что праведные и грѣшныя идутъ въ адъ и рай чрезъ огненную рѣку „какъ-бы по мосту“ ²⁾. Что у предковъ дѣйствительно было представленіе о мостѣ, перекинутомъ чрезъ водное пространство, на это можетъ указывать и письменный памятникъ — „Сказаніе Пафнута Боровскаго“, которое (сказаніе), хотя и поздняго происхожденія и уже (какъ и духовные стихи) освѣщено христіанствомъ, но все же носитъ на себѣ слѣды языческой старины. Въ этомъ сказаніи говорится, какъ одинъ умершій человѣкъ прошелъ въ рай по трупамъ нищихъ, которые, въ благодарность за его милостыни при жизни, „сѣтворили“ изъ своихъ тѣлъ „яко мостъ черезъ странную ту рѣку“ и тѣмъ дали ему возможность перейти въ „чудное мѣсто“ (рай) ³⁾. Въ простомъ народѣ даже до сего времени сохранилось повѣрье, что душа пойдетъ по мосту ⁴⁾, а потому въ гробъ подъ головы покойнику кладутъ нѣсколько щепъ отъ гроба, чтобы ими умершій могъ воспользоваться, если мостъ будетъ въ нѣкоторыхъ мѣстахъ худъ ⁵⁾.

¹⁾ Этнографическое обозрѣніе XVII, 215.

²⁾ Безсоновъ. Колѣвки, вып. V, 234 ст.

³⁾ Веселовскій. Розысканія въ области дух. стих. XII, (приложеніе) см. послѣднюю главу „повѣста“,—о милостыни; Тихонравовъ сочиненія I, 184 ст.

⁴⁾ Напр. въ Проскуровскомъ (Чубинскій I, 87 ст. Труд. Этногр. ст. экспед 1872 г.), Судогодскомъ и др. уѣз.

⁵⁾ Авторъ слышалъ и наблюдалъ въ Меленковскомъ, Судогодскомъ, Покров. уѣздахъ, Влад. губ.

Мостомъ ,перекинутымъ къ странѣ отцовъ черезъ водное пространство, въ представленіи примитивнаго человѣка являлась радуга, которая своими концами уходя какъ бы подъ землю, а серединой своего изгиба касаясь небеснаго свода, напоминая своей фигурой арку, дугу, служила какъ бы связью между облачнымъ и подземнымъ міромъ, а такъ же видимымъ выраженіемъ связи между людьми и тѣми далекими странами, куда древній предокъ отсылалъ души своихъ умершихъ ¹⁾. „Издревле“,—говоритъ Аванасьевъ,—„радуга признавалась за путь усопшихъ“ ²⁾. Дѣйствительно, русскій народъ даже до сего времени считаетъ радугу мостомъ—путемъ къ странѣ отцовъ ³⁾, мостомъ въ небесное царство ⁴⁾. Небеснымъ мостомъ считается радуга такъ же и у сѣверныхъ народовъ гдѣ таковой она называется въ скандинавской поэмѣ „Эдда“ ⁵⁾.

При существованіи представленія о мостѣ перекинутомъ черезъ водное пространство естественнымъ является и представленіе предка, что въ страну отцовъ можно пробраться не только пѣшкомъ, или верхомъ на конѣ, но даже и въ повозкѣ. На что указываетъ намъ существовавшій у предка обычай погребенія на саняхъ.

¹⁾ Въ древнѣйшихъ нашихъ памятникахъ мы находимъ обозначеніе радуги словомъ „дѣга“; такъ радуга называется въ „Изборникѣ Святослава 1078 г.“ (Буслаевъ. Матеріалъ для исторіи писмен. изд. Москов. Университ. библиот.). Корень же слова „дѣг“ обозначаетъ: „ремень, по, связь“ (Тихонравовъ сочиненія т. I, 181 ст.).

²⁾ Аванасьевъ. Поэтич. воззрѣнія III, 25.

³⁾ Труды эт. стат. экспедиц. юго-зап. края (соч. Чубинскаго) 1872 г. I, 27.

⁴⁾ Слышано авторомъ въ Судогод. уѣз., Влад. губер.

⁵⁾ Тихонравовъ. Сочиненія томъ I, 181 ст.

Съ фигурированіемъ саней въ погребальномъ образѣ мы встрѣчаемся уже въ христіанствѣ. Въ былинѣ „о Потокѣ Михайлѣ Ивановичѣ“ говорится, что когда умерла жена Потока—Авдотья Лиховидьева, то

„Приказали ему (Потоку) попы соборные
„Тотчасъ на саняхъ привезти (тѣло Авдотьино)
„И совсѣмъ причтомъ церковнымъ
„Погребли тѣло Авдотьино“ 1).

Древнѣйшимъ же свидѣтельствомъ лѣтописи считается сказаніе, записанное подъ „15 іуля 1015 г.“. Здѣсь говорится: „Умре же (Владиміръ) на Берестовѣмъ, и потаиша ѿ, бѣ бо Святополкъ Къевѣ. Ночью же межю клѣтми проймавше помость, обертѣвше въ коверѣ, и ужи сѣвѣсиша на землю; възложше ѿ на сани, везѣше поставиша ѿ въ святѣй Богородици, юже бѣ создалъ самъ“ 2). Позднѣе мы въ лѣтописяхъ встрѣчаемъ цѣлый рядъ указаній, гдѣ сани фигурируютъ въ погребальной процессіи. На нихъ тѣла умершихъ везутъ лѣтомъ и зимой. Такъ, подъ 1054 г. въ Лаврентьевской лѣтописи читаемъ: „Всеволодъ же спрята тѣло отца своего (Ярослава), възложше на сани везоша ѿ Къеву“ 3). Подъ 1074 г. говоря объ убійствѣ Изяслава 3 октября лѣтописецъ прибавляетъ, что тѣло князя „възложивше на сани повезоша ѿ, съ пѣснями попове и черноризци,“ 4). Подъ 1113 г. въ Ипатіевской лѣтописи читаемъ: „представися благо-

1) Курша-Даниловъ. Древне-русскія стихотворенія 223 ст.

2) Полное собр. рус. лѣтописей I, 56 ст.

3) Ibidem 70 ст. Ярославъ скончался 19 февраля „въ субботу 1 поста святого Θεодора“; Лавр. лѣт. изд. Археогр. Ком. Сбп. 1872 г. 158 ст.

4) Полное собраніе русс. лѣтописей, I, 86 стр.

вѣрный князь Михаилъ, зовемый Святополкъ, мѣсяца априля въ 16 день, за Вышегородомъ, и привезоша ѿ въ лодьи Кіеву и спрятавшѣ тѣло его и възложиша въ санѣ... и положиша въ церкви святого Михаила¹⁾. На саняхъ везуть и ставятъ въ церкви тѣло князя Владиміра Васильковича, умершаго 10-го декабря²⁾. Онѣ же служатъ и для перевозки мощей святого князя Глѣба³⁾. Сани употребляются не только для перевозки, но и для переноски тѣла, что видно изъ миниатюры, помѣщенной при житіи Бориса и Глѣба при Сильвестровскомъ спискѣ⁴⁾ и древней иконы, изображающей перенесеніе ко гробницѣ тѣла св. митрополита Петра⁵⁾. Особенно же изъ описанія царскихъ похоронъ въ „Выходахъ Государей“⁶⁾.

Всѣ приведенныя мѣста, какъ мы видимъ, мало говорятъ въ пользу нашего доказательства, что въ страну умершихъ, по представленію древне-русскаго человѣка, можно пробраться на саняхъ, ибо мы видимъ только, что на саняхъ несутъ и везуть, а не находимъ указанія, чтобы ихъ съ покойникомъ опускали въ землю. Однако, уже тотъ фактъ, что сани употреблялись при погребеніи, что на нихъ наши предки возили умершихъ даже лѣтомъ, какъ и теперь это происходитъ въ нѣкоторыхъ мѣстахъ Россіи⁷⁾, и ставили въ

1) Ibidem, II, 11 стр.

2) Ibidem, 220 стр.

3) Ibidem, I, 78 стр.

4) Подлинникъ въ Историческомъ музеѣ (Москва). Копія въ изданіи Срезневскаго и въ Древностяхъ Моск. Арх. Общ., XIV т.

5) Икона въ Успенскомъ Соборѣ въ Москвѣ. Копія въ Историч. музеѣ, рисунокъ въ Древностяхъ и Труд. Мос. Арх. Общ., XIV т.

6) См. Древности и Труды Мос. Арх. Об. ст. Анучина, XIV, 103 ст.

7) Напр. въ Вятской, Пермской губ. и даже въ Малороссіи (Древности XIV т. 117 ст).

церкви, указываетъ, что роль ихъ въ древнее время была не только имѣть тѣло временно: во время перевозки и стоянія въ церкви, но когда-то существовало и погребеніе на нихъ.

Дѣйствительно, въ Россіи до сего времени существуетъ обычай не только оставлять сани на могилѣ¹⁾, но и класть въ могилу съ мертвецомъ: оглобли отъ саней, на которыхъ привезли тѣло, вязки, ломанья полозья, а такъ же ступицу отъ колеса²⁾. Обычай этотъ мало подходитъ къ возкѣ покойниковъ, а онъ скорѣе указываетъ на существовавшій когда-то на Руси обычай погребенія на саняхъ.

Характерной, въ данномъ случаѣ, является для насъ находка въ курганѣ, разрытомъ г-номъ Кельсievымъ. Эта находка—остатки носилокъ, или скорѣе остатки волокушъ, привезшихъ покойника, которая въ древнее время замѣняли сани³⁾. Очевидно, что погребеніе на саняхъ въ древней Руси существовало. Дѣйствительно, если норманъ,—сынъ бурнаго моря, хоронилъ себя въ неразлучной спутницѣ—лодкѣ, если наѣздникъ степей скиѣтъ, хоронилъ себя на своемъ другѣ-регивомъ конѣ, если знатный и удалый русскій богатырь Потокъ Михайло Ивановичъ зарывается въ могилу съ конемъ и збруей ратной, то отчего не принять предположенія, что незнатнымъ русскимъ мирнымъ жителемъ-хлѣбопашцемъ не клался когда-то въ могилу мертвецъ на его неразлучной древней повозкѣ-сняхъ. А если существовалъ обычай погребенія на

1) Папр., въ Пермской, Вологодской и друг. губерняхъ (ibidem).

2) Сани везутся домой послѣ похоронъ на веревкахъ. Наблюдалъ авторъ во Владимірской губ., Судогодскомъ уѣздѣ.

3) Древности и Труды Моск. Ар. Об. XIV т., 135 ст. ст. Ануचना,

саняхъ, то сани съ успѣхомъ могли замѣнить лодку разъ у нашего предка было представленіе о мостѣ перекинутомъ чрезъ водное пространство и соединяющемъ землю, на которой человѣкъ жилъ, со страной усопшихъ отцовъ.

Что же касается представленія предка о путешествіи умершихъ въ страну отцовъ верхомъ на конѣ, то на это намъ указываютъ ясныя слѣды существовавшего у предка обычая погребенія на коняхъ. Такъ, изъ раскопокъ, произведенныхъ въ предѣлахъ Кіевской Руси, въ треугольникѣ между рѣками: Росью, Ирпенемъ и Днѣпромъ, на территоріи, которую, по мнѣнію нѣкоторыхъ изслѣдователей, можно признать неоспоримо территорією древнихъ Полянъ, профессоръ В. Б. Антоновичъ нашелъ курганы, въ которыхъ сохранились ясныя слѣды погребенія умершихъ на коняхъ. „Въ камеру“, — говоритъ Антоновичъ, — „покойникъ былъ введенъ верхомъ на лошади и послѣдней голова разбита камнемъ“ ¹⁾. Древнюю архаическую черту погребенія на конѣ сохранила намъ и былина „О Потокѣ Михайлѣ Ивановичѣ“. Этотъ сказочный богатырь, по смерти жены, велѣлъ себя похоронить заживо на своемъ конѣ.

„А и тутъ“, — говоритъ былина, —
„Стали могилу копать,
„Выкопали могилу глубокую и великую,
„Глубиною, шириною по двадцати сажень...
„И тутъ Потокъ Михайлѣ Ивановичъ
„Съ конемъ и збруею ратною
„Опустился въ тое-жь могилу глубокую,
„И заворочали потолокомъ дубовымъ
„И засыпали песками желтыми“ ²⁾.

¹⁾ Древности XIV т. 191 ст. Алучина.

²⁾ Кирша Даниловъ. Древне-русскія стихотворенія 222—223 ст.

Въ обрядѣ погребенія умершаго на конѣ верхомъ можно усматривать не только тѣ мотивы, которые выставляетъ г-нъ Анучинъ въ своей статьѣ: „Сани, ладя и кони, какъ принадлежности похороннаго обряда“, именно: съ одной стороны, боязнь умершаго и всего того, что ему принадлежало и опасеніе, какъ бы пользованіе его вещами не причинило вреда живущимъ; а, съ другой, — представленіемъ о загробной жизни, какъ о сходной съ настоящей и, слѣдовательно, требующей подобной же обстановки быта¹⁾, но и представленіе древняго предка о путешествіи на конѣ въ страну отцовъ, такъ какъ для исполненія выставленныхъ г-номъ Анучинымъ мотивовъ достаточно только ввести коня въ погребальную комнату умершаго, а не везти его на лошади до могилы и не оставлять его на ней верхомъ и тамъ, о чемъ, какъ мы видѣли, говорятъ раскопки и упоминаетъ былина.

Представленіе о путешествіи умершихъ въ страну отцовъ на коняхъ встрѣчаемъ мы и въ русскихъ сказкахъ, гдѣ часто упоминается, что тотъ или иной сказочный богатырь ѣдетъ добывать погибшую невѣсту или сестру къ солнцу на крылатомъ конѣ.

Встрѣчаемъ это представленіе и въ вѣрованіяхъ родственныхъ намъ литовцевъ. Литовцы даже до сего времени увѣряютъ, что видятъ покойниковъ, какъ они проносятся на борзыхъ коняхъ по птичьей дорогѣ (млечному пути) съ тремя звѣздами въ рукѣ и потомъ вступаютъ въ селенія вѣчнаго блаженства²⁾.

„Бѣдный людъ погребался въ простыхъ неглубо-

¹⁾ Древности Труды Моск. Археол. Общ. XIV т. 133 ст.

²⁾ Аванасьевъ. Псѣтнч. возвр., III, 284.

кихъ гробницахъ подъ небольшими круговидными курганами, коней при нихъ не бываетъ“ ¹⁾), пишетъ одинъ изслѣдователь могилъ древнихъ предковъ. Какъ видится, бѣдняку приходится идти въ страну отцовъ пѣшкомъ. Дѣйствительно, у предка было представленіе, что всѣ вообще мертвые могли достичь страны отцовъ и пѣшкомъ. На такое представленіе предка указываютъ существующія по нынѣ на Руси обычаи при погребеніи класть въ гробъ покойнику кромѣ надѣтыхъ на ноги новыхъ лаптей еще пары въ тѣхъ видахъ, что одной пары на походъ до страны отцовъ умершему можетъ не хватить и онъ можетъ воспользоваться запасной парой ²⁾). Забота облегчить прохожденіе умершимъ пути въ страну отцовъ выражается у народа и въ томъ, что родственники кладутъ во гробъ съ умершимъ палку ³⁾). О путешествіи пѣшкомъ въ страну отцовъ говорятъ и духовные стихи, въ которыхъ находимъ такія выраженія: „души подходятъ“ ⁴⁾ къ рѣкѣ, „души побрели“ ⁵⁾, „души идутъ“ ⁶⁾).

Душа умершаго, по представленію предка-язычника, однако, не могла одна пробраться къ мѣсту своего назначенія,—она имѣетъ провожатаго. Духовные стихи сохранили для насъ это представленіе предка. Такъ, въ одномъ изъ нихъ говорится:

¹⁾ Древности, XIV, 204.

²⁾ Слышано авторомъ въ Судогодскомъ уѣздѣ, Влад. губ. Въ Нижегородской губ. новые лапти надѣваютъ мертвецу для того, чтобы они дольше носились на томъ свѣтѣ, (Аванасьевъ, III, 286).

³⁾ Древности, XIV т., 179 ст.

⁴⁾ Безсоновъ. Калѣки, вып. V, 169 ст.

⁵⁾ Ibidem, 165 ст.

⁶⁾ Варенцовъ. Сборникъ духовныхъ стиховъ, 13, 1498, 151 и др. ст.

„А всѣмъ нашимъ душамъ
„Черезъ ту рѣку провожатися будетъ“¹⁾.

Въ другомъ мѣстѣ умершіе умоляютъ Михаила Архангела проводить ихъ въ царство небесное:

„Провяди“,—говорятъ они архангелу,—
„Насъ черезъ огненну рѣку“²⁾;
„Приведи насъ ко царству небесному“³⁾.

Имѣютъ провожатаго въ страну отцовъ и родственные намъ народы. Такъ, индусы вѣрятъ, что черезъ рѣку смерти Вайтарани имъ перейти пособить черная корова, которая у нихъ называлась „vaitaganina dyuttârikâ“, т. е. переводящая черезъ Вайтарани, посему то умершему индусы обыкновенно давали въ руки коровій хвостъ⁴⁾. У Римлянъ же путеводителемъ душъ умершихъ въ царство тѣней является снабженный крыльями и посохомъ Меркурій⁵⁾.

Но души умершихъ, по представленію предка, не только проводятся въ страну отцовъ, но и перевозятся по водному пространству перевозчикомъ. Слѣды этого языческаго представленія предка мы встрѣчаемъ въ духовныхъ стихахъ. Такъ, въ одномъ стихѣ „О страшномъ судѣ“ говорится:

1) Безсоповъ. Калѣки, вып. V, 233 ст.

2) Безсоповъ. Калѣки, вып. V, № 511. Варенцовъ. Сборн. духов. стиховъ, 139.

3) Безсоповъ. Калѣки, вып. V, 229, 231, 234 ст.

4) Тейлоръ. Первобытная культура, II, 48; Тихопратовъ. Сочиненія I, 179.

5) Ярославскія епархіальныя вѣд. 1875 г., часть неоффіціальная, 163 ст. Племя Адтсково считало путеводителемъ собаку. Ее они сжигали съ бумажной веревкой на шеѣ, чтобы удѣбѣ умершему было ухватиться. Она переводила умершаго черезъ глубокія воды Chinpanhuaran по пути къ странѣ мертвыхъ (Тейлоръ. Первобытная культура, II, 48).

„Течеть рѣчка огненная..
„Какъ стоять у рѣки души грѣшныя,
„Души грѣшныя, беззаконныя,
„Онѣ вопять и кричатъ—перевозу хотятъ.
„Отвѣчаетъ душамъ Батюшко Небесный Царь:
„У Меня нѣту душамъ перевозчиковъ“¹⁾.

Яснѣе указаніе на перевозчика находимъ въ вариантѣ только что приведеннаго стиха, который въ „Сборникѣ русскихъ духовныхъ стиховъ“, составленномъ Варенцовымъ, извѣстенъ подъ заглавіемъ стиха „Про Михаила Архангела“. Здѣсь мы находимъ такіа слова:

„Протекала тутъ рѣка, рѣка огненная,
„Какъ по той-тамъ рѣки, рѣки огненныя,
„Да тутъ ѣздитъ Михайло Архандель царь,
„Перевозитъ онѣ души, души праведныя,
„Черезъ огненну рѣку ко пресвѣтлomu раю“²⁾.

Въ одномъ же духовномъ стихѣ утвердительно сказано, что черезъ водное пространство есть перевозчикъ.

„Три грѣшныя души, беззаконныя рабы
„Подходили къ рѣки“.

Онѣ спрашивали перевозчика.

„И на то тутъ“,— говорится въ этомъ стихѣ,—
„есть перевозчикъ,
„Перевезъ бы насъ на ту сторону,
„Къ Самому Христу, Сыну Божью“³⁾.

О перевозчикѣ упоминается и въ апокрифическомъ

1) Безсоновъ. Калѣки, вып. V, № 487.

2) Варенцовъ, 148; Безсоновъ. Калѣки, вып. V, 162 ст.

3) Безсоновъ. Калѣки, вып. V, 169 ст., № 490.

сказаніи „Хожденіе Агапія въ рай“ (XII в.). Агапій достигаетъ блаженной страны отцовъ-рая не одинъ, а его перевозятъ туда на корабльъ чрезъ отдѣляющую мертвыхъ отъ міра живыхъ рѣку перевозчики-ангелы¹⁾. Русскія сказки роль перевозчика вручаютъ старику. Этотъ старикъ смѣлыхъ странниковъ, шествующихъ въ страшныя обители ада къ царю-змѣю, или на край свѣта къ ясному солнышку, переправляютъ черезъ море или рѣку въ своей утлой лодочкѣ²⁾.

Находимъ сказанія о перевозчикѣ и въ семьѣ родственныхъ намъ индо-европейскихъ народовъ. Такъ, одна Сербская пѣсня поручаетъ перевозъ Св. Николаю и Ильѣ Пророку. Въ раю подъ прекраснымъ деревомъ съ золотыми вѣтвями, съ серебряными листьями, говоритъ пѣсня, почиваетъ Св. Николай; къ нему приходитъ „мироносна војвода“ Илья и говоритъ:

„Та устани, Никола!
„Да идемо у гору,
„Да правимо корабли,
„Да возимо душице
„С овог света на онај“.
„Ал' устаде Никола“,—продолжаетъ пѣсня,—
„Отшеташе у гору,
„Направише корабли,
„Перевезоше душице
„С овог света на онај“³⁾.

1) Чтеніе Общества Исторіи и Древностей Россійск. 1879 г., кн. I; Владиміровъ. Древне-русская литература Кіевскаго період. Тихомировъ, соч. I, 201.

2) Русскія народн. сказки, I, 13 и стр. 165, 170.

3) Караджичъ. Срѣске народне пјесме I, 134—135; Аванасьеви. Поэт. возз. I, 576.

Какъ у сербовъ, такъ и на Руси мы встрѣчаемъ въ роли перевозчиковъ священныя личности: Архангела Михаила, ангеловъ, Св. Николая и Илію пророка, имена которыхъ взяты изъ христіанства, но въ языческую пору, говорятъ ученые, личность перевозчика у славянъ носила названіе: Возуй, или Плавць, или, по Длугошу, Ній, котораго Гайкъ называетъ Водцою ¹⁾. У грековъ же и римлянъ миѳическимъ перевозчикомъ чрезъ адскія рѣки: Стиксъ, Ахеронъ или Коцитъ (Кокитось), былъ жестокій Харонъ, который доставлялъ души умершихъ въ страну тѣней въ своей ладѣ ²⁾. Знаютъ о перевозчикѣ и не родственные намъ германскіе народы. У нихъ существуетъ повѣрье, что когда-то на берегу морскомъ обитали рыбаки, на обязанности которыхъ лежало перевозить души усопшихъ на блаженный островъ „Brittia“. Въ полночь раздавался въ двери стукъ и глухой голосъ звалъ этихъ рыбаковъ на работу. Мгновенно—пробужденные, они поднимались и шли на взморье, гдѣ уже стояли, поводимому, совершенно пустыя лодки; сажались въ нихъ и, взявшись за весла, отплывали. Тутъ только они замѣчали, что лодки были чѣмъ-то тяжело нагружены, такъ что края ихъ только на палецъ не касались поверхности водъ. Въ одинъ часъ переплывали они такое пространство, на которое въ обыкновенныхъ поѣздкахъ требовалось не менѣе сутокъ, и приставали къ острову. Незримые пловцы удалялись, и лодки, освобожденные отъ груза, дѣлались такъ

¹⁾ Древности XIV т. 182; Котляревскій. О погребальныхъ обычаяхъ 207.

²⁾ Аванасьевъ. Поэтич. возз. I, 575; Древности XIV т. 182, ст. Анучина. Тихоуравовъ, Сочиненія I, 185.

легки, что тотъ-часъ-же высоко подымались надъ водой ¹⁾. Шведская сага роль перевозчика вручаетъ даже самому Одину, который души храбрыхъ воиновъ, павшихъ въ битвѣ при Бравалласѣ, перевозить на золотомъ кораблѣ въ священную валгаллу ²⁾.

Перевозъ составляетъ извѣстный трудъ, требующій на семь свѣтъ нѣкотораго вознагражденія; и вотъ изъ погребальныхъ обрядовъ мы видимъ, что и для переправы на тотъ свѣтъ признавалась предкомъ необходимой перевозчику извѣстная плата.

Изъ раскопокъ кургановъ, произведенныхъ учеными въ Смоленской (въ Гнѣздовѣ) и Кіевской губерніяхъ, мы видимъ, что предокъ умершаго снабжалъ различными монетами ³⁾. Ибнъ-Доста въ своемъ описаніи похоронъ русса говоритъ, что съ мертвецомъ клали различные „неодушевленные предметы цѣнности“ ⁴⁾, каковыми могли быть не только мѣха, которые въ древней Руси замѣняли звонкую монету, но и самыя монеты, ибо въ курганныхъ раскопкахъ находили даже римскіе динаріи III в. по Р. Х. и византійскіе солиды IV—V вв. ⁵⁾. Изъ этихъ монетъ именно тѣ, которыя полагались въ руки умершихъ или около нижней челюсти, предназначались предкомъ въ уплату

¹⁾ Аванасьевъ Поэтич. возвр. I, 575.

²⁾ Тихомировъ. Сочиненія I, 185; Аванасьевъ. Поэтич. возвр. I, 575. У японцевъ перевозить умершихъ черезъ рѣку Самдзу къ странѣ отцовъ Старуха, а у вогуловъ, по словамъ Годдатти, перевозчикомъ является Куль-Одыръ, который перевозитъ души умершихъ въ огненной лодкѣ (Древности XIV т. 182, ст. Анучина).

³⁾ Древности. Труды Москов. Археолог. Общества XIV т. 183.

⁴⁾ Котляревскій. О погребальныхъ обычаяхъ, 55; Въ журналѣ Министер. Народн. Просвѣщ. 140 т. 675 стр. это мѣсто переведено „чеканную монету“.

⁵⁾ Древности XIV т., 183 стр. статья Анучина.

перевозчику ¹⁾). Народъ русскій даже до сего времени сохранилъ этотъ обычай. Въ нѣкоторыхъ мѣстахъ Бѣлоруссіи и Великоруссіи и по сіе время даютъ умершему въ руку монету и простолюдинъ вѣрить, что эта монета пойдетъ въ уплату перевозчику ²⁾). Указаніе на плату перевозчику мы находимъ и въ духовныхъ стихахъ. „Грѣшныя души“,—говорится въ стихѣ „О страшномъ судѣ“,—„подошли къ рѣкъ“ и стали просить перевозчика — Михаила Архангела перевести ихъ.

„А што жъ вы здѣсь въ рукахъ несете?“

спрашиваетъ ихъ Михаилъ Архангелъ.

„Несемъ въ рукахъ рѣже золото,

„Потомъ—того цисто серебро“, —

отвѣчаютъ ему души умершихъ, и

„Они сами то къ Михайлѣ приближаются“,—

говоритъ стихъ,—

„Золотой казной спосуляются,

„Возми“,—говорятъ онѣ Архангелу-перевозчику, —

„Ты съ насъ много злата, много серебра,

„Мелкаго скатнаго жемчуга:

„Переправъ насъ, грѣшныхъ, черезъ огненну рѣку“³⁾)

Съ платой за перевозъ мы встрѣчаемся и у родственныхъ намъ народовъ. Такъ, греки клали въ ротъ покойнику оболъ и эта монета носила названіе

¹⁾ Ibidem.

²⁾ Древности XIV, 184 ст. Шейнъ. Матеріалы II, 531, 533; Кишиневскія Епар. Вѣдомости 1891 г., № 1. Этнограф. Обзор. IV, 54; Барсовъ. Причитанья, 306.

³⁾ Безсоновъ. Калѣки №№ 508, 510, 511, 512 и др.

„αυλον“, т.-е. плата за перевозъ въ лодкѣ. Въ гробницахъ Панतिकопейскаго Некрополя (въ Керчи), говоритъ Анучинъ, встрѣчаются различные предметы собственно погребальнаго обряда и житейской обстановки умершаго, но даже и въ самыхъ бѣдныхъ могилахъ не отсутствуетъ мѣдная „монета Харона“, полагавшаяся между зубовъ покойника ¹⁾. Клади монету за перевозъ съ покойникомъ и римляне ²⁾. Этотъ же обычай существовалъ и у угроруссовъ ³⁾, и литовцевъ ⁴⁾, а болгары, говоритъ одинъ изъ болгарскихъ писателей, во времена, когда „монетната цѣнность не существовала, употребляли платно, или соль“ ⁵⁾, какъ плату миѣическому перевозчику.

Входъ въ страну отцовъ, по представленію древнерусскаго человѣка, не вдругъ открывался предъ явившимися душами. Онъ охранялся сторожами и, слѣдовательно, душамъ нужно было миновать ихъ, чтобы, наконецъ, попасть въ мѣсто своего назначенія. Дѣйствительно, народъ русскій даже до сего времени говорить, что небесныя владѣнія оберегаются сторожами-косарями ⁶⁾. Говорятъ такъ же, что адъ и рай оберегаются рыжимъ человѣкомъ, который отъ этихъ

1) Древности XIV т. 182 ст. Тэйлоръ. Первобытная культура II, 64.

2) Ibidem.

3) Этнографическое Обзорѣніе XVII, 215.

4) Теобальдъ. Литовско-языческіе очерки, 99.

5) Мелетичъ. Извѣстія на семинара по славянска филолог. при университета въ Софія, кн. II, за 1906 — 7 г. 398 стр. При похоронахъ морвина существовалъ, въ данномъ случаѣ, такой интересный обрядъ: старшій членъ семейства подходилъ ко гробу покойника и клалъ въ руку мертвеца старинную монету съ слѣдующими знаменательными словами: „это тебѣ на табакъ, кабакъ и переходъ въ загробную жизнь“ (Гражданинъ 1872 г., № 4, 142).

6) Аванасевъ. Поэтич. возвр. I, 362; III, 285.

мѣсть хранить у себя ключи¹⁾. Русскія сказки то-же рассказываютъ о сторожахъ загробнаго царства, каковыми здѣсь являются: то змѣи, то львы²⁾, а малороссійское преданіе „О твореніи челоуѣка“ сторожемъ страны отцовъ выставляетъ собаку. „Сотворивъ челоуѣка“,—говоритъ это преданіе,—„Богъ ушелъ, а къ дверямъ рая приставилъ собаку—звѣря чистаго, чтобы непускала дьявола“. Но дьяволъ нашелъ доступъ въ рай, обѣщавъ собакѣ шерсть, такъ какъ до сей поры у ней ея не было. По другой же версіи дьяволъ бросилъ собакѣ кусокъ хлѣба. Собака бросилась за хлѣбомъ, а дьяволъ въ это время проскользнулъ въ рай³⁾. Встрѣчаемъ указаніе на миѣическихъ сторожей и въ похоронной причети. „Сторожа“,—говоритъ причеть,—„стоятъ вѣдь тамъ (у страны отцовъ), да все не старіють“⁴⁾.

Если мы обратимся къ вѣрованіямъ братьевъ-народовъ, которые когда-то, какъ мы знаемъ, имѣли съ нашимъ предкомъ общее міровоззрѣніе, то и у нихъ найдемъ сказанія о сторожахъ, охраняющихъ страну отцовъ, что еще болѣе подтверждаетъ высказанное нами положеніе о существованіи у древнерусскаго челоуѣка представленія о сторожахъ—охранителяхъ міра усопшихъ. Дѣйствительно, Ведійская миѣологія знаетъ сторожей царства мертвыхъ. Ими здѣсь являются Сарамеи, дѣти Сарамы — охотничей собаки бога Индры. Въ гимнѣ Ригъ-Веды есть даже обращеніе къ этимъ сторожамъ загробнаго міра. „Двѣ

¹⁾ Этногр. обозр. VIII, 174.

²⁾ Аванасьевъ. Русскія народныя сказки I, 1897 г., № 73, 71 и др.

³⁾ Драгомановъ. Малороссійскія народныя преданія 92 ст.

⁴⁾ Барсовъ. Причитанія сѣвернаго края, 31.

собаки Ямы“..,—говорится здѣсь,—„да позволять намъ созерцать солнце и получить божественную жизнь“¹⁾. Напутствуя же умершаго, гимнъ говоритъ; „истиннымъ путемъ избѣгни двухъ блѣдныхъ четырехъглазыхъ собакъ, дѣтей Сарамы, и ступай къ отцамъ, которые блаженствуютъ вокругъ Ямы! Двумъ собакамъ, о Яма, сторожамъ твоимъ четырехъглазымъ охранителямъ пути, вѣдающимъ людей, вручи его (умершаго), о царь, спасеніе и свободу отъ скорби даруй ему“²⁾. По сказанію персидской мифологіи сторожемъ страны отцовъ является песь Сура или Сиріусъ, который представляется у нихъ въ видѣ большой звѣздной собаки³⁾. Равнымъ образомъ знаютъ о сторожѣ и греки, у которыхъ таковымъ является трехглавый Церберъ, хвостъ котораго былъ подобенъ дракону, а грива кишела змѣями⁴⁾. По сказанію же Эды мрачное жилище Геллы сторожить дѣва „Módhgudhrí“, а охранять „Muspellsheimr“ приставленъ воинственный Суртуръ⁵⁾.

Миновавъ сторожей, душа уже вступала въ мѣсто своего назначенія.

Здѣсь мы покончили описаніе того представленія предка, по которому душа уходитъ въ невѣдомый міръ, туда, куда

¹⁾ Аванасевъ. Поэтич. воззрѣн. I, 732; Тихонравовъ. Сочиненія I, 182.

²⁾ Ibidem.

³⁾ Ibidem.

⁴⁾ Аванасевъ. Поэтич. воззр. I, 733. Чтобы Церберъ пропустилъ душу умершаго въ царство тѣней, ему греки предназначали медовый пирогъ, который клали съ покойникомъ въ могилу (Тэйлоръ. Первобытная культура II, 64).

⁵⁾ Аванасевъ. Поэтич. воззр. III, 25, 27.

„Вѣтры не провѣвываютъ,
„Лютое звѣрье не прорыскиваетъ,
„Малая птичка не пролетываетъ“.

Теперь обратимся къ тому ихъ представленію, по которому душа живетъ на землѣ около своего тѣла.

VII.

Мѣстопробываніе души по смерти человѣка (Могила).

Кромѣ обряда сожженія умершихъ, у нашихъ предковъ-язычниковъ мы встрѣчаемъ и обрядъ погребенія умершихъ въ землѣ. Этотъ обычай погребать умершихъ въ землѣ вообще нужно считать древнѣйшимъ, ибо человѣчество долго жило, пока не овладѣло великимъ оружіемъ—огнемъ, чтобы предавать сожженію своихъ мертвецовъ. „Онъ появился“,—говоритъ Котляревскій,—„въ первобытную эпоху у человѣка-младенца изъ подражанія природному явленію — заходу или смерти въ землѣ великаго свѣтила, лучезарнаго владыки и отца древнихъ людей—солнца“¹⁾. На Руси обрядъ погребенія существовалъ наравнѣ съ сожженіемъ. Это доказывается какъ показаніями арабскихъ писателей, такъ и сказаніями лѣтописца. Такъ, арабскій писатель Ибнъ - Фоцланъ говоритъ о сожженіи, почти въ то же время другой арабскій писатель Ибнъ-Доста, напротивъ, упоминаетъ о погребеніи²⁾. Лѣ-

1) Котляревскій. О погребальныхъ обычаяхъ. 179—180.

2) Ибнъ-Фоцланъ умеръ въ 920 г., а Ибнъ-Доста—930 г. Гаркави. Сказанія мус. пис. 96 ст.

тописецъ, говоря о славянскихъ племенахъ, упоминаетъ о сожженіи умершихъ у радѣмичей, вятичей и кривичей; онъ же говоритъ и о погребеніи во времена язычества предка. Такъ, подъ 882 годомъ читаемъ: „и оубиша Аскольда и Дира, несоша на гору, и погребоша и на горѣ“ ¹⁾). Находимъ сказаніе о погребеніи и подъ 912 г.: „Умре Олегъ“, — читаемъ здѣсь, — „и плакашася по немъ вси людіе плачемъ великимъ, и несоша ѱ, и погребоша на горѣ, еже глаголетъся Щековица; есть же могила его до сего дни, словеть могила Ольгова“. Подъ 945 г. говоря о смерти Игоря, лѣтописецъ прибавляетъ, что древляне, убивъ Игоря „погребли его“ ²⁾). Родственные намъ славянскіе народы тоже употребляли погребеніе наравнѣ съ сожженіемъ и „даже“, — говоритъ Гильфердингъ, — „можно было бы усумниться въ существованіи сожженія, если бы за него не говорило непреложное свидѣтельство урнъ съ пепломъ“ ³⁾).

Вотъ какъ описываетъ арабскій писатель Ибнъ-Доста въ своей „Книгѣ драгоцѣнныхъ драгоцѣнностей“ древне-русскаго обрядъ погребенія: „Когда“, — пишетъ онъ, — „у русскихъ умираетъ кто-либо знатный, то выкапываютъ ему могилу въ видѣ большого дома ⁴⁾), кладутъ его туда и вмѣстѣ съ тѣмъ кладутъ въ ту же могилу, какъ одежду его, такъ и браслеты золотыя, которыя онъ носилъ; далѣе опускаютъ туда множество съѣстныхъ припасовъ, сосуды съ напитками и другіе неодушевленные предметы цѣнности. Нако-

¹⁾ Полное собр. русскихъ лѣтописей I, 10.

²⁾ Полное собраніе русскихъ лѣтописей т. I, 16, 23.

³⁾ Гильфердингъ. Полное собраніе сочиненій т. IV, 192 ст.

⁴⁾ По арабски „бейтъ-вѣся“ = храмъ, покой, домъ.

нець, кладуть туда, въ могилу, живую и любимую жену покойника. Затѣмъ отверстіе могилы закладывается, и жена умираетъ въ заключеніи¹⁾. Это сказаніе арабскаго писателя вполне подтверждается, какъ мы уже ранѣе видѣли, раскопками и былиной о Потокѣ Михайлѣ Ивановичѣ.

Остановивъ вниманіе на обрядѣ погребенія, мы видимъ, что предокъ снабжаетъ умершаго всѣмъ необходимымъ и любимымъ имъ при жизни и даже женой. Онъ также все вниманіе сосредоточиваетъ на томъ, чтобы земля не стѣсняла умершаго — дѣлаетъ могилу „въ видѣ большого дома“, говоритъ Ибнъ-Доста, а раскопки указываютъ, что края могилъ нерѣдко обкладывались камнями и имѣли каменный или деревянный потолокъ и были просторны²⁾. Такія дѣйствія предка указываютъ, что онъ считалъ возможнымъ жизнь души умершаго въ землѣ, около своего тѣла, разъ устраиваетъ такое прочное и большое жилище, ставитъ къ умершему туда различные припасы, необходимые для существованія, и даже не разлучаетъ его съ женой.

Что у древне-русскаго человѣка, дѣйствительно, было представленіе о жизни души умершаго въ землѣ около своего тѣла, на это могутъ указывать сохранившіяся на Руси повѣрья, по которымъ и по нынѣ душа представляется живущей во гробѣ. Такъ, простой народъ по сіе время вѣритъ, что души некрещенныхъ младенцевъ живутъ въ могилѣ и оттуда жалобно взываютъ по ночамъ къ людямъ, прося ихъ

¹⁾ Журналъ Минист. Народ. Просв. 140 т. 675 ст. Котляревскій. 55, Гаркави 270.

²⁾ Древности XIV т. Статья Анучина.

окрестить ¹⁾). Нѣкоторые же рассказываютъ, что они хорошо слышали на Свѣтлое Христово Воскресеніе вой мертвецовъ въ раскольничихъ могилахъ ²⁾. Душа вѣдьмы и колдуна, по народному повѣрью, тоже живетъ въ своемъ гробѣ, а посему тѣла колдуновъ и вѣдьмъ не гниютъ, а только принимаютъ ужасную форму. Они дѣлаются горбатыми, синими, покрываются чешуей. Глаза вырастаютъ съ коровьи, волосы сѣдѣютъ, а на ногахъ и рукахъ отрастаютъ длинные острые когти. Днемъ вѣдьмы и колдуны спятъ, а ночью выходятъ изъ могилъ, пугаютъ путниковъ, проникаютъ даже въ дома и здѣсь у спящихъ высасываютъ кровь; чаще же всего они дерутся между собою, пронося при этомъ страшныя проклятія и ругаются крѣпкими русскими словами. Народъ вѣритъ, что если ночью придти съ иконами и святой водой къ могилѣ колдуна или вѣдьмы и разрыть ее, то трупа тамъ не найдешь, а вблизи услышишь страшный вой. Если же могилу раскопать днемъ, то тамъ снова можно найти трупъ на мѣстѣ, а на лицѣ у него можно увидеть красныя подтеки, ссадины и капли свѣжей крови—знаки ночной драки ³⁾.

Слѣды древняго вѣрованія въ жизнь души по смерти въ землѣ при своемъ тѣлѣ находимъ и въ похоронной причети. Здѣсь смерть человѣка считается только переходомъ въ новую хату, домовину, хороминку,

¹⁾ Слышано авторомъ въ Судогодскомъ уѣздѣ, Владим. губ.

²⁾ Слышано въ г. Меленкахъ, Влад. губ. Нѣкоторые крестьяне даже до сего времени ходятъ въ означенное время на раскольническое кладбище, желая услышать вой покойниковъ.

³⁾ Слышано авторомъ въ Покровскомъ уѣздѣ, Владим. губ. О ночныхъ похожденияхъ колдуновъ и вѣдьмъ смотри также у Аванасьева въ въ Повѣст. возврѣн., въ отдѣлѣ объ ушыряхъ, волкодлакахъ и т. п.

каковыми именами обыкновенно обозначается гробъ ¹⁾. Такъ, дочь умершаго или умершей, обращаясь къ сосѣдямъ или дальнимъ родственникамъ съ просьбой сдѣлать гробъ или вырыть могилу, обыкновенно говоритъ: „Прійдите, будьте ласковы до насъ, та можете построить моему батькови (чи тамъ матери) нову хату; не схотивъ у старій жить“ ²⁾. Умершій, однако, не только переходитъ въ новую хату, но и живетъ въ ней. Такъ, жена, представляя себѣ бѣдствія ждущія ее саму и ея дѣтей послѣ смерти мужа, высказываетъ желаніе удалиться изъ этого міра вмѣстѣ съ покойникомъ и проситъ его взять съ собой:

„Ой, пійми-жъ мене до себе
„У сыру землю!“ ³⁾.

Еще яснѣе высказывается то же воззрѣніе въ словахъ дочери оплакивающей мать. Спросивъ мать - покойницу: „куды - жъ ты идешь“, — дочь, какъ бы въ отвѣтъ, продолжаетъ: „яма глубока: туды витерь не завіе, солнце не пригріе“ ⁴⁾. Особенно же ярко говорить объ этомъ представленіи сѣверная похоронная причеть.

¹⁾ Названія гроба: домовинной, хатой, хороминкой и т. п. смотри у Барсова, Причитальня сѣв. края, 27, 100, 186, 214 ст.; Шейнъ. Материалы II, 641; Труды Этногр. стан. эксп. IV, 704, 705. Находимъ названіе гроба домовищемъ и у Безсонова. Калѣки, ч. II, вып. 5, 137 ст. Въ другихъ духовныхъ стихахъ говорится:

„Гробы вы, гробы, колоды дубовыя!
„Всѣмъ намъ есте дома предвѣчныя“.

(Калѣки V, №№ 481, 482 и др.).

²⁾ Труды Этнограф. статист. экспед. IV, 706 ст.

³⁾ Труды Этногр. стат. экспед. IV, № 2, 706.

⁴⁾ Русскій Филологическій Вѣстникъ XII, № 2, 115 ст.

„На сегодняшній, Господень Божій денечекъ
„Тебя ждетъ въ гости любимое гостищице,
„Твоя милая надежная головушка“,—

вопитъ вдова по мужъ, — у него

„Тамъ построено хоромное строеньицо —
„Прорублены рѣшетчаты окошечка,
„Врѣзаны стекольчаты околенка,
„Складены кирпичны теплы печеньки,
„Насланы полы да тамъ дубовыи,
„Перекладинки положены кленовыя,
„Што бы шла да ты, горюша, не качалася,
„Што бѣ дубовая мостинка не сгибалася;
„Поразставлены тамъ столики точенны,
„Поразосланы тамъ скатерти все бранья,
„И положены тамъ кушанья сахарныя,
„И поставлены тамъ питьица медвяныя,
„Кругъ стола да вѣдь стульицо кленовое,
„У хоромъ стоитъ крылечко съ переходами;
„Сождаетъ тебя надежная головушка“¹⁾.

Обращаясь къ родственнымъ намъ народамъ, мы и у нихъ встрѣчаемъ подобное представленіе. Такъ, Ведійскіе гимны, говоря о погребеніи умершихъ, называютъ могилу „grinmajо grihas“=земляной домъ и указываютъ на заботу родичей объ умершемъ — на ихъ награжденіе умершаго въ могилѣ всѣмъ необходимымъ, а также и на заботу устроить могилу такъ, чтобы земля не стѣсняла мертвеца, „а это“, — говоритъ Котляревскій, — „указываетъ на вѣрованіе индѣйцевъ, что покойникъ продолжаетъ жить въ могилѣ“²⁾.

Итакъ, душа кромѣ невѣдомой страны, по пред-

1) Барсовъ. Причитанья сѣвернаго края, 27.

2) Котляревскій. О погребальныхъ обычаяхъ.

ставленію предка, могла жить и въ землѣ около своего тѣла ¹⁾).

Указавъ мѣсто жительства души въ загробномъ мірѣ, постараемся показать какъ предокъ-язычникъ представлялъ себѣ ея дальнѣйшую жизнь.

VIII.

Загробная жизнь души.

Мы уже сказали, что душа, живя на землѣ, принимаетъ различные виды, но этимъ не исчерпывается вся полнота представленій предка-язычника о загробной жизни души. Жизнь души, по его представленію, подвержена различнымъ измѣненіямъ, согласно съ измѣненіемъ самой природы. Что дѣлалось съ приро-

¹⁾ Характерными для насъ являются слова одного причитанья, которыя показываютъ, что русскій народъ могилу считаетъ мѣстомъ жительства души, но въ то же время полагалъ и еще два мѣста ея жительства: невѣдомую „чужую страну“ и „адъ“.

„На путь иду долгій“, —

такъ говоритъ душа по этому причитанью, —

„По немуже николиже ходихъ,

„И во страну иду чужю,

„Идѣже никтоже знаетъ мя,

„Отюдуже никтоже приде;

„И въ землю, и въ землю иду темную,

„Идѣже не вѣмъ, что срящетъ мя;

„И во адъ иду глубокъ,

„Отюдуже ни одинъ возвратися“.

(Бессоновъ. Калѣки VI, 63).

дою, то же самое происходило, по представлению древне-русского человѣка и въ мирѣ загробномъ съ душами умершихъ. Такъ, съ наступленіемъ зимы, когда вся природа коченѣла, предку казалось, что и души приходили въ состояніе подобное сну и смерти; скованныя стужею и морозомъ, онѣ подвергаются оцѣпенѣнію и пребываютъ печальными узниками, заключенными въ темныя, холодныя мѣста. Весною же, когда вся природа пробуждалась отъ зимняго сна, такъ сказать, возрождалась, то вмѣстѣ съ природою возрождались и души умершихъ къ жизни, радости и вступали въ дѣятельность, вызывая главнымъ образомъ разныя атмосферныя явленія ¹⁾. Народъ русскій до сего времени сохранилъ это древнее представленіе и говоритъ, что „зимній холодъ — людямъ голодъ, медвѣдю берлога, мертвецу колода“, „зима становится,—мертвецы спать уложатся“. Ходитъ на Руси также сказаніе, что гдѣ-то далеко есть царство, въ которомъ люди умираютъ на зиму и воскресаютъ на весенній Юрьевъ день (23 Апрѣля) ²⁾. Есть и повѣрье, что во время зимы мертвецы испытываютъ холодъ, мракъ и тоску, поэтому наканунѣ Рож. Хр. и Крещенія поселяне жгутъ посреди дворовъ навозъ, чтобы усопшіе могли на томъ свѣтѣ немного согрѣться ³⁾. Одно же древнее вѣрованіе говоритъ, что Карачунъ въ декабрѣ мѣсяцѣ будитъ мертвецовъ, разбрасывая ихъ кости и

¹⁾ Митрофанъ. Какъ живутъ наши умершіе II, 507 — 508. Спб. 1880 г.; Аванасьевъ. Поэт. воззрѣн. III, 237; Никифоровскій. Русское язычество, 61 ст. Спб. 1875 г.; Поповъ. Вліяніе церковнаго ученія и древне-русской письменности на міросозерданіе русскаго народа, 225 ст. Казань, 1883 г.

²⁾ Аванасьевъ. Поэтич. воззрѣн. III, 28.

³⁾ Ibidem. 287—288.

они выходятъ изъ своихъ гробовъ ¹⁾. Въ декабрь же мѣсяцѣ у древняго предка былъ праздникъ Коляды. Это — праздникъ поворота солнца на лѣто и вообще возрожденія благодатныхъ силъ природы ²⁾. Въ этотъ праздникъ происходило угощеніе умершихъ, на что указываетъ сохранившійся до настоящаго времени обычай въ Малороссіи и Бѣлороссіи вечеромъ предъ Рож. Хр. и Новымъ Годомъ ѣсть кутью, медовую сыту и подобныя поминальныя кушанья ³⁾; угощеніе же происходило въ силу того, чтобы не только принести жертву умершимъ предкамъ, но и чтобы задобрить, пробуждающихся къ жизни вмѣстѣ съ природой отъ зимняго сна, мертвецовъ ⁴⁾. Русалки (которыя, какъ мы знаемъ, считались за души умершихъ), по народному вѣрованію, появляются только весной, а остальное время года онѣ спятъ въ своихъ хрустальныхъ дворцахъ ⁵⁾.

Пробуждаясь вмѣстѣ съ природою, умершіе, какъ мы сказали, проявляютъ свою дѣятельность, вызывая различныя атмосферныя явленія. У простаго народа даже до сего времени сохранилось повѣрье, что грозу и дождь производятъ умершіе. Вотъ какъ это повѣрье передается въ одной свадебной пѣснѣ:

„Матинька предъ Богомъ стоитъ,
„У Бога ся просить:
„Спусти мене, Боже,

¹⁾ Никифоровскій. Русское язычество, 92.

²⁾ См. Сахаровъ. Сказ. русск. нар.; Сибѣгиревъ. Русск. простонар. прав. II, „Святки“.

³⁾ Никифоровскій. Русское язычество, 92; Митрофанъ. Какъ жить... II, 516.

⁴⁾ Архивъ Калачева I, 1850 г., 41.

⁵⁾ Ibidem.

„Надъ село хмарю,
 „У село дробнымъ дождичкомъ,
 „Яснымъ солнцемъ-оконцемъ;
 „Нехай-же я ся повидело,
 „Чи красно дитя убрано“ ¹⁾.

Вѣрить народъ и въ то, что мертвецы могутъ творить бездождіе, посылать засухи, стужи и пр. Эти разрушительныя явленія народъ особенно приписываетъ утопленникамъ, удавленникамъ, опойцамъ. Еще въ XIII в. Серапіонъ обращался съ укоромъ къ современникамъ, которые воспрещали погребать тѣла удавленниковъ и утопленниковъ и вырывали ихъ изъ могилъ, какъ виновниковъ засухи. Обычай этотъ въ XVI в. настолько былъ силенъ, что Максимъ Грекъ призналъ необходимымъ вооружиться противъ него особымъ посланіемъ, въ которомъ между прочимъ есть указаніе, что въ его время утопленникамъ приписывалось производство „студеныхъ вѣтровъ“ и неурожая. „Кій отвѣтъ сотворимъ“, — говоритъ онъ, — „въ день судный, тѣlesa утопленныхъ или убиенныхъ и поверженныхъ не сподобяюще я погребанію, но на поле извлекше ихъ, отыняемъ коліемъ, и еже незаконнѣйше и богомерско есть, яко аще случится въ веснѣ студенымъ вѣтромъ вѣяти и сими садимая и сѣмая нами не преспѣвають на лучшее, оставивше молитися Содѣтелю и Строителю всѣхъ... аще увѣмы нѣкогого утопленнаго или убитаго неиздавна погребена... раскопаемъ окаяннаго и извержемъ его нѣгдѣ далѣ и непогребена покинемъ .. по нашему по премногу безумію виновно стужи мняще быти погребеніе

¹⁾ Сборникъ памятниковъ народнаго творчества I, 277.

его“ ¹⁾. „Были“, — говорит Аванасьевъ, — „на Руси и случаи, что крестьяне, во время долгихъ засухъ, по общему мірскому приговору, выкапывали изъ могилы трупы опойцы и топили его въ ближайшемъ болотѣ и озерѣ, твердо вѣруя, что послѣ того непременно пойдетъ дождь. Во время же засухи, въ 1868-мъ году крестьяне Тихаго хутора выкопали изъ могилы раскольника, били его по черепу и при этомъ говорили: „давай дождя!“ Нѣкоторые же при этомъ лили на усопшаго воду сквозь рѣшето, какъ бы указывая на то, что мертвецъ долженъ дѣлать“ ²⁾. Всѣ эти вѣрованія не плодъ христіанства, а пришли изъ далекой языческой старины, — когда предокъ души считалъ стихійными существами, и хранились, какъ и хранятся народомъ, какъ завѣтъ язычества.

Кромѣ указаннаго представленія у предка было и другое, по которому загробная жизнь души носила такой же чувственный характеръ, какъ и земная.

Душа, вѣривъ предокъ, въ своей новой жизни будетъ нуждаться въ различныхъ предметахъ и прежде всего въ самыхъ первыхъ потребностяхъ живого человѣка — пищѣ и питьѣ, и вотъ онъ ставитъ съ мертвецомъ: „крѣпкій напитокъ, плоды, хлѣбъ, мясо и пр.“. Характерными для насъ въ данномъ случаѣ являются сказанія мусульманскихъ писателей Ибнъ-Фоцлана и Ибнъ-Доста, изъ которыхъ первый описываетъ обрядъ сожженія, а второй обрядъ погребенія знатныхъ русскихъ людей. Вотъ что говоритъ пер-

¹⁾ Извѣстія Академіи Наукъ III, 95; Котляревскій. О погр. обыч. 34; Аванасьевъ. III, 572.

²⁾ Аванасьевъ. Поэтич. возвр. III, 573 — 574; Духъ христіанства 1861—2 г., XII, 271; Русск. Вѣдомости, 1868 г., 139 ст.

вый изъ нихъ: „Когда умеръ (у русскихъ) глава (начальникъ), то въ шатерь, разбитый надъ ладьею, куда помѣстили мертвеца, принесли: крѣпкій напитокъ, плоды, пахучія травы и положили возлѣ него (мертвеца), также хлѣбъ, мясо и лукъ положили предъ нимъ, потомъ принесли собаку, разрубили ее на двѣ части и бросили въ ладью, все оружіе покойника положили возлѣ него, привели двухъ лошадей... разрубили ихъ... и мясо ихъ бросили въ корабль; затѣмъ были приведены два быка и ихъ тоже изрубили и бросили въ корабль, принесли еще курицу и пѣтуха, зарѣзали ихъ и бросили туда же“ ¹⁾. Ибнъ же Доста, описывая погребеніе знатнаго русса, говоритъ: „Когда у русскикъ умираетъ кто-либо знатный, то выкапываютъ ему могилу... кладутъ его туда и вмѣстѣ съ тѣмъ кладутъ въ ту же могилу, какъ одежду его, такъ и браслеты золотые, которые онъ носилъ; далѣе опускаютъ туда множество съѣстныхъ припасовъ, сосуды съ напитками и другіе неодушевленные предметы цѣнности“ ²⁾. Въ этихъ сказаніяхъ мусульманскихъ писателей мы наталкиваемся не на простой обычай не имѣвшій никакого значенія, но на обычай, носившій глубокій смыслъ. Въ самомъ дѣлѣ, если бы душа, какъ вѣрятъ теперь христіане, не нуждалась ни въ чемъ матеріальномъ въ своей загробной жизни, то зачѣмъ было бы нужно предку класть въ могилу и сжигать съ покойникомъ эти разнообразныя приношенія? Очевидно, что онъ находилъ въ этомъ смыслъ.

1) Котляревскій. О погребальныхъ обычаяхъ 67; Гаркави. Сказанія мусульманск. писателей, 98.

2) Журн. Мин. Нар. Просв. 140 ч. 675; Гаркави. Сказ. мусульман. писат., 270; Котляревскій, 55.

Предокъ былъ увѣренъ, что эти предметы необходимы будутъ душѣ въ ея загробномъ существованіи. На Руси даже до сего времени сохранилась вѣра, что умершему на томъ свѣтѣ будутъ нужны различныя вещи, и крестьянинъ кладетъ въ гробъ мертвецу: хлѣбъ, пироги (Петрозаводскій уѣздъ¹⁾), соль, яйца или яичницу, орѣхи²⁾, костяной гребешекъ, иголку, чтобы умершій (или умершая) могъ причесаться и починить на томъ свѣтѣ что оборвется³⁾, кремень и кресиво, если умершій курилъ при жизни и табакерку (Витебск. губ.), если „заживау“ табакъ; большой ножъ въ чехлѣ, носовой платокъ, чтобы покойникъ могъ въ нужныхъ случаяхъ вытереть свои „вѣчки, носъ и вѣстинки“⁴⁾, скрипку и струны, если умершій игралъ⁵⁾. Иногда кладутъ покойника и съ „забавушкой“, при чемъ роль забавушки играетъ на несчастье мужика созданная забавушка — водка. Въ Свирскомъ монастырѣ при передѣлкѣ старой церкви былъ случай, открывшій эту забавушку въ гробу; уставшіе рабочіе съ удовольствіемъ распили найденную при раскапываніи могилы склянку водки, но водка, лежавшая долго въ землѣ, оказалась настолько крѣпка, что они опьянѣли и проснулись на другой

¹⁾ Барсовъ. Причитанья, 304; Шейнъ. Матеріалы II, 534.

²⁾ Шейнъ. Матеріалы для изученія быта и языка русск. населенія сѣв.-зап. края II, 534, Спб. 1890 г.; Даль. Пословицы, изд. 1879, II т., 566 ст.

³⁾ Барсовъ. Причитанья сѣв. края, 303, 304. „Болгары—гребень, иголку и конецъ считаютъ за непремѣнную обязанность оставить при покойникѣ (Мелетичъ. Извѣстия на семинара II, 1906—1907 г. 380—381).

⁴⁾ Шейнъ. Матеріалы II, 512, 533; Даль. Пословицы II, 566. Трубку кладутъ и угроруссы (Этногр. обзор. 17 кн., 215).

⁵⁾ Ibidem. 542.

день ¹⁾. Кладутъ въ гробъ крестьяне также пиво, воду и пр. ²⁾.

Предокъ, однако, шелъ и дальше въ представленіи загробной жизни души. Ему казалось, что положеніе чловѣка на землѣ вполне опредѣляетъ и положеніе души его въ загробномъ мірѣ. На землѣ жили простые поселяне, ремесленники, воины и предку казалось, что и за гробомъ каждый умершій изъ этихъ сословій останется тѣмъ же, чѣмъ былъ при жизни: пахарь найдетъ тамъ себѣ поле и луга и будетъ ихъ обрабатывать, ремесленникъ будетъ заниматься тѣмъ же ремесломъ, какимъ занимался при жизни, а воинъ—сражаться и охранять владѣнія.

Народъ русскій до сего времени сохранилъ эту вѣру и кладетъ въ гробъ умершему плотнику: топоръ, долото, скобель, пилу ³⁾, а косу, вилы, лопату—земледѣльцу ⁴⁾. Раскопки же показываютъ, что воинъ предокъ всегда хоронилъ вооруженнымъ колчаномъ, стрѣлами, копьемъ и прочими принадлежностями воинскаго обихода ⁵⁾.

Видѣлъ предокъ на землѣ также и рабовъ, которые несли тяжести земной жизни и служили своему господину. Онъ считалъ раба низшей категоріей, ибо рабы его были, по большей части, инородцы, которыхъ онъ никогда не могъ сравнять съ собой и съ людьми своей расы и предокъ-язычникъ его не ра-

¹⁾ Барсовъ. Причитанья, 305; Этнограф. обзор. IV, 51.

²⁾ Шейнъ. Матеріалы II, 534. Прусаки и жмудины тоже кладутъ съ покойникомъ кувшинъ пива или меду, а также хлѣба для того, чтобы душа не чувствовала жажды или голода.

³⁾ Шейнъ. Матеріалы II, 534.

⁴⁾ Журн. Наука, 1893 г., 1 кн.

⁵⁾ Древности XIV т., ст. Алучина

вняеть. Онъ не предаеть его даже сожженію по смерти, а „только, когда этотъ рабъ умираеть, его оставляють“,—говорить Ибнъ-Фогланъ,—„какъ онъ есть (не сжигаютъ), пока не станетъ добычею псовъ и хищныхъ птицъ“ ¹⁾. Души этихъ рабовъ, по представленію предка, не могли въ загробной жизни жить такъ же, какъ живутъ тамъ не только души знатнаго класса, но и простыхъ поселянъ, ниумущихъ рабовъ, а такъ же, какъ и рабы, трудившихся на землѣ и несшихъ всѣ превратности судьбы. Рабы здѣсь, должны остаться рабами и за гробомъ. Ихъ душа не будетъ свободна отъ тяжестей и не увидитъ тамъ свободы отъ рабства. Она, подобно живому рабу на землѣ, будетъ за гробомъ служить своему господину. Это представленіе рабовладѣльца предка-язычника, считавшаго загробную жизнь полнымъ реальнымъ отображеніемъ земной жизни, — естественно. Подтвержденіе мысли, что предокъ-язычникъ переносилъ идею родства въ потусторонній міръ, мы можемъ усматривать изъ княжеской формулы Игорева договора: „да будутъ раби въ сій вѣкъ и въ будущій“ ²⁾, говоритъ она. Еще лучше мы можемъ увидать, что идею рабства предокъ переносилъ въ загробный міръ, когда будемъ разбирать, какъ, по его представленію, будутъ жить въ томъ мірѣ души умершихъ знатнаго класса.

Предокъ-язычникъ видѣлъ на землѣ благоденствіе

¹⁾ Котляревскій. О погребальныхъ обычаяхъ, 65; Гаркави. Сказанія мусульманск. писателей, 96.

²⁾ Лаврентьевская. Лѣтописъ, 52. Въ полномъ собр. русск. лѣтописей это мѣсто читается такъ: „да будутъ раби въ весь вѣкъ, въ будущій“. 20 ст.

знатнаго класса. Онъ не могъ мириться съ мыслию, что со смертію все это благоденствіе кончится, и переносилъ земную жизнь знатнаго класса въ загробный міръ. Душа умершаго этого класса, по его представленію, и за гробомъ живя благоденствовала. Она не несла никакихъ тягостей, пользуясь услугою душъ рабовъ, какъ пользовалась тѣломъ и трудомъ этихъ рабовъ на землѣ ¹⁾. Прямымъ доказательствомъ высказанной мысли можетъ служить несомнѣнный фактъ убійства и сожженія рабовъ съ ихъ господами. Ибнъ-Фоцланъ, описывая погребеніе начальника, даетъ намъ на это указаніе: „Когда умираетъ изъ нихъ (русскихъ) какой глава“ (начальникъ),—пишетъ онъ,—„то семья его говоритъ дѣвушкамъ и мальчикамъ: „кто изъ васъ умретъ съ нимъ?“ И кто-нибудь изъ нихъ говоритъ: „я!“ Когда онъ такъ сказалъ, то это уже обязательно для него, ему никакъ не позволительно обратиться вспять, и если-бъ онъ даже желалъ, это не допускается“. При виденномъ Ибнъ - Фоцланомъ погребеніи, желаніе быть сожженной выразила дѣвушка

1) Литовцы, подобно русскимъ, тоже вѣровали, что различіе состояній существующее на землѣ, сохранится и въ вѣчности. А потому они и были убѣждены, что князья и бояре будутъ князьями и боярами и по смерти, воины — воинами, ремесленники — ремесленниками, земледѣльцы — земледѣльцами, и что за гробомъ каждый будетъ нуждаться въ томъ, что составляло при жизни необходимость для его существованія. Поэтому съ умершими князьями и знатными людьми у нихъ сжигались на кострахъ: рабы, рабыни, лошади, собаки, соколы, драгоценности, одежды, броня, мечъ, копье, лукъ со стрѣлами, пращи и др. вещи, которыя покойникъ любилъ. Съ тѣлами ремесленниковъ погребали разные ремесленные инструменты: лемехи отъ сохъ, топоры, посуду и др. орудія, которыми они зарабатывали себѣ при жизни хлѣбъ. (Теобальдъ. Литовско-языч. очерки, 11 ст.; Тоже у Юцевича, 286 ст., Ярошевича, ч. I, 186 ст. Нарбутъ, ч. I, 383 ст.).

ка. „Когда насталь день, въ который надлежало быть сожжену умершему“, — продолжаетъ Ибнъ-Фоцланъ, — „дѣвушку, обрешую себя на смерть, подняли на корабль. Здѣсь старуха, называемая ангеломъ смерти, втащила ее въ шатеръ къ умершему, надѣла ей на шею веревку, заставивъ за конецъ этой веревки тянуть двухъ мужчинъ, а сама большой широкой ножъ вонзила между реберъ дѣвушки. Когда съ дѣвушкой все было кончено, корабль съ покойникомъ и все бывшее съ нимъ здѣсь, было сожжено“ ¹⁾.

Изъ этого описанія можно усматривать, что съ „главой“ (начальникомъ) сожжена была его рабыня, такъ какъ Ибнъ-Фоцланъ описываетъ погребеніе русскаго купца, торговавшаго невольницами въ Булгарѣ. Нельзя здѣсь сказать, что сожженная дѣвушка была его жена, ибо писатель объ этомъ упомянулъ бы, тогда какъ онъ прямо говоритъ, что „семейство покойника говоритъ дѣвушкамъ“. Здѣсь различается „семейство“ и „дѣвушки“. Очевидно, что у купца была уже жена, можетъ быть и умершая, а сожженная съ нимъ дѣвушка совсѣмъ не принадлежала къ его „семьѣ“ — значитъ не была и дочерью, притомъ онъ ей былъ „хозяинъ“ ²⁾, очевидно, что дѣвушка была рабыня, которыми русскіе купцы имѣли обыкновеніе въ то время торговать ³⁾.

¹⁾ Гаркави. Сказанія мусульман. писателей, 68 ст.

²⁾ Ibidem. 96 ст.

³⁾ Убийство рабовъ съ господами было обыкновеннымъ явленіемъ у языческихъ народовъ. Индѣйцы обыкновенно убивали невольницъ (Тейлоръ. Первобытн. культ. II, 64). Илиада говоритъ, что Ахиллесъ сжегъ съ Патрокломъ 12 пѣнныхъ юношей (XXIII, 179—182). Литовцы тоже сожигали рабовъ и рабынь (Теобальдъ. Литонско-языч. очерки, II) и т. д. Въ данномъ случаѣ интересно привести наставленіе рабамъ предъ со-

Считая загробную жизнь полнымъ реальнымъ отображеніемъ жизни земной, предокъ считалъ ее вмѣстѣ съ тѣмъ и продолженіемъ земной жизни. Народъ русскій даже до сего времени вѣрить, что всякій младенецъ умершій будетъ въ загробномъ мірѣ расти и мужать, и когда ребенокъ умираетъ, то мѣряютъ ростъ отца ниткою, обрываютъ ее и кладутъ въ гробъ ребенка для того, „чтобы онъ родителей не переросъ, а росъ бы да мѣрялся, да во время остановился“ ¹⁾. Кладутъ въ гробъ и недоконченную умершими работу, напр.: заплетенный лапотъ, завязанные чулки, въ увѣренности, что, придя на тотъ свѣтъ, умершій ее докончитъ ²⁾. Кромѣ этого, высказанное положеніе подтверждается и тѣмъ, что предокъ не мирился съ понятіемъ, что земная семейная жизнь со смертью должна нарушиться, а вѣрилъ, что умершій будетъ нуждаться въ загробномъ мірѣ въ своемъ семейномъ очагѣ и предокъ-язычникъ не отпускалъ на тотъ свѣтъ умершаго одного, — за нимъ шла въ могилу и его любимая жена. Указаніе на существованіе у древне-русскаго человѣка представленія о продолженіи супружеской жизни въ загробномъ мірѣ

жженіемъ у племени Каяны о. Борнео. Родственники умершаго окружаютъ готовящихся къ смерти рабовъ и говорятъ: „служите господину усердно, ухаживайте за нимъ, растирайте его тѣло, когда онъ будетъ болеть, не отходите отъ него и исполняйте всё его приказанія“, послѣ этихъ словъ раба убиваютъ (Тейлоръ II, 36). Наставленіе служить хорошенько господину даютъ и буряты слугѣ, котораго порѣшили съечь съ господиномъ (Хангаловъ. Къ характеристикѣ сѣверныхъ бурятовъ, 164 ст.)

¹⁾ Этнограф. обзорѣн. IV, 54 стр., ст. Куликовского „Похоронные обряды Обонѣжскаго края“. Подоб. у Дали Пословицы изъ 1879, т. II, 566 ст.

²⁾ Шейнъ. Матеріалы II, 534.

мы можемъ усматривать изъ былины „О Потокъ Михайлъ Ивановичъ“. „Когда“,—говорить былина,—„Потокъ

„Состарѣлся и переставился,
„Тогда попы церковные
„Его Потока похоронили,
„А его молодую жену Авдотью Лиховидьевну
„Съ нимъ же живую зарыли во сыру землю“¹⁾.

Въ этой былинѣ хотя и встрѣчается указаніе, что она явилась во времена христіанскія²⁾, но и сохранилась въ ней древняя архаическая черта, относящаяся къ до-христіанскому періоду, именно,—зарытіе съ мертвецомъ его жены. Былина сохранила и характерное слово: „переставился“, т. е.—только перешелъ въ другой міръ, чтобы продолжать тамъ свое существованіе точно такое же, какъ и на землѣ.

Что у предка дѣйствительно былъ обычай отправлять на тотъ свѣтъ съ покойникомъ его жену, мы встрѣчаемъ указаніе на это въ сказаніяхъ арабскихъ писателей: Ибнъ Доста³⁾ и Аль-Массуди⁴⁾. Массуди въ своихъ „Золотыхъ Лугахъ“ пишетъ: „Когда кто-нибудь у славянъ умираетъ, жена его сожигается живой“⁵⁾. Правда, трудно опредѣлить по этому сказанію Массуди: у какого славянскаго племени существовалъ описанный имъ обычай, но упоминаніе имъ

1) Кирша Даниловъ. Древне-русскія стихотворенія, 225.

2) Говорится о попахъ соборныхъ, о церквахъ и проч.

3) Сказаніе см. выше.

4) Отъ 20—50 г. X в. по Р. X.

5) Котляревскій. О погребальн. обычаяхъ, 58. „Если умирала женщина, то мужчина, по древне-русскому обычаю, не сжигался и не погребался съ ней“ (Гаркави, 129).

въ „Золотыхъ Лугахъ“ о сожженіи покойниковъ у русскихъ ¹⁾, а такъ же и то, что его сказаніе не идетъ существенно въ разрѣзъ съ сказаніемъ Ибнъ-Доста и былиной о Потокѣ Михайлѣ Ивановичѣ (здѣсь описывается одинаковый фактъ—отправленіе съ умершимъ на тотъ свѣтъ его живой жены), даетъ намъ право заключить, что говоря о славянахъ, Массуди имѣлъ въ виду и русскихъ, слѣдовательно, выше приведенныя слова Массуди относятся и къ обычаю, существовавшему и у нашего предка, только былина и Ибнъ-Доста говорятъ объ одномъ обрядѣ, именно,—погребеніи, а Массуди наблюдалъ обрядъ сожженія. Оба же эти обряда (или обычая), какъ мы видѣли выше, существовали на Руси у нашего предка-язычника. Правда, приведенные обычаи могутъ говорить о вѣрѣ предковъ въ необходимость для умершаго женской души для хода въ страну отцовъ ²⁾, или, какъ говорятъ другіе, что жена можетъ пройти въ страну отцовъ только за мужчиной, о чемъ говоритъ и Массуди. „Жены пламенно желаютъ“, — пишетъ онъ, — „быть сожженными вмѣстѣ со своими мужьями, чтобы вслѣдъ за ними войти въ рай“ ³⁾, но нельзя отрицать и высказаннаго мною взгляда, что въ загробной жизни, по представленію предковъ, умершіе имѣли свой семейный очагъ и загробная жизнь, по ихъ представленію, была лишь продолженіемъ жизни земной ⁴⁾.

¹⁾ Ibidem. 59.

²⁾ Такое утвержденіе дѣлаетъ историкъ Соловьевъ (Истор. госуд. росс., I т., 67 ст. примѣч.).

³⁾ Гаркави.

⁴⁾ Родственные намъ Болгары до сего времени думаютъ, что мужъ съ женою живутъ вмѣстѣ по смерти, по этому женщины рѣдко выходятъ во второй разъ замужъ, а равно и дѣвушка рѣдко выходитъ за

Подтверждение высказанной мысли мы можем усматривать и въ существовавшемъ у предка обычаѣ такъ наз. „посмертнаго вѣнчанія“. „Когда кто умираетъ холостымъ“,—пишетъ Массуди,—„ему даютъ жену по смерти“¹⁾. Въ Лужицкомъ уѣздѣ, Витебской губ., даже до сего времени сохранился отголосокъ древняго „посмертнаго вѣнчанія“. Здѣсь каждый парубокъ, умершій до брака, непременно сопровождается до могилы поѣздомъ, похожимъ на свадебный²⁾. Изъ этого обычая „посмертнаго вѣнчанія“ можно видѣть вѣру предка не только въ необходимость для умершаго женской души для проводовъ въ страну отцовъ, но и нужду умершаго (по представленію предковъ) въ загробномъ мірѣ въ семейномъ очагѣ, если при жизни онъ еще не успѣлъ завести его.

вдовца: она остается одинокою на томъ свѣтѣ, потому что мужа отыметъ первая жена. Тоже думаютъ и сербы (Котляревскій, 236). Въ моравскихъ народныхъ пѣсняхъ мертвецъ мужа или жениха подымаются изъ могилъ и уводятъ съ собою своихъ женъ и невестъ (Милитчевитѣ, „Животъ срба селѣака у Београду“. 1867 г., 127; Susil Moravske narodn. pisnô, 791, 188).

¹⁾ Котляревскій. О погребальныхъ обычаяхъ, 58.

²⁾ Никифоровскій. Русское язычество, 60; Киевская старина, 1888 г., XX, 13; Потебня. О мнѣстическомъ значеніи нѣкоторыхъ обрядовъ, 68. Интересенъ обычай существующій у подолянъ. Здѣсь умершей дѣвицѣ на тотъ свѣтъ назначается женихъ, какой-нибудь парубокъ, большою частью любившій покойнику. Онъ „оббирается съ молодою“. Ему перелазываютъ руку „хусткою“ и въ такомъ видѣ онъ провожаетъ покойницу „до хаты“ (до могилы). Послѣ этого въ семействѣ умершей онъ считается зятемъ и въ общемъ мнѣніи кажется вдовцомъ (Шейковскій. Бытъ подолянъ, I, 22, 33). У сербовъ, когда умираетъ „момакъ“, кака-нибудь дѣвушка одѣвается, какъ къ вѣнцу, беретъ два вѣпка и несетъ ихъ за гробомъ; ее провожаютъ два брачные деверя; при опущеніи мертвеца въ могилу одинъ вѣнокъ бросается къ покойнику, а другой надеваютъ на дѣвицу, которая нѣкоторое время носитъ его и считается женой умершаго (Милитчевитѣ, Животъ срба селѣака. 127 ст. у Београду 1867 г.).

Предокъ-язычникъ имѣлъ представленіе и о томъ, что души умершихъ въ загробномъ мірѣ будутъ встрѣчаться, какъ живые встрѣчаются въ этомъ мірѣ и даже вмѣстѣ проводятъ время. „Вотъ вижу я—сидятъ вмѣстѣ всѣ мои умершіе родные“ ¹⁾, говоритъ дѣвица, обрекая себя на сожженіе со своимъ господиномъ. Такія слова въ устахъ язычницы не простые звуки, а въ нихъ выразилось то общее представленіе о загробномъ мірѣ, которое имѣли наши предки - язычники.

У русскаго народа даже до сего времени сохранилось это вѣрованіе.

„Стане облачко со облачкомъ сходиться,
„Може, съ ду-другомъ на стрѣту пострѣтаетесь“ ²⁾,

Такъ причитаетъ на сѣверѣ теперь надъ умершимъ сосѣдомъ женщина вдова. И она проситъ покойника „сосѣдушка“ рассказать своему умершему мужу о ея житьѣ-бытьѣ:

„Да какъ сойдешь ты на иное живленьице,
„Та пораскажи, спорядный мой сосѣдушко,
„Про мое да про несчастное живленьице,
„Про мое да сиротъ малыхъ возрастаньице“ ³⁾.

Проситъ вдова также передать поклонъ и бранить себя за то, что не написала „грамотки“, которую бы покойникъ могъ на томъ свѣтѣ при встрѣчѣ передать ея мужу.

„Скажи низкое-поклонно челобитьице ⁴⁾;
„Глупо сдѣлала кручинная головушка,

1) Гаркави Свидѣтельство Ибнъ-Фоздана. Котляревскій; 67 ст.

2) Барсовъ. Причитанья, 197.

3) Барсовъ. Причитанья сѣвернаго края, 14.

4) Ibidem. 197.

„Не написала скорописчатой я грамотки,
„Ты бы снесь ю на второе на прешествіе,
„Може съ ду-другомъ сосѣдушки свидались бы,
„Вы на срѣтушку бы шли да вѣдь срѣтались,
„Ты бы отдалъ скорописчатую грамотку“,

а такъ какъ „грамотка“ не написана, то женщина просить умершаго сказать про ея „про безсчастное живленьицо“ ¹⁾ уже на словахъ и въ увѣренности, что умершій за гробомъ можетъ повстрѣчаться съ ея мужемъ, она предостерегаетъ его:

„Не утай, скажи, спорядный мой сосѣдушко,
„Моей милой, законной сдержавушкѣ:
„Ты про мое про безсчастное живленьицо“ ²⁾.

Въ Малороссіи слѣды вѣрованія въ загробныя встрѣчи умершихъ видно изъ разсказовъ о мертвецахъ. Интересенъ въ данномъ случаѣ разсказъ про замерзшую дѣвицу, которая побывала на томъ свѣтѣ во время замиранія. На ноги этой дѣвицы родственники надѣли чулки, „щобъ ноги не попекти по мытарству ходитиме“. Чулки оказались подаренными замершей покойницей барыней „Когда я пришла на тотъ свѣтъ“,—говорила послѣ замиравшая,—„я встрѣтилась съ барыней. Увидавъ на мнѣ свои чулки, барыня „зняла ти чулки“ и я должна была ходить босой“ ³⁾.

Вѣрованіе въ загробную встрѣчу умершихъ мы встрѣчаемъ и у родственниковъ намъ литовцевъ. Здѣсь при похоронахъ обыкновенно обращаются къ умершему и просятъ его „кланяться на томъ свѣтѣ ихъ

¹⁾ Ibidem. 15.

²⁾ Ibidem. 16.

³⁾ Кіевская старина, XXX, 319.

родителямъ, братьямъ, сестрамъ, родственникамъ и друзьямъ¹⁾).

Платонъ въ „Федонѣ“ (70 словъ) говоритъ: „Есть преданіе самое древнее какое только помнимъ, что переселившіяся въ загробный міръ души живутъ тамъ и опять приходятъ сюда, — на землю“²⁾. Но вѣрованіе въ приходъ съ того свѣта умершихъ было не у однихъ только грековъ, его мы встрѣчаемъ у персовъ и индѣйцевъ, которые были убѣждены, что „души предковъ посѣщали своихъ близкихъ и невидимо странствовали по землѣ среди живыхъ людей“³⁾. На равнѣ съ указанными народами и нашъ древне-русскій человекъ вѣрилъ, что душа умершаго, перейдя „по широкой дорожкѣ“ въ другую область и присоединившись къ прежде умершимъ, не все время пребывала тамъ, но по временамъ могла сходить на землю. Остатки этого древняго вѣрованія предка и до нынѣ сохранились у русскаго народа. Въ народныхъ сказкахъ часто упоминается о явленіи мертвецовъ съ того свѣта. Они то приходятъ за взятыми у нихъ саванами⁴⁾, то сказки рассказываютъ, что матери приходятъ по ночамъ кормить своихъ дѣтей⁵⁾, а одна

1) Теобальдъ. Литовско-языч. очерки, 97. Въ древнѣйшихъ сказаніяхъ Вѣдъ тоже говорится о свиданіи умершаго со всѣмъ „своимъ исходомъ“, т. е. съ опередившими умершаго родителями, друзьями, супругой и всѣми близкими сердцу (Митрофанъ. Какъ живутъ наши умершіе, II, 82).

2) Митрофанъ. Какъ живутъ наши умершіе, I, 104.

3) Милославскій. Древнее языческое ученіе о странствованіи и переселеніи душъ, 134 стр. Казань, 1873 г.; Университетскія (Харковск.) Извѣстія, 1909 г., октябрь, 49 ст.

4) Русскія народныя сказки, № 205.

5) Ibidem (II); Миллеръ. Опытъ историч. обозрѣнія, I, 92—93 стр. Спб., 1865 г. По мнѣнію чеховъ, мать, умершая послѣ родовъ въ про-

малороссійская сказка говорить о мертвецѣ, который приносилъ ткачихѣ ужинъ ¹⁾).

Простой народъ до сего времени вѣрить, что въ дни поминовенія умершихъ ихъ души являются въ дома своихъ родныхъ, „чтобы подкрѣпить свои силы“ ²⁾. Бѣлоруссы предъ этими днями стараются почище прибрать весь домъ и дворъ и приготовить побольше кушанья, чтобы хорошенько принять неземныхъ гостей. Въ самый день поминовенія у нихъ происходитъ такой обрядъ: послѣ того, какъ на столъ поставлены кушанья, старшій въ семьѣ произноситъ:

„Святы дзяды завіомъ васъ,
„Хадзице до насъ!
„Юсцы тутъ усію, што Богъ дау,
„Што я для васъ ахвировау (т.-е. приготовили)
„Чимъ только хата
„Богата!
„Святы дзяды! просимъ васъ
„Ходзице, ляцице до насъ“.

Послѣ этихъ словъ всѣ наливаютъ въ рюмки вино такъ, чтобы удобно было немного вина сплеснуть на столъ и, сплеснувъ, приговариваютъ: „это для васъ, дзѣды!“ и потомъ выпиваютъ. Послѣ чего отъ каждаго кушанья отдѣляется въ особый сосудъ жидкаго кушанья по ложкѣ, а твердаго по куску для умершихъ душъ, и отдѣленное кушанье ставится на окно или за окномъ, въ надеждѣ, что души будутъ ѣсть.

долженіи 4-хъ недѣль приходитъ въ полночь и кормитъ грудью своего ребенка (Громманъ, 116).

¹⁾ Кулишъ. Записки о южной Руси, II, 42. Спб., 1857 г.

²⁾ Чтеніе Общ. Ист. Древности, 1887 г. IV кн.. 122 ст. Крачковскаго: „Быть западно русскаго селянина“.

Теперь только живые начинают пить и ѣсть. По окончаніи же ѣды всѣ прощаются съ невидимыми умершими говоря:

„Святые дяды! вы сюда приляцѣли
„Полицѣли,
„Ляцете-жь цатерь до сябя,
„Скажите, чаго яцо вамъ треба,
„А лѣпій (лучше) ляците до неба“ ¹⁾.

Еще яснѣе вѣрованіе народное въ приходъ души съ того свѣта выступаетъ въ обрядѣ угошенія покойниковъ у жителей Олонецкаго края. Изготовивъ поминальный обѣдъ, родственники умершаго здѣсь выходятъ изъ избы какъ бы навстрѣчу невидимымъ дорогимъ гостямъ. „Вы устали, родные, покушайте же чего-нибудь“, говорятъ имъ при входѣ, какъ бы вмѣстѣ съ ними, уже въ самую избу. „Чай зазябли, родные, — погрѣйтесь!“ И при этомъ увѣрены, будто умершіе невидимо располагаются у домашняго очага, — живые же между тѣмъ усаживаются за столъ. Предъ послѣднимъ кушаньемъ (обыкновенно киселемъ), хозяинъ выпускаетъ изъ окна на улицу тотъ самый холстъ, при помощи котораго покойники въ свое время опущены были въ могилу и говоритъ имъ: „теперь пора бы вамъ и домой, да ножки у васъ устали, не близко вѣдь было итти — вотъ тутъ помягче—ступайте съ Богомъ!“ ²⁾.

Похоронная причеть тоже не исключаетъ возмож-

¹⁾ Митрофанъ. Какъ живутъ наши умершіе, II, 518; Шейнъ. Бѣлорусскія народныя пѣсни, 374. Чт. Общест. Ист. и Древн., статья Крачковскаго.

²⁾ Миллеръ. Опытъ историческаго обозрѣнія русской словесности часть I.

ности для покойниковъ по временамъ являться съ того свѣта на землю, приходить на свое „широкое подворьице“ и смотрѣть „на житье - бытье“ своихъ родныхъ. Почему, какъ только умираетъ кто, близкая родственница причитаетъ ему:

„Когда ждать въ гости, любимое гостибище?
„Въ полночь-ли ждать по свѣтлому по мѣсяцу,
„Али въ полдень ждать по красну солнышку?
„Аль по вечеру да ждать тебя ранешенько? ¹⁾
„А ци ты зимовой порой придзешь, а ци ты лѣтней ²⁾
„Видкиль намъ тебѣ выглядаты?
„Изъ якой стороны? ³⁾
„Мы бы вышли тебя сритити
„Далеко да во чистомъ полѣ ⁴⁾
„Не утай скажи, красно мое на валотѣ“ ⁵⁾.

Далѣе плачущая, какъ бы получивъ отвѣтъ отъ покойника о времени его прихода, наказываетъ ему:

„Такъ прійди
„Ты во свой да благодатный домъ (мы тебя)
„Будемъ ждать да дожидаться“ ⁶⁾.

И умершіе, по причети, приходятъ.

„Выходи, родимый батюшко“,—

причитаетъ невѣста въ домѣ послѣ похоронъ матери,—

„На мосты да на кленовые,
„Ты стричай да дорогу гостью,
„Свѣтъ родиму мою матушку...

¹⁾ Барсовъ. Причитанья сѣвернаго края, 19.

²⁾ Шейнъ. Матеріалы, II, 638—641.

³⁾ Буслаевъ. Историческія очерки, I, 51.

⁴⁾ Барсовъ. Причитанья сѣвернаго края, 59.

⁵⁾ Ibidem. 103, 19.

⁶⁾ Ibidem. 75, 59.

„Богъ даетъ да дорогу гостю,
„Дорогу гостю сердечную“...

У этой гостыи дочь просить благословенія:

„Такъ благослови, родима матушка,
„Меня горюху, бѣдну сироту!“

И, какъ бы получивъ просимое, выходя на середину
избы, кланяется и благодаритъ ее:

„Тебѣ спасибо, мила матушка,
„На честномъ благословеньицѣ!“ 1).

Здѣсь мы встрѣчаемъ не поэтическій только обрядъ, а дѣйствительную вѣру народа въ возможность прихода мертвецовъ съ того свѣта, вѣру, которая дошла до насъ какъ отголосокъ далекой старины нашего предка, и которая, какъ мы видѣли, была и у родственныхъ намъ народовъ въ ихъ далекой языческой періодъ.

IX.

Вопросъ о возмездіи въ загробномъ мірѣ у нашего предка—древне-русскаго человѣка.

Разсматривая представленія предковъ-язычниковъ о загробной жизни души, мы невольно сталкиваемся съ вопросомъ: а было ли у предка-язычника представленіе объ адѣ съ его муками, какъ о мѣстѣ наказанія за дурныя поступки на землѣ?

1) Барсовъ. Причитанья, 77 ст.

Этотъ вопросъ приходится рѣшить отрицательно. Идеи ада въ представлѣнїяхъ предка-язычника не находимъ. Адъ съ его муками могъ явиться у предка только тогда, когда у него могла составиться извѣстная сумма нравственныхъ убѣжденїй, когда онъ рѣзко могъ различать порокъ отъ добродѣтели, слѣдствїемъ чего должна была бы явиться идея возмездїя за дурныя дѣла, но этой идеи у предка-язычника мы не замѣчаемъ ¹⁾.

Правда, у предка было представлѣнїе о странѣ отцовъ, какъ о странѣ мрачной, темной и какъ о странѣ знойной, жаркой, гдѣ души терпятъ нѣкотораго рода мученїя; было у него даже представлѣнїе, что страна отцовъ находится подъ землей на далекомъ западѣ, но эти представлѣнїя предка мало говорятъ о существованїи у него представлѣнїя объ адѣ съ его муками. Его мертвецы только, подобно природѣ, испытывали различнаго рода состоянїя, но не въ собственномъ смыслѣ мученїя, которыя обыкновенно соединяются съ идеей ада и предокъ, говоря, что мертвый удалился въ страну отцовъ, нисколько не думалъ, что ему предстоятъ тамъ мученїя. Дѣйствительно, во всѣхъ описанїяхъ погребальныхъ обрядовъ, существовавшихъ у нашихъ язычниковъ, нѣтъ намека на то, что души умершихъ въ загробномъ мїрѣ будутъ мучиться. Онѣ, по представлѣнїю предка, могли только тамъ терпѣть горе и нужду, какъ терпѣли ихъ на землѣ, но это не есть

¹⁾ Здѣсь я не отрицаю, что у предка не было вообще никакихъ нравственныхъ убѣжденїй, но говорю только о томъ, что у него не было тѣхъ нравственныхъ убѣжденїй, которыя мы у него встрѣчаемъ впоследствии—въ христіанствѣ.

мука, какую рисуютъ себѣ въ заgrabномъ мѣрѣ христіане. Мука назначается тому, кто, по христіанскому выраженію, „грѣшилъ“ на землѣ. Предокъ же язычникъ, живя на землѣ, не имѣлъ о „грѣхѣ“ понятія. „Грѣхъ“—это христіанское слово. Предокъ же имѣлъ понятіе: „зла, порока“, но злыхъ и порочныхъ онъ поселялъ тамъ же, гдѣ поселялъ и добродѣтельныхъ.

Что у предковъ-язычниковъ не было возмездія въ заgrabномъ мѣрѣ, на это намъ указываетъ ихъ представленіе о своихъ богахъ. Ихъ Перунъ, Волось, или Велесь, Дажь-богъ, онъ же Хорсь, Мокошь, Мора и др., не исключая и Стрибога, котораго Глинка несправедливо называетъ „божествомъ, наказывающимъ беззаконныхъ въ преисподней и бичемъ злодѣяній въ семь мѣрѣ“¹⁾, были боги скорѣе добра, даже зла, но отнюдь не боги каратели за грѣхи. Если-бы у предковъ-язычниковъ былъ адъ съ его муками, то естественнымъ является предположеніе, что они имѣли бы бога, который завѣдывалъ бы этимъ жилищемъ душъ и управлялъ бы ими въ этомъ жилищѣ, что мы и находимъ у другихъ языческихъ народовъ (напр. Грековъ, Римлянъ), но не встрѣчаемъ у нашихъ предковъ даже намека на существованіе такого бога²⁾.

1) Сахаровъ. Сказанія рус. народа, I т., 21. О богахъ смотри у него-же, Сиповскаго (Теор. слов., вып. I. и др. Стрибогъ у предковъ былъ богомъ вѣтровъ. Въ словѣ „О Пълку Игоревѣ“ говорится: „Се вѣтри, Стрибожи внуци, вѣюгъ съ моря стрелами на храбрыя пълки Игоревы“. Слова: „вѣюгъ съ моря стрѣлами“ ничуть не указываютъ, какъ думаетъ Глинка, на какое либо наказаніе, а просто указываютъ, что на полки Игоревы дулъ вѣтеръ съ моря. (Слово о полку Игоревѣ, 4, 33, 46 ст., изъ Тихонравова). Отсюда даже (т. е. изъ слова) видно, что Стрибогъ былъ у предковъ богомъ вѣтровъ, но не богомъ карателемъ въ преисподней.

2) У родственныхъ намъ балтійскихъ славянъ существовало божество „Чернобогъ“—представитель всякаго зла, но и это божество вдѣсь не

Кромѣ того, въ русскомъ язычествѣ мы встрѣчаемъ культъ предковъ. Усопшіе становились для предка-язычника личностями священными, богами. Доказательство этой мысли мы находимъ въ словахъ древнихъ проповѣдниковъ, обличавшихъ народъ въ двоевѣріи. Такъ, въ одномъ памятникѣ XII в. читаемъ: „Аще се Роду и Рожаницѣ крають хлѣбы и сиры и медъ? Бороняше велми (Епископъ): нѣгдѣ, рече, молвить: горе пьющимъ рожаницѣ ¹⁾“. Въ Паремійникѣ 1271 г. (Публич. библ.) 11—12 стихи LXV глав. Исаи читаются такъ: „Вы же оставльшей мя и забывъшей гороу стѣоую мою и готовоющей рожаницѣмъ трѣпезу и исполнѣюще дѣмонови чѣрпаниѣ, азъ прѣдамъ вы во оружїѣ²⁾“. Въ „Словѣ нѣкоего хлѣлюбца ревнителя по правої вѣре“, находящемся въ Поисіевскомъ сборникѣ, относящемся къ концу XIV, или началу XV вѣка, находимъ (листъ 28 обор.) такое мѣсто: „Не подобаетъ крестьяномъ игоръ бѣсовскихъ играти, иже есть плясба, губьба, пѣсни бѣсовскыя и жертва идольская, иже огневи молятся подъ овиномъ: и Перуну, и Роду, и Рожаницамъ, и всѣмъ иже суть имъ подобна ³⁾“. Въ сборникѣ Троицкомъ XVI в. встрѣчаемъ: „то иже служатъ Богу и волю Его творять, а не роду,

управляло преисподней, а было только злымъ существомъ, вмѣшивающимся въ управленіе „Бѣлобога“ (добраго божества), отсюда видимъ, что вообще у славянъ, а не только у русскихъ, не было представителя загробнаго міра (о Чернобогѣ см. Гильфердингъ. Сочиненія IV т., 171—178; Мпѣологическій словарь, 219).

¹⁾ Жалачевъ. „Архивъ историко-юридическихъ свѣдѣній, кн. II, I-я половина, 1855 г., 141 ст., ст. Срезневскаго, Памятники, XII в., 179; Аванасевъ, III, 416.

²⁾ Ibidem, 99 ст. (Жалачевъ).

³⁾ Ibidem, 103.

и рожаницамъ кумиромъ суетнымъ, а вы поете пѣснь бѣсовскую и роду и рожаницамъ 1)“. Изъ приведенныхъ мѣстъ мы видимъ, что на Руси, даже при христіанствѣ, почитались Родъ и Рожаница, какъ божества. Мы уже знаемъ кто такой Родъ, это — умершій родоначальникъ 2). Сдѣлаемъ небольшое отступленіе и постараемся сказать: кого разумѣли проповѣдники подъ Рожанцами.

По мнѣнію Афанасьева, рожаницы — это вѣщія, страшныя судицы, дѣвы судьбы—стихійныя божества 3). Такъ же думаетъ и Срезневскій. По его мнѣнію Рожаницами всѣ славяне называли Мойръ-Паркъ, а эти существа были у грековъ и римлянъ богинями судьбы—стихійными божествами 4). Но Рожаница была не дѣва судьбы, а обоготворенная родоначальница. Рожаницы это—*Mâtaras* индусовъ—богини родоначальницы, такъ какъ родоначальники были нѣкогда многоженцами. Уже то обстоятельство, что въ „Родѣ“ мы видимъ обоготвореннаго предка, заставляетъ насъ признать Рожаницъ за обоготворенныхъ предковъ-праматерей. Вѣдь, въ приведенныхъ памятникахъ, упоминающихъ о Рожаницѣ или Рожаницахъ, на ряду съ ними упоминается и Родъ. Родъ и Рожаница — слова одного корня. Въ „Словѣ св. Григорія 5)“, проповѣдникомъ Рожаницы сближаются съ Артемидою. Если Рожаница—греческая Артемида, богиня плодо-

1) Ibidem, 102.

2) Смори ранѣе.

3) Афанасьевъ. Поэтическія воззрѣнія, III т., 418—328; 333—340; 360; 388—389; 416—420.

4) Архивъ историко-юридич. свѣдѣній, кн. II, I-я пол., 1855 г. Ст. Срезневскаго „О рожаницахъ“.

5) Смори ранѣе.

витости,—этимъ ей усвоятся плодотворящая возрождающая къ жизни сила. Обладателемъ такой силы могла быть и родоначальница, праматерь. Значить и съ этой точки зрѣнія подъ Рожаницей можно разумѣть обоготворенную праматерь. Но главнымъ основаніемъ, на которомъ мы можемъ построить свое предположеніе о Рожаницѣ или Рожаницахъ, какъ о обоготворенной праматери, является то обстоятельство, что съ усиленіемъ христіанства, законная трапеза въ честь Рожаницъ стала совершаться въ честь Пресвятой Богородицы, причемъ возглашался даже и тропарь Рождеству Богородицы. Въ „Словѣ св. Григорія“ мы читаемъ: „по стѣмъ крѣщеніи чревоу работни попове оуставиша трепарь прикладати рѣтва Їци къ рожаничьне трапезѣ ѿклады дѣюче¹⁾“. Конечно, само по себѣ пѣніе тропаря Богородицы при рожаничьной трапезѣ не говоритъ еще о томъ, что подъ Рожаницами разумѣли обоготворенныхъ праматерей-родоначальницъ, но для насъ важно древнее толкованіе этой рожаничьной трапезы съ тропаремъ Богородицы. Въ сборникѣ Новгородской Софійской библиотеки XV в., трапеза въ честь Рожаницъ толкуется такъ: „Се буди вѣдомо всѣмъ, яко Несторій еретикъ научи трапезу класти рожаничьную, мня Богородицу челоуѣкородицу²⁾“. Что это значитъ? И при чемъ тутъ Несторій? Если мы будемъ смотрѣть на Рожаницъ, какъ на стихійныя существа, мы не объяснимъ почему на рожаничьную трапезу пастыри древней

1) Прав. соб., 1865 г., августъ, 245. Лѣтоп.-рус. литерат. и древности, т. IV, Слова направленные противъ язычества, Слово 4-ое, ст. 101.

2) Православ. собл. 1855 г., августъ, 252 ст.

церкви смотрѣли, какъ на ересь Несторія. Но коль скоро подъ Роженицей мы будемъ разумѣть обоготворенную праматерь, для насъ станетъ понятно сопоставленіе поклоненія Рожаницѣ съ Несторіанствомъ. Несторій считалъ Богородицу Христородицею, т. е. человѣкородицею, и люди, поклоняющіеся Рожаницѣ, припѣвая въ то же время тропарь Пресв. Богородицѣ, кажутся проповѣднику несторіанами, ибо они Богородицу—Божію Матерь сопоставляютъ вмѣстѣ съ Рожаницами—человѣческими праматерями. Только при такомъ взглядѣ на Рожаницѣ, какъ на обожаемыхъ родоначальницѣ, понятно это извѣстіе, что рожаничную трапезу научилъ совершать еретикъ Несторій. Словарь Павмы Беринды прямо толкуетъ рожаницу: „матица, породѣля, пороженница“, т. е. рождающая. Все это такія названія, которыя съ большимъ удобствомъ могутъ быть приложимы къ родоначальницѣ, праматери. Древній взглядъ русскаго народа на Рожаницѣ, какъ на повивальныхъ бабокъ и помощницѣ при разрѣшеніи беременныхъ женщинъ¹⁾, тоже говоритъ въ пользу того, что Рожаницы-праматери. Въ самомъ дѣлѣ, къ кому болѣе пристойно было обратиться за помощью во время родовъ, какъ не къ душамъ праматерей? Кто лучше всего можетъ помогать при родахъ, въ такомъ серьезномъ положеніи, какъ не тѣ, которыя сами имѣли опытъ рожденія, положивъ начало роду? Итакъ, Рожаница это праматерь, душа умершей родоначальницы²⁾.

И эта умершая родоначальница вмѣстѣ съ умер-

1) См. Аеонасьевъ. Поэтич. возвр., III т. от. „дѣвы судьбы“.

2) Это мнѣніе раздѣляютъ: Соловьевъ, Ключевскій (I т.), Владиміровъ. (Введеніе въ истор. рус. слов.), и Голубинскій, (Исторія, II т.).

шимъ родоначальникомъ почитаются за боговъ даже при христіанствѣ, не говоря уже про времена языческія, когда культъ предковъ былъ во всей силѣ.

Но не одинъ родоначальникъ и родоначальница почитались предкомъ личностями священными, но и всѣ души умершихъ. Ихъ даже доселѣ народъ называетъ „святыми родителями“, а въ древнее время ихъ чествованію посвящались особые дни, каковыми были праздники: Купалы, Масляница, Красная горка, Радуница и др.

Почитая умершихъ священными личностями, богами, предокъ считалъ ихъ жизнь образцомъ для жизни земной. Къ нимъ онъ обращался за утѣхой въ трудныя минуты своей жизни и ждалъ отъ нихъ себѣ помощи. Даже въ христіанствѣ вѣрили, что умершіе, какъ святые, ушедши изъ этого міра, могутъ помогать оставшимся живымъ своими молитвами предъ Богомъ. Такъ, въ Ипатіевской лѣтописи подъ 1173 с. мы находимъ: „И поможе Богъ Михалкови и Всеволоду на поганѣи дѣдня и отъня молитва“, или въ полномъ собраніи русскихъ лѣтописей говорится: „Михалка князя (Юрьевича) удариша ратніи двѣма копыи въ стегно, а третьимъ въ руку, но Богъ молитвою отца (умершаго) его избави отъ смерти¹⁾“. Князь же Юрій Долгорукій никогда не былъ причтенъ церковью къ лику святыхъ. Здѣсь, какъ видимъ, уснѣхъ въ предпріятіяхъ и избавленіе отъ опасности приписываются кромѣ милости Божіей и молитвамъ предковъ, но въ язычествѣ, гдѣ души умершихъ сами были богами, вѣрованіе въ ихъ могущество и помощь было сильнѣе. Считая умершихъ богами, покровителями, пре-

¹⁾ Пол. Собр. Рус. Лѣт., II, 104.

докъ приносилъ имъ различныя жертвы и старался ихъ приблизить къ себѣ. Такое представленіе предковъ-язычниковъ о умершихъ душахъ даетъ возможность сдѣлать намъ заключеніе, что въ языческой Руси не было представленія объ адѣ съ его муками, иначе трудно было бы предположить, что предки, видя душу во адѣ, считали ее священной, божествомъ, а тѣмъ болѣе могучей покровительницей, видя эту могучую покровительницу саму связанной муками ада за ея грѣховную земную жизнь и саму нуждающуюся въ усиленной помощи.

Итакъ, ада съ его муками мы въ представленіяхъ предка не находимъ ¹⁾. У него не было возмездія за грѣховную земную жизнь въ загробномъ мірѣ. Но у предка-язычника не было и награды за добродѣтельное житіе. Правда, умершіе являются для предка священными, богами, но эти боги, подобно природѣ, испытываютъ различныя состоянія: въ зимній періодъ приходятъ въ состояніе подобное сну и смерти, подвергаются оцѣпенѣнію, пробуждаясь только съ весной. Они терпятъ также горе и нужду, какъ терпѣли ихъ на землѣ, къ чему неизбѣжно вело представленіе предка о загробной жизни, какъ о продолженіи жизни земной. Всѣ души у него одинаково могли находиться въ той странѣ, которая у него носила названія: рая, нави и пекла, и все это потому, что въ сознаниі предка понятіе добродѣтели и грѣха не успѣли еще

1) Интересно, австралійскія племена: Майкулоны, Майяны, Майгуданы, Кугобаты, являясь язычниками, то-же объ адѣ и вѣчныхъ мукахъ ничего не знаютъ; у нихъ души въ загробномъ мірѣ пребываютъ „въ жилищѣ блаженства“, гдѣ ведутъ жизнь, подобную жизни земной, (Шерцль. Начало религіи Прав об., 1884 г., III, 475).

вылиться и стать опредѣляющимъ началомъ блаженства и мученія. Этотъ пробѣлъ у него уже пополняется съ принятіемъ христіанства, гдѣ представленія загробной жизни принимаютъ болѣе опредѣленный характеръ и гдѣ идея возмездія является господствующей.

Таково было воззрѣніе нашихъ предковъ-язычниковъ на загробный міръ.

Теперь мы обратимся къ Руси христіанской и поглядимъ: уничтожила-ли богодухновенная религія совсѣмъ языческія представленія предка о загробномъ мірѣ, если нѣтъ, то какъ, подъ вліяніемъ новой религіи, нашъ предокъ, но уже христіанинъ, сталъ представлять себѣ загробный міръ.

Х.

Представленія загробнаго міра по принятіи христіанства.

Христіанство, явившись на русской равнинѣ, принесло съ собой понятіе добродѣтели и грѣха. Эти понятія были новы для предка и, принимая ихъ, онъ долженъ былъ признать идею награды въ загробномъ мірѣ и идею ада, какъ наказанія за грѣхъ. Такимъ образомъ, принявъ христіанскія понятія добродѣтели и грѣха, предокъ долженъ былъ перемѣнить свое прежнее воззрѣніе на загробный міръ, по которому всѣ души умершихъ у него могли находиться въ одномъ какомъ-либо мѣстѣ и онѣ вели или одинаковый образъ жизни, или жизнь ихъ тамъ различалась

только матеріальнымъ благосостояніемъ и положеніемъ, какъ различалась она на землѣ. Теперь у него уже является представленіе, что души умершихъ живутъ въ двухъ различныхъ мѣстахъ: раѣ и адѣ, изъ которыхъ въ первомъ живутъ души праведныхъ и ведутъ блаженную жизнь, а во-второмъ, души грѣшниковъ, которыя терпятъ здѣсь различныя мученія.

Ставя себя въ близкое отношеніе къ умершимъ, почитая ихъ личностями священными, личностями могущими помогать живымъ, народное сознаніе, однако, не вдругъ должно было установить такое опредѣленное понятіе о загробной жизни. Оно нѣкоторое время должно было колебаться между представленіями блаженства и понятіемъ муки. Это колебаніе видно еще и по нынѣ:

„Видно нѣтъ тебѣ тамъ вольной этой волушки,

„Знать за тридевять за крѣпкими замками находишься“ ¹⁾.

Обыкновенно теперь причитаютъ по умершемъ на сѣверѣ. Слова: „видно“ и „знать“ прямо указываютъ на неопредѣленность въ представленіи загробной участи умершаго. Это происходитъ отъ того, что понятіе добродѣтели и грѣха не успѣли въ народѣ, какъ видится, еще выясниться и стать опредѣляющимъ началомъ блаженства и мученія, тѣмъ болѣе они не могли быстро выясниться у предка, только что принявшаго христіанскую религію. Связанному крѣпкими узами съ умершимъ предку трудно было сразу перемѣнить свое воззрѣніе на загробный міръ и произвести быстро строгую грань между жизнью добродѣтельныхъ и грѣшныхъ. Но время шло впередъ, а съ

¹⁾ Барсовъ. Причитанья, 31.

нимъ шло и воспитательное начало христіанской религіи. Въ человѣкѣ глубже запечатлѣвалось христіанское ученіе, рельефнѣе въ сознаниі выступали понятія добродѣтели и грѣха и представленія загробной жизни у него принимаютъ уже опредѣленный характеръ.

Итакъ, мы должны признать, что представленіе о раѣ, какъ мѣстѣ блаженства добродѣтельныхъ и объ адѣ, какъ мѣстѣ мученія грѣшниковъ, у предка является не вдругъ по принятіи христіанства, а долженъ былъ пройти извѣстный періодъ, періодъ, въ который у предка постепенно выяснялось, что человѣкъ, „рожденный на смерть“, въ загробномъ мірѣ долженъ получить „по заслугѣ почетъ“, „по работѣ плату“¹⁾, что „чья душа въ грѣхѣ, та и въ отвѣтѣ“²⁾, или „каково до Бога, таково и отъ Бога“³⁾.

О раѣ предокъ имѣлъ еще представленіе въ язычествѣ. Рай ему казался страной свѣта, зеленымъ садомъ. Онъ представлялся язычнику: то лежащимъ на небѣ, то находящимся гдѣ-то тамъ, гдѣ скрывается солнце и въ немъ, по представленію предка-язычника, могли находиться души всѣхъ его усопшихъ. Принявъ христіанство, русскій человѣкъ уже видитъ рай находящимся только на небѣ: „въ чистомъ небѣ“, — говоритъ онъ, — „рай населенъ“⁴⁾. Видя рай на небѣ, предокъ, однако, въ представленіи его сохраняетъ прежнія чувственные языческія черты. Въ христіанствѣ рай представляется ему тѣмъ же прекраснымъ,

1) Этнографическій сборн., II, 74.

2) Даль. Пословицы русск. нар., 143; Записки Импер. Географич. Общ. Этнограф. отд., I, 495.

3) Этнограф. сборн., II, 74.

4) Безсоновъ. Калѣки, V, 258 ст.

эвѣтлымъ садомъ, какъ и въ язычествѣ, но здѣсь прибавляются нѣкоторыя дѣтали. Такъ, въ духовныхъ стихахъ находимъ указаніе, что

„Въ раю--винограды-дерева зеленыя,
„Стоять деревья кипарисовы ¹⁾;
„На деревьяхъ сидятъ птицы райскія,
„Поютъ пѣсни царскія,
„И гласы гласятъ архангельски“ ²⁾.

Этотъ рай предокъ - христіанинъ считаетъ мѣстомъ блаженныхъ. Въ немъ уже онъ, принявъ христіанство, не поселяетъ всѣхъ своихъ умершихъ, какъ это было въ язычествѣ, а поселяетъ только тѣхъ, которые

„Когда жили на вольномъ свѣту ³⁾,
„Охочи были ходить въ Божіи церкви,
„Утрени не просыпывали,
„Обѣдни въ обѣдахъ не прогуливали;
„На исповѣдь къ отцу духовному хаживали,
„Грѣховъ своихъ не утаивали,
„Святяя Тайны пріимывали (486);
„Посты и молитвы соблюдали (509);
„Божьи книги читывали,
„Ушами слушивали (479);
„Голоднаго накормили,
„Жаждущаго воспоили,
„Нагого пріодѣли;
„Въ горахъ, въ вертепахъ, въ пустыняхъ
„Бога находили;
„Во темныхъ во гемницахъ
„Бога просвѣщали (478);
„Терпѣли слова неудобныя

1) Варенцовъ. Собр. духовн. стиховъ, 164.

2) Безсоновъ. Калѣки, V, № 477.

3) Стихъ сводимъ изъ V в. „Калѣки“ Безсонова. При стихахъ стоять нумера стиховъ въ „Калѣкахъ“.

„Ото всякаго злого челоуѣка (Варенцовъ, 164 ст.).
„Во гробъ умершихъ со свѣчами спровождали
„До Божьей до церкви, до сырой земли (V, 479)
„И кляли низкіе поклонны полуночные (509).

Проще говоря, рай въ христіанствѣ предокъ населяеть только тѣми душами, которыя вели добродѣтельную жизнь на землѣ.

Населяя рай добродѣтельными душами, предокъ представляетъ ихъ жизнь тамъ такой же чувственной, какъ и въ язычествѣ. У него для души въ раю христіанскомъ

„Будеть пища райская различная,
„Одежда-риза во вѣкъ неизносимая ¹⁾,
а „Ангелы-Архангелы“

будутъ „веселить души праведныхъ“ ²⁾. Но такая жизнь у христіанина-предка уже считается наградой. „То вамъ“,— говоритъ онъ,— „награда вѣчная“ ³⁾.

Изъ сказаннаго видимъ, что русскій челоуѣкъ, принявъ христіанство, не далеко отошелъ въ своихъ представленіяхъ рая и жизни въ немъ умершихъ отъ язчества. Измѣненіе у него произошло только въ томъ, что онъ установилъ опредѣленное для рая мѣсто — небо, представленіе о немъ у него становится болѣе рельефнѣе, да считаетъ онъ его мѣстомъ только блаженныхъ, признавая жизнь въ немъ наградой за добрыя дѣла.

Страна неземной жизни—рай отдѣлялась у предка-язычника отъ міра живыхъ воднымъ пространствомъ,

1) Варенцовъ. 171; Безсоновъ. Калѣки, V, №№ 478, 486, 494.

2) Варенцовъ. 142.

3) Калѣки, см. стихи О, „страшномъ судѣ“.

чрезъ которое души умершихъ, по его представленію, переправлялись при помощи проводника или перевозились на ладѣ перевозчикомъ. Это представленіе предокъ сохранилъ и съ принятіемъ христіанства. Такъ, въ одномъ духовномъ стихѣ говорится, что ангелы, присутствовавшіе при выходѣ души изъ тѣла великой грѣшницы, плывутъ по водному пространству:

„По морю, по синему Хвалынскому,
„Туть и шли пробѣгали черезъ кораблики,
„Въ этихъ корабликахъ святые ангелы сидятъ“¹⁾.

Очевидно, говоритъ Буслаевъ, что страна свѣтлыхъ духовъ — рай отдѣлялась и въ христіанствѣ у предка воднымъ пространствомъ, когда эти духи должны переплывать „море Хвалынское“, сообщаясь съ людьми²⁾. Здѣсь „море Хвалынское“ и есть остатокъ представления о прежнемъ водномъ пространствѣ. Въ другомъ стихѣ „о Михайлѣ Архангелѣ“ говорится:

„Протекала туть, рѣка огненная,
„Да туть ѣздитъ Михайло Архангель-царь,
„Перевозитъ онъ души, да души праведныя,
„Черезъ огненну рѣку ко пресвѣтлому раку“³⁾.

И въ этомъ стихѣ мы видимъ прежнее миѳическое водное пространство, это — огненная рѣка, представление о которой, говоритъ Аванасьевъ, было и въ язычествѣ, гдѣ матеріалъ для представления ея предокъ находилъ въ дождевыхъ тучахъ, пронизываемыхъ

¹⁾ Варенцовъ. 144.

²⁾ Буслаевъ. Историческіе очерки, I, 437.

³⁾ Варенцовъ. 148.

молніями ¹⁾. Эта огненная рѣка преимущественно фигурируетъ въ представленіяхъ предка-христіанина, но здѣсь она уже является какъ преграда къ раю для душъ грѣшныхъ. Черезъ нее могутъ свободно проходить только праведные, только тѣ, которые, съ принятіемъ христіанства, у предка могли населять рай. Эти „праведные идутъ“, — говоритъ духовный стихъ, — „черезъ огненну рѣку,

„Идутъ они ровно по-суху и ровно по-землѣ,
„Огнемъ ихъ, пламенемъ лице не пожираетъ“ ²⁾.

Къ нимъ на помощь при переходѣ чрезъ огненную рѣку по прежнему приходятъ проводники, которыми въ христіанствѣ являются у предка ангелы, посылаемые Господомъ:

„Подойдутъ праведные ко огненной рѣкѣ“, —

говорятъ духовные стихи, —

„Сошлетъ Господь святыхъ ангеловъ,
„Ангелы возмутъ душу за правую за руку,
„Переведутъ черезъ рѣку огненную ³⁾,
„Провожаютъ ихъ до раю до пресвѣтлаго,
„До раю до пресвѣтлаго, до царства до небеснаго“ ⁴⁾.

Праведные не только проводятся проводникомъ черезъ огненную рѣку, но они свободно перевозятся и перевозчикомъ, который изъ прежняго миѳическаго перевозчика является въ представленіи предка - христіанина Архангеломъ Михаиломъ.

¹⁾ Аванасьевъ. Поэтич. воззрѣнія, I, 577 и глава XXII, III части.

²⁾ Варенцовъ. 138; Безсоновъ. Каѣпки, V, 228 ст.

³⁾ Каѣпки, V, 150 ст.

⁴⁾ Ibidem. 234 ст.

„Да тутъ ѣздить Михайло Архандель-царь,
„Перевозить онъ души, да души праведныя,
„Черезъ огненну рѣку ко пресвѣтлому раю,
„Ко пресвѣтлому раю, да ко пресолнысьнему“.

Грѣшнымъ же огненная рѣка является преградой. Они не могутъ чрезъ нее попасть въ рай, ставшій въ христіанствѣ мѣстомъ награды для добродѣтельныхъ, а они должны нести наказаніе. Для нихъ, по представленію предка-христіанина, не будетъ проводниковъ, хотя они и будутъ просить:

„Святой Михаилъ архангелъ со архангелами!
„Переведите насъ черезъ рѣку огненную“ ¹⁾.

Ихъ не будетъ перевозить и перевозчикъ, хотя они принесутъ за перевозъ плату, которая въ духовныхъ стихахъ рисуется какъ неправильный подкупъ.

„Подойдутъ грѣшныя къ рѣкѣ огненной“, —

говорятъ духовныя стихи, —

„Ужъ грѣшныя-те души да расплачутся ²⁾.
„Они вопятъ и кричатъ—перевозу хотятъ ³⁾.
„Увидали эти грѣшники Михаила Архангела,
„Закричали эти грѣшныя ⁴⁾:
„Ужъ ты ой еси Михайло Архандель-царь!
„Ужъ ты што насъ не перевозишь черезъ огненну рѣку,
„Черезъ огненну рѣку, да ко пресвѣтлому раю,
„Ко пресвѣтлому раю, да ко пресолнысьнему? ⁵⁾
„Они сами-то къ Михайлѣ приближаются,
„Золотой казной спосуляются“.

¹⁾ Калѣки, V, 151 ст.

²⁾ Варенцовъ. 149 ст.

³⁾ Калѣки, V, 162 ст.

⁴⁾ Ibidem. 226.

⁵⁾ Варенцовъ. 149 ст.

„О свѣтъ, грозенъ нашъ Михайло, судья праведная 1).
„Перевези ты насъ черезъ огненну рѣку,
„Черезъ огненну рѣку да ко пресвѣтлому раю 2),
„Возми съ насъ злата и серебра,
„И силья наши имѣнія и богатество!
„Отвѣчалъ имъ Михайло Архангелъ судья праведная,
„Ахъ вы грѣшныя, беззаконныя рабы!
„На что же вы ко мнѣ приближаетесь
„И золотой казной своей спосуляетесь?
„Не недобно намъ ваше золото, серебро,
„Ни силья, ни имѣнья, ни богатства“ 3).

Грѣшнымъ душамъ предлагается Архангеломъ Михайломъ только искать „броду мелкаго“.

„А идите вы, души грѣшныя, да унизь по рѣкѣ,
„Ищите себѣ броду мелкаго,
„Броду мелкаго, переходу себѣ цястаго“ 4).

Во время исканія „мелкаго броду“ души грѣшныхъ, по духовнымъ стихамъ, идутъ

„Все плацуюци, узридаючи,
„На себѣ й одежду обрываючи“

и, не найдя переходу, онѣ предаются отчаянію, бросаются на землю, осуждая родителей за то, что тѣ плохо учили ихъ уму · разуму; осуждаютъ и самихъ себя за свою грѣховную жизнь. Однако онѣ не могутъ остаться на берегу. Михаилъ Архангелъ велитъ ангеламъ и архангеламъ „братъ прутья желѣзные и гнать злыхъ-окаянныхъ черезъ огненную рѣку“ 5), но не имѣя помощи отъ высшей силы, души грѣшныя

1) Калѣки, V, 229.

2) Варенцовъ. 150.

3) Калѣки, V, 229.

4) Ibidem. 231.

5) Калѣки, V, 241.

не могутъ перейти эту рѣку какъ бы этого не хотѣли,—ихъ ждетъ здѣсь гибель.

„Побрели, какъ души грѣшны черезъ огненну рѣку“,— такъ говоритъ объ этомъ ходѣ одинъ изъ духовныхъ стиховъ, —

„Тѣла те у нихъ да опаляются,

„А власы те на главахъ да загораютсѣ 1),

„Не мусють яны перейти черезъ огненну рѣку,

и „Идутъ жѣ яны, грѣшныя, на вѣки вѣчныя,

„На вѣки вѣчныя яны мучитисѣ“ 2).

Сохраняя въ христіанствѣ представленіе о водномъ пространствѣ, предокъ сохранилъ представленіе и о мостѣ ведущемъ въ рай, что мы и видѣли изъ сказанія Пафнугія Боровскаго. Хотя это сказаніе въ христіанствѣ и явилось поздно, но уже одно то, что оно сохранилось даже въ позднѣйшее время, даетъ намъ право предполагать, что предокъ, принявъ христіанство, не оставилъ этого представленія.

Сохранилъ предокъ въ христіанствѣ и представленіе о сторожахъ охраняющихъ царство мертвыхъ. Такъ, нынѣ существуетъ суевѣрное представленіе, что рай охраняется апостоломъ Петромъ, который его запираетъ ключами на ночь, чтобы какъ-нибудь не пробралась въ него грѣшная душа. Этотъ же апостоль хранитъ и ключи ада, но адъ имъ не запирается 3). Такое представленіе можно отнести и къ первымъ вѣкамъ христіанства на Руси, ибо предокъ слышалъ слова Евангелія: „дамъ тебѣ ключи царства небеснаго“, сказанныя Спасителемъ своему апостолу, и эти

1) Ibidem. 165 ст.; Варенцовъ. 149, 151 ст.

2) Ibidem. № 510.

3) Слышано авторомъ во Владимірскомъ уѣздѣ.

слова еще тогда могли ему дать возможность видѣть въ роли сторожа страны отцовъ уже опредѣленное христіанское лицо ап. Петра.

Другимъ мѣстомъ куда уходятъ души умершихъ, съ принятіемъ христіанства, у предка является адъ. Идеи ада прежде не было у русскаго славянина. Она является новымъ наростомъ въ его представленіяхъ загробнаго міра. Этотъ наростъ въ представленіяхъ предкомъ загробнаго міра долженъ былъ явиться, такъ какъ души грѣшныхъ, съ принятіемъ понятія грѣха, предокъ уже не могъ помѣщать вмѣстѣ съ душами добродѣтельными. Онъ, естественно, долженъ былъ для нихъ отвести другое жилище и притомъ жилище противоположное тому, въ которомъ должны были находиться праведные и вотъ у него появляется адъ— мѣсто мученія. Однако образъ ада у предка въ христіанствѣ носить на себѣ пережитки языческихъ представленій. Предокъ не сразу разстается со стариной. Онъ сильно сжился съ нею, и эта старина всюду проникаетъ и въ христіанскія его представленія загробнаго міра.

Еще въ языческой періодъ у предка было представленіе, что души умершихъ кромѣ рая живутъ также въ какой-то жаркой, знойной странѣ и вмѣстѣ съ тѣмъ въ странѣ тьмы, тумана и холода. Еще тогда ему казалось, что эта страна даетъ мало отрады и находится гдѣ-то тамъ, гдѣ скрывается, уходя на покой, дневное свѣтило — солнце. Это языческое представленіе предокъ кладетъ въ основу ада. Онъ называетъ его мѣстомъ тьмы ¹⁾, пекломъ ²⁾, съ како-

¹⁾ Жалѣки, V, 66, 235 ст.

²⁾ Ibidem. I, 64; V, 235.

вымъ именемъ у язычника, какъ мы знаемъ, сочеталось представленіе о странѣ знойной, жаркой и видить мѣсто ада на западѣ: „въ западной сторонѣ“, — говоритъ одинъ духовный стихъ, — „мѣсто адовое“ ¹⁾. Но краски въ христіанствѣ предкамъ уже сгущаются. Адъ обрисовывается имъ болѣе мрачно: онъ помѣщается въ земляныхъ пропастьяхъ, тамъ владычествуеть вѣчная тьма и нестерпимый холодъ, текутъ смоляныя рѣки, пылаетъ страшное пламя и пр.. и съ адомъ предокъ соединяетъ идею возмездія за грѣхovou земную жизнь. Въ адъ у него идутъ души тѣхъ, которыя

- „Какъ жили на вольномъ на свѣтѣ ²⁾,
- „Воли Господней не творили,
- „Заповѣдь Божию преступали (78),
- „За хрестъ, за молитву не стояли (80);
- „Ко Божьей церкви не прихаживали (239),
- „Колокольного звона не слыхивали (98),
- „Заутреню просыпывали,
- „Обѣдни въ обѣдахъ пробѣдывали,
- „Вечерни на улицахъ прогуливали,
- „Къ отцамъ духовнымъ на исповѣдь не хаживали,
- „Грѣховъ своихъ не объявляли (160—161),
- „Себѣ вольнаго причастія не спріемливали (217);
- „Со слезами Богу не маливались (239),
- „Постовъ, молитвъ не знавали (161),
- „Земляныхъ поклоновъ не кладывали (80),
- „На Божій престолъ свѣчей не приузнашивали (233);
- „Не имѣли ни среды, ни пятницы,--
- „Великаго дня—понедѣльничка,
- „Ни того воскресенья тридневнаго (239—240);
- „Великаго говѣнья не гавливали (217);

¹⁾ Варенцовъ. 173.

²⁾ Стихъ сводный изъ V вып. „Калѣки“; у строкъ поставлены страницы.

- „Пѣнья церковнаго не понимали (98),
- „Писанью Божію не вѣровали (239),
- „Божье писанье ложно читали (243);
- „Поповъ и дьяконовъ ни во что чтили (124);
- „Отца духовнаго въ домъ не водили (243);
- „Отца съ матерью не почитали (80),
- „Другъ друга не любили,
- „Нищю братью обижали (78),
- „Святой милостыни не сдавали (80),
- „Нагого не одѣли,
- „Босого не обули,
- „Гладнаго не накормили,
- „Жаднаго не напоили (78),
- „Въ темной темницѣ не просвѣщали (83),
- „Заблудящимъ дорогу не показали;
- „У мертваго тѣла не сиживали,
- „И мертвыхъ въ гробахъ не провожали (142);
- „Красную дѣвицу изъ стыда не выводили (56),
- „Свою волю творили (98),
- „Дьявольскія помышленія
- „Завсегда помышляли;
- „Въ гусли, во свирѣли играли,
- „Скакали, плясали (130),
- „Сатону спотѣшали“ (Варенцовъ 160).

Проще говоря, въ адъ идутъ тѣ души, которыя, въ противоположность душамъ добродѣтельнымъ, грѣшили на землѣ.

Здѣсь грѣшныя души за свою порочную земную жизнь не будутъ имѣть никакой награды, а ихъ жизнь, по представленію предка-храстіанина, будетъ состоять въ различныхъ мученіяхъ ¹⁾, которыя его живой фантазіей рисуются чувственными чертами, ибо неразвитый умъ и огрубѣлое чувство предка еще не въ силахъ были представить себѣ, что бы муки

1) Варенцовъ. 171; Калѣки, V, № 494.

душевные могли быть нестерпимѣ тѣлесныхъ и онъ былъ убѣжденъ, что въ адѣ

- „Инымъ будетъ грѣшникомъ
- „Огни неугасимые ¹⁾, огни лютые ²⁾,
- „Инымъ будетъ грѣшникомъ зима зла-студеная ³⁾
- „Съ морозами съ лютыми ⁴⁾,
- „Съ морозами все глящими ⁵⁾;
- „Инымъ будетъ грѣшникомъ смола зла кипящая ⁶⁾,
- „Которымъ грѣшникамъ
- „Печи будутъ мѣдныя,
- „Заслоны желѣзные ⁷⁾;
- „Инымъ будутъ грѣшникомъ черви ядовитые ⁸⁾,
- „Черви лютые ⁹⁾;
- „Инымъ будетъ грѣшникамъ — тьма несвѣтлая,
- „Инымъ будетъ грѣшникамъ — пропасти глубокия ¹⁰⁾
и мѣсто темное ¹¹⁾,
- „Инымъ будетъ грѣшникамъ — скрежетъ зубовой ¹²⁾.

Иныхъ же грѣшниковъ посадятъ въ котель съ кипящею смолою, повѣсятъ за языкъ, ребро или ногу, станутъ бить раскаленными прутьями и мучить на страшномъ ложе, составленномъ изъ острыхъ иглъ и ножей, снизу котораго пылаетъ жгучій огонь, а

¹⁾ Калѣи, V, № 494.

²⁾ Ibidem. № 495.

³⁾ Ibidem. № 494.

⁴⁾ Ibidem. № 500.

⁵⁾ Ibidem. № 495.

⁶⁾ Ibidem. № 494.

⁷⁾ Ibidem. № 495.

⁸⁾ Ibidem. № 494.

⁹⁾ Ibidem. № 478.

¹⁰⁾ Варенцовъ. 172 стр.

¹¹⁾ Калѣи, V, № 478.

¹²⁾ Варенцовъ. 172 стр.

сверху капаетъ растопленная сѣра ¹⁾, а иные изъ нихъ будутъ ввержены въ колодца, наполненные змѣями, жабами, лягушками и другими гадами ²⁾.

Назначая мученія грѣшникамъ въ адѣ, предокъ, вмѣстѣ съ тѣмъ, старался распредѣлить эти мученія между грѣшниками соотвѣтственно ихъ грѣхамъ. И онъ, какъ это видно изъ духовныхъ стиховъ, *зми ядовитыя поѣдающія* предназначаетъ:

„Мужамъ-беззаконникамъ,
„Женамъ-беззаконницамъ
„И младенческимъ душегубцамъ“.

(Калѣки, V, 181, 185, 187, 193. 201, 203 ст.),

а такъ же „чародѣямъ“ (ibid. 195), клеветникамъ и еретикамъ (ibid. 104);

„неусынный червь, черви лютые“—сребролюбцамъ-ростовщикамъ, барышникамъ и пьяницамъ (ibid. 180, 181, 187, 195, 202, 206, 213);

рѣку огненную—прелюбодѣямъ и блудникамъ (ibid. 187, 195, 206, 213), волхвамъ (187), чародѣямъ и пьяницамъ (ibid. VI, 100), ворами и разбойникамъ (ibid. VI, 104);

смола кипучую — глумотворцамъ - просмѣшникамъ (V, 179; VI, 112, 115, 180), сквернословцамъ (V, 181), пьяницамъ (V, 181, 206, 213), душегубцамъ (V, 193);

пропасти неистовѣдимыя; глубокія — сребролюбцамъ - грабителямъ, (V, 179, 195, 201, 206), душегубцамъ, пьяницамъ, еретикамъ, клеветникамъ (V, 178);

трїисподній адъ-земле — еретикамъ - колдунамъ (V, 193, 201, 213);

¹⁾ Калѣки, V, 65—260; Народныя русскія легенды, 27.

²⁾ Ibidem; ibidem. 124, 128.

смрадъ-чадъ горькій — пьяницамъ (V, 180, 185, 201, 206, 213), корчемникамъ (V, 180), чародѣямъ (V, 180, 206, 213);

жаркій огонь неугасаемый, терзаніе пламени — священникамъ-сводникамъ (V, 187), ворами и разбойникамъ, подорожнымъ грабителямъ (VI, 185, 193; Записки Импер. Геогр. Общ., Этногр. отд., II, 72); скорморохамъ и плясунамъ (V, 202), гудочникамъ (VI, 174);

„*Печи каменные*

„*Затворы желѣзные:*

„*Татямъ, разбойникамъ,*

„*Ворамъ и грабителямъ*“ (V, 187),

недостойнымъ попамъ и дьяконамъ (Записки Импер. Геогр. Общ., II, 72);

полки горячіе: субботникамъ-банщикамъ (V, 193);

„*Морозы лютые,*

„*Мъста всѣ студеныя,*

„*Погреба глубіе:*

„*Немилостивымъ-гордымъ* (V, 187, 213)

„*Душегубцамъ-разбойникамъ* (V, 201)

„*Іереямъ-священникамъ*

„*И судіямъ неправеднымъ*“ (V, 179);

зубовное скрежетаніе: двуязычникамъ (V, 187), глумотворцамъ, смѣхотворцамъ (V, 179, 187, 201), убійцамъ (V, 206, 213),

„*Книжникамъ и учителямъ,*

„*Да неправеднымъ читателямъ*“ (V, 193);

повышеніе за языкъ: клеветникамъ, ябедникамъ, доносчикамъ, злоязычникамъ и язычникамъ (V, 179, 185);

повышеніе за хребты надъ калеными плитами и

нагвоздѣ желѣзное: плясунамъ и волянщикамъ (V, 180, 185);

плачь, рыданіе—свирѣльщикамъ (V, 187),

„Плясунамъ-гудочникамъ

„И веселымъ волянщикамъ (V, 185),

„Смѣхотворцамъ и глумотворцамъ“

(V, 179, 195, 201, 206, 213);

выгребаніе изъ печи жара голыми руками — ростовщикамъ (Чтен. Общ. Ист. и Древн. Рос. IX, 3), а *возку дровъ, для подтопки адскихъ горновъ и воды, для приготовленія кипятка* — предназначаетъ: опойцамъ, т. е. опившимся отъ пьянства (Кирѣевскій, 212—213).

Таковымъ рисуется христіаниномъ-предкомъ „мѣсто адовое“ и пребываніе въ немъ душъ грѣшныхъ.

Нельзя, однако, здѣсь не отмѣтить того факта, что большую часть адскихъ мученій предокъ заимствовалъ изъ тѣхъ эсхатологическихъ сказаній, преимущественно апокрифовъ, которыя съ христіанствомъ распространялись по Русской землѣ. Фантастическія по преимуществу, эти сказанія близко подходили къ младенческому уму предка и производили на него своей наглядностію, въ представленіи загробнаго міра, сильное впечатлѣніе. Предокъ невольно поддавался ихъ обаянію и многое изъ нихъ заимствовалъ для своихъ представленій загробной участи умершихъ. Такъ, напр., въ апокрифахъ: „Хожденіе Богородицы по мукамъ“¹⁾ и въ „Хожденіи апостола Павла по мукамъ“²⁾, въ которыхъ особенно подробно разсказывается за ка-

¹⁾ Тихонравовъ. Памятники отреченной лутерат., II т. 23 -- 30 ст.

²⁾ Ibidem. 40—58 ст.

кія грѣхи какія будуть муки, мы находимъ слѣдующіе виды адскихъ мученій:

змии ядовитыя ¹⁾ будутъ: для блудниковъ (26), блудницъ (36) и для читавшихъ св. книги и объяснявшихъ ихъ другимъ, но не творящихъ волю Божію (26);

черви лютые: для ростовщиковъ (24, 51), калугеровъ, творящихъ блудъ и оскверняющихъ св. Крестъ (36), дьяконовъ, берушихъ недостойныя приносы (51), для немилующихъ вдовъ, сиротъ и нищихъ (52), для отрицающихъ Воскресеніе Христово (55);

рѣка огненная: до верха погружены въ нее — „иже крестъ чынъш държаше кльноуться лъжами“ (24); до шеи—ѣвшіе человѣческое мясо (24); до пояса—дѣти, проклятыя своими родителями (24, 33); до колѣнъ погружены—разговаривающіе въ церкви, рано выходящіе изъ нее, а также епископы не ходившіе въ благочестіи, не творившіе праведнаго суда, не милоставшіе вдовъ и сиротъ и непризиравшіе странныхъ и убогихъ (50);

огненное озеро: для крестившихся, но дѣлающихъ дѣла дьявольскія (27);

смола кипучая: для жидовъ, мучившихъ Іисуса Христа (27, 37), для блудившихъ съ кумами, матерями и дѣтьми, для отравителей, разбойниковъ и дѣтоубійць (27);

повѣтеніе за языкъ: для клеветниковъ и для тѣхъ, которые разлучаютъ брата отъ брата, мужа отъ жены (25, 35);

пропасть огненная: для поганыхъ сотворившихъ милость, но не признававшихъ Бога (53);

пекло, преисподняя, жаркій огонь: для чернориз-

1) Въ текстѣ выставлены страницы, II т. „Памят. отреч. литер.“.

цевъ неправедныхъ, похотниковъ и не миловавшихъ сиротъ (53);

одръ огненный: для тѣхъ, которые въ святую недѣлю къ заутрени не вставали по лѣности (25, 34);

столы огненные: для тѣхъ, „иже поповъ не чьтоутъ, то ни въстають имъ, егда приходять от ѿркве Бжыѣ“ (25, 34).

Какъ видимъ, мученія, которыя назначаются грѣшникамъ въ приведенныхъ апокрифахъ, мы встрѣчали и въ представленіяхъ предка, выраженныхъ въ тѣхъ духовныхъ стихахъ, которые онъ сложилъ по принятіи христіанства, которые распѣвалъ самъ, и которые еще и по нынѣ распѣваются на Руси „калѣками переходжими“. Какъ тамъ, такъ и здѣсь изъ видовъ мученій указываются: змѣи ядовитыя, черви лютые, рѣка огненная, смола кипучая, повѣшеніе за языкъ, пропасти огненныя и преисподняя; видно даже сходство въ распредѣленіи адскихъ мукъ между грѣшниками. Такъ, блудникамъ, какъ тамъ, такъ и здѣсь, назначаются—змѣи ядовитыя, ростовщикамъ — черви лютые, клеветникамъ — повѣшеніе за языкъ. Однако, заимствуя многое изъ апокрифовъ, предокъ давалъ много и своего. Его фантазія находила помимо апокрифовъ новые виды мученій: морозы лютые, смрадъ-чадъ, терзаніе пламени, повѣшеніе за хребетъ, полки горячіе, возка дровъ для подтопки адскихъ горновъ, выгребаніе изъ печки жара руками и проч. Кромѣ того, какъ это видно изъ духовныхъ стиховъ, предокъ чаще останавливался на грѣхахъ противъ ближнихъ: убійствѣ, воровствѣ, чародѣйствѣ, клеветѣ, ябѣдѣ и т. д., чѣмъ апокрифы, въ которыхъ, хотя и указываются грѣхи противъ ближнихъ, но на первый планъ преимущественно выдвигались грѣхи противъ

Бога — грѣхи вѣры: невѣрованіе въ Бога, отрицаніе воскресенія и Иисуса Христа, не признаніе Его Богомъ, нехожденіе и нестояніе въ церкви и т. п.

Внося въ свои прежнія представленія о загробной жизни представленіе объ адѣ съ его мученіями, предокъ вносилъ въ свои понятія и идею о загробномъ судѣ, которой въ язычествѣ у него не было.

Идея загробнаго суда явилась у предка не случайно, — она явилась какъ плодъ принятыхъ имъ христіанскихъ понятій о добродѣтели и о грѣхѣ. Добродѣтель должна быть вознаграждена, — грѣхъ наказанъ. Очевидно, что должно быть и то, что могло бы дать правильную оцѣнку и опредѣлить соответствующее вознагражденіе или наказаніе, т.-е. долженъ быть судъ надъ душами. Распространявшіяся съ христіанствомъ по русской землѣ различныя эсхатологическія сказанія, говорившія о всеобщемъ судѣ и о частномъ ¹⁾, давали фантазіи предка обильный матеріалъ для представленія этого суда. Народъ воспользовался ихъ сюжетами, облекъ идею загробнаго суда въ чувственные образы и у него сложилось представленіе, по которому душа, по смерти, восходитъ на небеса къ Богу,

„Къ Самому Христу, Сыну Божію,
„Къ Сыну Божію, къ Судѣ Праведному“ ²⁾.

Здѣсь надъ ней происходитъ судъ. Христосъ — „Судья Праведный“ спрашиваетъ явившуюся душу:

¹⁾ Изъ сочиненій, изображающихъ судъ Божій, особенно были распространены въ древней Руси: Слова св. Евфрема Сирина, Слово Палладія Мниха и Житіе Василия Нового.

²⁾ Калѣки, вып. V, № 490.

„Слышала-ль она звону колокольнаго,
„Перенимала-ль читальце церковное,
„Слышала-ль гѣніе Господнее,
„Почитала-ль отца духовнаго,
„Имѣла-ль среду и пятницу,
„Великаго дня—понедѣльничка?
„Одѣвала-ль нагаго,
„Обувала-ль бѣсаго,
„Кормила-ль голоднаго,
„Указывала-ль слѣпому дороженьку?“¹⁾

Иначе, Судья — Христось спрашиваетъ явившуюся душу: творила-ли она, живя на землѣ, добрыя дѣла? Душа держитъ отвѣтъ²⁾, при чемъ ей приходится говорить правду, ибо каждая ея неправда будетъ изболчена, такъ какъ каждый грѣхъ каждой души, по представленію предка, „записанъ въ книги святаго“, въ „книги евангельскія“³⁾ и „нельзя грѣшнымъ грѣховъ потаить“⁴⁾.

Самый же судъ надъ душой происходитъ чрезъ взвѣшиваніе добрыхъ и дурныхъ дѣлъ души. Добрыя дѣла души, по представленію предка, полагаются на одну чашку вѣсовъ, а на другую — злыя и, смотря потому которая чашка перевѣшивала, душа опредѣлялась „Судьей Праведнымъ“: или на жительство въ рай, или изгонялась въ адъ, „въ мѣста темныя“,

„Во тьму во кромѣшную,
„Въ пропасти глубокія“⁵⁾.

1) Калѣки, V, № 490.

2) Ibidem.

3) Ibidem. 156, 158, 171 ст.

4) Ibidem. 171 ст.

5) Калѣки, V, 178 ст.

Такое представление предка сохранили намъ духовные стихи и лубочныя картины, изображающія частный судъ, изъ каковыхъ одной изъ древнѣйшихъ считается картина написанная Аврааміемъ Смоленскимъ умершимъ въ 1221 году ¹⁾.

Однако, прежде совершенія надъ душою суда, она, по древне-русскому представлению, должна была пройти мытарства. Представление о мытарствахъ предокъ низвелъ до уровня своего наивнаго пониманія и прежняго матеріальнаго способа представлення. Послѣ смерти душа, по представлению предка, не сразу отправляется на судъ къ Богу. Она первые два дня блуждаетъ по землѣ „ищуци, яко горлица, гнѣзда“ ²⁾. Въ третій же день по своемъ исходѣ изъ тѣла, душа идетъ на поклоненіе къ Богу и послѣ этого она водится по мытарствамъ, гдѣ истязуется показаніемъ всѣхъ дурныхъ дѣлъ, совершенныхъ человѣкомъ при его земной жизни. Во время всего путешествія души, по разлученіи ея съ тѣломъ, ее сопровождаетъ свѣтлый духъ. На мытарствахъ свѣтлый духъ старается защитить душу показаніемъ добрыхъ ея дѣлъ. Въ IX день душа снова является къ Богу для поклоненія Ему. Послѣ этого поклоненія душѣ показывается рай, по которому она ходитъ до двадцатаго дня. Въ

¹⁾ Буслаевъ въ своихъ „Историческихъ очеркахъ“ говоритъ, что сюжетъ картины заимствованъ Аврааміемъ изъ Житія Василя Новаго (II т., 119 ст.), но мнѣ кажется, что не только Житіе давало Авраамію матеріалъ, но и народное представленіе частнаго суда, ибо здѣсь видна болѣе простая форма представлення частнаго суда, а древне-русскій человѣкъ, говоритъ Буслаевъ, отличался неподвижностью въ идеяхъ (Ист. очерки, II, 149). (Картину см. на стр. 121-й, II т. Очерковъ Буслаева).

²⁾ Пѣтуховъ. Очерки изъ литературной исторіи синодика 1895 г., 361 ст.

20-й день душа въ третій разъ является на поклоненіе Богу и затѣмъ ей показывается адъ, гдѣ она видитъ различныя мученія грѣшниковъ. Это хожденіе по аду продолжается до сорокового дня, въ который душа въ послѣдній разъ поклоняется Богу и по Его суду опредѣляется ей мѣстомъ жительства—рай или адъ, смотря по тому, что „уготовала душа себѣ при жизни“ ¹⁾.

Представленія мытарствъ, хотя и даны были предкамъ книжной литературой, преимущественно Житіемъ Василя Новаго, которое въ древней Руси особенно было распространено, о чемъ свидѣтельствуеетъ множество списковъ этого сочиненія разсѣянныхъ по всѣмъ концамъ нашего отечества ²⁾, однако они получили у нихъ право гражданственности и какъ отображеніе ихъ взгляда явились въ русскихъ синодикахъ, а также и въ духовныхъ стихахъ.

„Возьмутъ душу грозные ангелы“,—

говорится въ духовныхъ стихахъ, —

„Понесутъ они душу грѣшную

„Да по воздуху по небесному —

„Пронесутъ мытарства многіи ³⁾,

„Пронесутъ ее по мукамъ по разнымъ,

„По мытарствамъ различнымъ“ ⁴⁾.

¹⁾ Пѣтуховъ. Очерки изъ лит. ист. синодика, 369.

²⁾ О вліяніи Житія В. Новаго, а также и другихъ, перешедшихъ на Русь эсхатологическихъ памятниковъ, на русскую письменность и на народныя воззрѣнія подробнѣе смотри: Сахаровъ. „Эсхатологическія сочиненія и сказанія въ древне-русской письменности и вліяніе ихъ на духовные стихи“. Тула, 1879 г. 148 и др. стр.

³⁾ Калѣки, 148, 153 ст.

⁴⁾ Варенцовъ, 148, 153.

Здѣсь душу встрѣчаютъ враги-демоны:

„На первую ступень (мытарствъ) ступила (душа):
„И вотъ встрѣтили душу грѣшную
„Полтораста враговъ“, —

говорить стихъ „О грѣшной душѣ“, —

„На вторую ступень ступила —
„Вотъ и двѣсти враговъ;
„Вотъ на третью ступень ступила,
„Вотъ двѣ тысячи враговъ возрадовались:
„Ты была наша потѣшница!
„Ты была наша наставница!“¹⁾

Эти враги, встрѣтивши душу, рассказываютъ всѣ ея грѣхи.

„Вотъ несутъ они письма, да раскатываютъ,
„Да раскатываютъ, всѣ грѣхи рассказываютъ²⁾
„Постой, говорятъ (они), душа грѣшная:
„Ты наша сродница;
„Ты нашу волю творила,
„Бранилася, да не простилася!“³⁾

Потомъ сопровождающіе душу ангелы ей

„Покажутъ царство небесное,
„Праведнымъ радость и веселіе неизрѣчное;
„Потомъ покажутъ муки вѣчныя, —
„Грѣшнымъ плачь неутѣшный“⁴⁾.

Если душа была праведная, то послѣ мытарствъ, говорятъ духовные стихи:

1) Калѣки, № 22.

2) Варенцовъ. 143—144; Калѣки, № 22.

3) Варенцовъ. 144.

4) Кирѣвскій. № 20.

„Господь душеньку встрѣчаетъ,
„Златой ризой оболокаетъ,
„Златъ вѣнецъ на голову ей надѣваетъ“.

Грѣшную же душу

„Велѣлъ Господь Богъ
„Сверзить...
„Сверзили душу грѣшную,
„Засадилъ душу грѣшную,
„Во тьму во кромѣшную“ 1).

По принятіи христіанства предокъ не оставилъ своего прежняго представленія и о жизни душъ на землѣ. Ему трудно было поселить души своихъ предковъ въ аду за одно то, что они не знали новой вѣры. Эта мысль казалось ему тяжелой тѣмъ болѣе, что онъ привыкъ благоговѣть предъ душами умершихъ. Поэтому онъ не отправляетъ ихъ въ адъ, но оставляетъ на землѣ. Онѣ перевоплощаются въ прежнихъ русалокъ, марь, кикиморъ. Теперь народъ такъ и смотритъ на нихъ, какъ на душъ некрещенныхъ младенцевъ, убійць, утопленниковъ 2).

Таково стало съ принятіемъ христіанства представленіе предковъ о загробномъ мірѣ.

Изъ сказаннаго мы видимъ, что предокъ, хотя и принялъ новую религію съ ея новымъ ученіемъ, по сущности его представленія загробнаго міра мало из-

1) Ibidem. 142, 139, 148, 156 стр., V.

2) Владиміровъ. Введеніе въ истор. русск. словесности, 43 ст.; Терещенко. Бытъ русск. нар., VI, 125; Някифоровскій. „Русское язычество“, 63.

мѣнилась. Онъ полнѣе сталъ представлять себѣ загробный міръ, но въ этихъ представленіяхъ виденъ еще язычникъ. Кромѣ того, у предка много осталось и чисто языческихъ представлений о загробномъ мірѣ, которыя дожили даже до сего времени и хранятся въ народныхъ обрядахъ и ихъ представленіяхъ загробнаго міра, что мы и видѣли когда разбирали чисто языческое представленіе нашихъ предковъ-язычниковъ о загробномъ мірѣ.

Въ чемъ же надо усматривать причину такой жизненности язычества въ христіанствѣ?

Чтобы отвѣтить на этотъ вопросъ, поглядимъ: не было ли какихъ причинъ, которыя бы способствовали жизненности въ христіанствѣ языческихъ представлений и этимъ закончимъ свое изложеніе.

XI.

✓ Причина жизненности язычества въ христіанствѣ.

Христіанство на Русь явилось съ востока. Оно было, по одному образному выраженію, привезено сюда на варяжской ладѣ и первоначально распространялось среди пришельцевъ на русскую почву-варяговъ, въ послѣдствіи слившихся съ кореннымъ русскимъ племенемъ, давши этому племени новое имя „русскій“ и ставши съ нимъ однимъ русскимъ народомъ. Будучи первоначально религіей единичныхъ личностей на Руси, христіанство, наконецъ, при князѣ Владимірѣ объявляется религіей господствующей, съ

которой предку приходилось считаться, ибо она становится подъ защиту власти. Кромѣ того, христіанство является на Русь съ цѣлымъ кодексомъ космогоніи и нравственности, съ полнымъ вѣроученіемъ, обставленное правильной обрядностью, съ храмами невиданной дотолѣ красоты, съ богатымъ запасомъ религіозно-чудеснаго и, наконецъ, съ церковными книгами, которыя служатъ началомъ письменности и просвѣщенія. Очевидно, что съ явленіемъ такой религіи, русское язычество должно было бы пасть, но мы видимъ на Руси нѣчто другое. Язычество только присоединило къ себѣ христіанство, дало ему, какъ государственной религіи, первое мѣсто, во многомъ измѣнилось, но не дало вырвать себя съ корнемъ, а продолжало проявлять себя, какъ мы видѣли, и въ христіанствѣ. Христіанство явилось на русскую почву тогда, когда языческая религія здѣсь еще не вполне сложилась. Въ ней мы не находимъ той полноты, каковую видимъ на востокѣ и западѣ. Здѣсь не было ни полнаго культа, не было ни жреческаго сословія ¹⁾, ни храмовъ ²⁾, ни сильнаго убѣжденія. Все только еще развивалось и новая религія была для нея не переворотомъ въ корнѣ уничтожающемъ весь прежній строй и убѣжденія, а той же религіей, но съ другимъ богомъ, новыми вѣрованіями, которыя предокъ вполне могъ принять, ибо онъ еще не дошелъ до извѣстныхъ истинъ, онъ еще имъ не были выработаны. Вотъ въ чемъ я вижу первую причину жи-

¹⁾ Кальтгуада. Курсъ исторіи русской литературы, ч. I, кн. I, 75 ст. Спб. 1901 г.; Пыпинъ. Исторія литературы, I, 69 ст.

²⁾ Пыпинъ. Исторія литературы, I, 69.

вучести у насъ языческихъ представленій и понятій, присоединяя сюда и другіе факты.

Факты же эти слѣдующіе:

Когда христіанство явилось на русской почвѣ, его принимаютъ не всѣ съ одинаковымъ сознаниемъ. Меньшинство, по преимуществу князя и бояре, т.-е. болѣе просвѣщенный классъ, приняли христіанство съ надлежащимъ сознаниемъ, что эта религія есть единая истинная и что исповѣдуемое ими язычество есть религія ложная. Но и это меньшинство усвоило себѣ только элементарныя нравственныя правила, вмѣстѣ же въ себѣ всего христіанскаго ученія въ его цѣломъ не могло. Большинство же,—масса, приняла христіанство потому, что не имѣла еще, какъ выше я сказалъ, твердыхъ убѣжденій, а также и потому, что на сторонѣ новой религіи стала власть и отказъ новой религіи могъ грозить наказаніемъ, какъ это мы и видимъ изъ крещенія огнемъ и мечемъ новгородцевъ Добрыней, дядей Владиміра, и тысяцкимъ Путятой. Характерно въ этомъ смыслѣ и приглашеніе князя Владиміра ко крещенію Кіевлянъ. „Аще не обрящется“, — пишетъ лѣтописецъ, — „кто (заутро на) рѣцѣ, богатъ ли, ли убогъ, ли нищъ, ли работникъ, противенъ мнѣ да будетъ“ ¹⁾. Очевидно, что слова Владимірова воззванія: „противенъ мнѣ да будетъ“, многихъ повели съ нежеланіемъ въ Днѣпровскую купель. Именно, туда съ нежеланіемъ пошли тѣ, которые „плакали по низвергнутому Перунѣ“ ²⁾, для которыхъ язычество было дорого, но сила была на сто-

¹⁾ Лаврентьевская лѣтопись, 114 ст.

²⁾ Ibidem.

ронѣ власти и эта сила заставляла ихъ затаить свои убѣжденія и номинально сдѣлаться христіанами.

Такое положеніе способствовало тому, что язычество, хотя и скрытно, но продолжало существовать на русской почвѣ и послѣ принятія христіанства. Оно даже почти чрезъ сотню лѣтъ послѣ „крещенія Руси“ находило [какъ уже мною было сказано во введеніи] поклонниковъ въ рядахъ русскихъ людей. Такъ, въ Лаврентьевской лѣтописи подъ 1076 г. мы находимъ сказаніе о томъ, что въ Новгородѣ при княженіи Глѣба Святославича весь народъ новгородскій повѣрилъ волхву, обѣщавшемуся перейти рѣку Волховъ, а на сторону епископа, призывавшаго: „аще вѣруетъ кто, то ко кресту да идетъ“, сташа только князь Глѣбъ и дружина его“ (176 ст.). Фактъ этотъ показываетъ, какъ, несмотря на принятіе христіанства и его распространеніе, язычество было еще сильно, разъ вѣрили явному обманщику.

Кромѣ этого, на Руси первоначально мало было пастырей, которые бы разносили свѣтъ религіи въ отдаленные уголки нашего отечества, да и пастыри эти были по большей части греки мало знакомые съ бытомъ и религіей народа, къ которому пришли служить. Сюда нужно отнести и скудность просвѣщенія, которое бы могло пособить новой религіи. Это положеніе тоже способствовало живучести языческихъ представленій у насъ на Руси. Новые христіане должны были сами себѣ стать учителями и учить себя истинамъ вѣры. Естественно, что язычество, созданное самими людьми для удовлетворенія всѣхъ потребностей ихъ натуры, всосавшееся въ плоть и кровь предка, не могло тотчасъ же, по принятіи христіанства, совсѣмъ быть ими оставлено и много, какъ мы

видѣли, не только вошло въ представленія предка, обучающаго себя истинамъ новой христіанской вѣры, но и цѣликомъ осталось.

Все сказанное служитъ причиной, почему на Руси вмѣстѣ съ христіанскими вѣрованіями былъ сохраненъ большой остатокъ языческихъ вѣрованій и представленій. Однако, и христіанство провело очень глубокую борозду въ языческихъ представленіяхъ и даже такую, которая никогда не зарастетъ, а расширяясь, дастъ Богъ, совсѣмъ уничтожить языческія представленія и они будутъ

„Дѣлами давно минувшихъ дней,
„Преданьемъ старины глубокой“.

Списокъ пособій.

Авдѣева. Записки о старинномъ и новомъ русскомъ бытѣ. Спб. 1842 г.

Анучинъ. Сани, кони и ладыя, какъ принадлежности похороннаго обряда (Древност. Тр. Моск. Арх. Общ., т. XIV).

Аничковъ. Исторія русской литературы, ч. II, М. 1908 г.

Аванасьевъ. Поэтическія воззрѣнія славянъ на природу, т. I—III, М. 1865—1869 г.

Аванасьевъ. Русскія народныя сказки.

А. Архангельскій. Къ лекціямъ по исторіи рус. литературы. Каз. 1902 г.

А. Архангельскій. Къ изученію древне-русск. литературы. Спб. 1888 г.

Батюшковъ. Споръ души съ тѣломъ въ памятникахъ средневѣковой литературы. Спб. 1891 г.

Барсовъ. Причитанья сѣвернаго края. М. 1872 г.

Буслаевъ. Историческіе очерки русской народной словесности, т. I—II, Спб. 1861 г.

Буслаевъ. О вліяніи христіанства на славянскій языкъ. М. 1848 г.

Баталинъ. Народное творчество (Филолог. записки) 1873 г.

Бодянский. О происхождении славянскихъ письменъ.
М. 1855 г.

Брайловскій. Малорусскія похоронныя причитанія
(Кіевск. стар. XIII).

Безсоновъ. Калѣки переходіе, вып. I—VI.

Владиміровъ. Введеніе въ исторію русск. словесно-
сти. М. 1896 г.

Владиміровъ. Древне-русская литература Кіевск.
періода XII—XIII в. Кіевъ. 1900 г.

Веселовскій. Разысканія въ области русскаго ду-
ховнаго стиха. Спб. 1883 г.

Веселовскій. Сравнительный методъ миѳологіи (Вѣст.
Ев. 1873 г., X).

Виргилій. Энеида.

Варенцовъ. Сборникъ русскихъ духовныхъ стиховъ.
Спб. 1860 г.

Васильевъ. Малорусскіе похоронные обычаи и по-
вѣрья.

Веселовскій. Психологическій параллелизмъ и его
форма въ отраженіяхъ поэтическаго стиля (Журн.
Мин. Нар. Пр. 1898, мартъ).

Гаркави. Сказанія мусульманск. писателей о сла-
вянахъ и русскихъ. Спб. 1870 г.

Горожанскій. Памятники древней письменности.

Гомеръ. Илиада; Одиссея.

Глаголевъ. Изъ чтеній о религіи. Серг.-Пос. 1905 г.

Голубинскій. Исторія русск. церкви, 2-я пол. I т.
М. 1904 г.

Гильсфердингъ. Полное собраніе сочиненій, т. I—IV.

Даль. Пословицы русскаго народа, т. I—II. М.
1862 г. и изд. Вольфа, 1879 г.

Даль. Толковый словарь, I—IV т. Спб. 1880—1882 г.

Драгомановъ. Малоссійскія народн. преданія. Кіевъ. 1876 г.

Ждановъ. Русскій былевой эпосъ. Спб. 1895 г.

Жуковъ. Языческое воззрѣніе зырянъ (Научное Обоз. 1901 г., № 3).

Забѣлинъ. Русскій народъ его обычаи, обряды, преданія, суевѣрія и поэзія.

Забѣлинъ. Исторія русской жизни съ древнѣйшихъ временъ, ч. I. М. 1876 г.

Извѣстія. Ань-Бекри о Руси и славянахъ ч. I.

Кафамзинъ Исторія Государства Россійскаго, I—II. Спб. 1883 г.

П. В. Кирѣевскій. Пѣсни, подъ ред. Безсонова, вып. 1—4. М. 1860—1862 г.

Крек. Einleitung in die Slavische Literaturgeschichte und Darstellung ihrer älteren Perioden. Graz 1887.

Котляревскій. О погребальныхъ обрядахъ у языческихъ славянъ (Сборн. От. русск. яз. и словесн. Имп. Акад. Наукъ, т. XLIX. Спб. 1891 г.).

Келтуяла. Курсъ исторіи русск. литературы, ч I (Истор. древне - русск. литерат., кн. I). Спб. 1906 г.

Коринескій. Народная Русь. М. 1901 г.

Куликовскій. Похоронные обряды Обонѣжскаго края (Этн. Обозр. 1890 г., IV).

Канторовичъ. Средневѣковые процессы о вѣдьмахъ. Спб. 1899 г.

Кулишъ. Записки о южной Россіи т. I.—II. Спб. 1857 г.

Караджичъ. Срѣске народне пјесме, т. I—III 1865 г.

Ключевскій. Курсъ русской исторіи, т. I. М. 1908 г.

Кирша Даниловъ. Древне - русскія стихотворенія, изд. Суворина. Спб.

Крачковскій. Бытъ западно-русскаго селянина (Чт. Об. Ист. и Древн., 1887 г.; IV).

Ляцкій. Болѣзнь и смерть по представленію бѣлоруссовъ (Этногр. Обоз. XIII—XIV).

Лѣтопись по Лаврентьевскому списку, изд. Археографич. Ком. М.

Линпертъ. Исторія культуры. Спб. 1899 г.

Лѣтописи русской литератур. и древности, т. I—IV.

Полное собраніе русскихъ лѣтописей, т. I—III.

Милославскій. Древнее языческое ученіе о странствованіи и переселеніи душъ. Казань. 1873 г.

Мацѣевскій. Очеркъ исторической письменности и просвѣщ. славянскихъ народовъ до XIV в.

Миллеръ. Опытъ историч. обзорѣнія русской словесности, ч. I. Спб. 1865 г.

Миллеръ. Очерки арійской мифологіи.

Вс. Миллеръ. Очерки русской народной словесности. М. 1897.

Вс. Миллеръ. Экскурсы въ область русскаго народнаго эпоса. М. 1892 г.

Мелетичъ. Извѣстія на семинара по славянска филолог. при Университета въ Софія, кн. II за 1906—1907 г.

Митрофанъ. Какъ живутъ наши умершіе, т. I—III. Спб. 1880 г.

Миладиноици. Българск. народн. пѣсни. Загребъ. 1861 г.

Мочульскій. Историко-литературный анализъ стиха о Голубиной книгѣ. Варшава. 1887 г.

Мифологическій словарь.

Милитѣвичъ. Животъ срба селјака у Београду 1867 г.

Макушевъ. Сказанія иностранцевъ о бытѣ и нравахъ славянъ.

Machal. Nákras Slovanskeho bájeslovi.

Никифоровскій. Русское язычество. Спб. 1875 г.

Православный собесѣдникъ 1865 г., авг. (О борьбѣ язычества съ христіанствомъ).

Потебня. О миѳическомъ значеніи нѣкоторыхъ обрядовъ и повѣрій. М. 1865 г.

Потебня. О донѣ и сродныхъ съ нею существахъ (Древ. Тр. Моск. Арх. Общ., т. I).

Потебня. Переправа черезъ воду, какъ представленіе брака. 1867 г.

Поповъ. Вліяніе церковнаго ученія и древне-русской письменности на міросозерцаніе русскаго народа. Казань. 1883 г.

Пьтуховъ. Очерки изъ литературной исторіи снудика. 1895 г.

Пытинъ. Исторія литературы, т. I. Спб. 1902 г.

Пытинъ. Очерки литературной исторіи старинныхъ повѣстей и сказокъ русскихъ. Спб. 1857 г.

Рыбниковъ. Народныя пѣсни старины и побывальщины, вып. I—IV. М. 1861—1868 г.

Le Roy. La religion des primites. Paris. 1909.

Овсяннико-Куликовскій. Религія индѣйцевъ въ эпоху Ведъ (Вѣстн. Евр. 1892 г., апрѣль).

Сумцовъ. Колдуны, вѣдьмы и упыри (Сбор. Харьк. Ист.-Фил. Общ., т. III).

Срезневскій. Обожаніе солнца у древнихъ славянъ (Журн. Мин. Нар. Пр. 1846 г., іюль).

Срезневскій. Извѣстія объ языческомъ богослуженіи древн. славянъ. Спб. 1868 г.

Срезневскій Матеріалы для словаря, т. I—II—III.

Sušil. Moravske narodn. písně.

Смирновъ. Очерки культурной исторіи южныхъ славянъ, вып. I. Казань. 1900 г.

Соловьевъ. Исторія Россіи съ древнѣйшихъ временъ, т. I. М. 1874 г.

Вл. Сахаровъ. Эсхатологическія сочиненія и сказанія въ древне-русской письменности и вліяніе ихъ на духовные стихи. Тула. 1897 г.

Стоглавъ. Казань. 1862 г.

Сахаровъ. Сказанія русск. народа, т. I—II. 1836 г.

Словарь русскихъ суевѣрій, изд. Спб. 1782 г.

Садовниковъ. Загадки русск. народа. Спб. 1901 г.

Садовниковъ. Сказки и преданія Самарскаго края. 1884 г.

Szylc. Mytologija slawanska.

Снегиревъ. Русскіе простонародные праздники и суевѣрные обряды, вып. I. М. 1837 г.; вып. II—III. М. 1838 г.; вып. IV. М. 1839 г.

Срезневскій. Сильвестровскій списокъ XIV в. Житія Бориса и Глѣба.

Сиповскій. Исторія русской словесности, ч. I, вып. I—II. Спб. 1906 г.

Терещенко. Бытъ русскаго народа, ч. I—VII. Спб. 1848 г.

Теобальдъ. Литовско - языческіе очерки. Вильна. 1898 г.

Тейлоръ. Первобытная культура, т. I—II. Спб. 1895 г.

Тихонравовъ. Сочиненія (Древне-русская литерат.), т. I. М. 1898 г.

Тихонравовъ. Памятники отреченной литературы, т. I—II. М. 1863 г.

Успенскій. Похоронныя причитанья (Этног. Обзор. XIII—XIV).

Франко. Апокрифи и легенды з украинських рукописів, IV. Львовъ. 1906 г.

Flügge. Geschichte des Glaubens anlensterblich, I.

Чубинскій. Сочиненія (Труды Этногр.-стат. экспед.

въ зап.-русск край, снаряжен. Имп. Русск. Геогр. Общ. т. I—IV, 1872—1878 г.).

Яковлевъ. Древне-Кіевскія религиозныя сказанія.

Якушкинъ. Русскія народныя пѣсни.

Шарко. Изъ области малороссійскихъ суевѣрій (Этног. Обоз., VIII).

Шафарикъ. Славянскія древности, т. I М. 1837 г.

Шептингъ. Миѣы славянскаго язычества. М. 1849 г.

Шимкевичъ. Корнесловъ русскаго языка. Спб. 1842 г.

Шериль. Начало религій и слѣды монизма въ язычествѣ (Прав. Обозр., 1884 г., т. III).

Шейнъ. Матеріалы для изученія быта и языка русскаго населенія сѣверо-западнаго края, ч. II, Спб. 1890 г.

Шейнъ. Русскія народныя пѣсни, ч. I. М. 1870 г.

Шейнъ. Бѣлорусскія пѣсни. Спб. 1874 г.

Шейнъ. Великоруссъ въ своихъ пѣсняхъ, обрядахъ, обычаяхъ, вѣрованіяхъ, сказкахъ, легендахъ и т. п., т. I, вып. 1—2. Спб. 1898 г.

Шлякинъ. О крестахъ.

Шейковскій. Бытъ подолянъ, т. I—II.

Чтеніе Общ. Истор. и Древн., 1886 г., кн. IV (Народныя представленія о міротвореніи).

Пензенскія Епарх. Вѣдом., 1892 г., №№ 19 — 22 (Троицкій. Вѣра въ русалокъ).

Полтавскія Епарх. Вѣдом., 1865 г., №№ 23 — 24 (Религиозн. характ. древнихъ христіанъ русскихъ).

Русскій Филологич. Вѣстн., 1880 г., т. 3—4 (Обычай и повѣрья Тульск. губ.).

Русскій Филолог. Вѣстн., 1884 г., т. XII (Похоронныя причитанья южнаго края).

Журналь Мин. Нар. Пр. 1863 г., ч. CXVII (Истор очерки народнаго міросозерцанія и суевѣрія).

Филологическія записки. 1868 г. (ст. М. Мюллеръ
„Наука о языкѣ. О силѣ корней. Корень “Mag“.

Вартавскія Университетскія Извѣстія. 1875 г. № 2-3.
(„Жизнь Римлянъ частная и гражданская“).

Журналъ Мин. Нар. Пр. 1874 г. № 176. („Погребальные обряды древнихъ римлянъ“).

ОГЛАВЛЕНИЕ.

	<i>Стр.</i>
Введеніе.....	3
I гл. Вопросъ о будущей жизни въ представленіи древняго человѣка.....	22
II гл. Представленія смерти. (Смерть-мракъ, холодъ, смерть- сонъ. Образы смерти: смерть-птица, звѣроподобное чудовище, человѣкъ, человѣческой скелетъ).....	26
III гл. Представленія души. (Характеръ представленія. Обра- зы души: душа вѣтеръ, огонь, звѣзда, дымъ и паръ, обла- ко, насѣкомое, птица, животное, человѣкъ и его тѣнь).	39
IV гл. Вѣсмертіе души.....	59
V гл. Мѣстопребываніе души по смерти человѣка. (Земля). (Жизнь души на землѣ подъ видами: стихій, растеній, насѣкомыхъ, птицъ и животныхъ, человѣка и его тѣни).	63
VI гл. Мѣстопребываніе души по смерти человѣка. (Невѣдо- мая страна). (Символическое значеніе сожженія умер- шихъ. Мѣстонахожденіе страны отцовъ. Водное про- странство отдѣляющее здѣшній міръ отъ загробнаго и переправа чрезъ него. Погребеніе въ ладѣхъ. Мостъ на нути въ страну отцовъ. Погребеніе на саняхъ, коняхъ. Путешествіе въ страну умершихъ пѣшкомъ. Проводникъ и перевозчикъ къ странѣ отцовъ. Плата за перевозъ. Сторожъ страны усопшихъ).....	92
VII гл. Мѣстопребываніе души по смерти человѣка. (Могила). (Обычай погребенія въ землѣ).....	133

VIII гл. Загробная жизнь души. (Согласіе жизни души съ природой. Загробная жизнь души-отображеніе земной: нужда въ различныхъ предметахъ; дѣленіе на классы и жизнь души каждаго класса. Загробная жизнь души-продолженіе земной. Погребеніе и сожженіе жень. Посмертное вѣнчаніе. Встрѣча умершихъ въ загробномъ мірѣ. Явленія мертвецовъ).....	139
IX гл. Вопросъ о возмедіи въ загробномъ мірѣ у нашего предка древне-русскаго человѣка.....	160
X гл. Представленія загробнаго міра по пріяніи христіанства. (Вліяніе понятій о добродѣтели и грѣхѣ. Рай и населяющія его души. Огненная рѣка и переправа черезъ нее. Проводникъ и перевозчикъ. Сторожъ страны отцовъ. Адъ и населяющія его души. Муки ада. Судъ надъ дупами. Мытарства. Жизнь души на землѣ)....	169
XI гл. Причина живянности язычества въ христіанствѣ ...	194
Списокъ пособій.....	199

Заозерскій, Н. А. проф. Моск. Дух. Акад. Что есть православыи приходъ и чѣмъ долженъ быть? Сергіевъ посадь. 1912. Стр. IV+106. Цѣна 60 коп.

Заозерскій, Н. А. проф. Моск. Дух. Акад. О сущности церковнаго права. Сергіевъ посадь. 1911 г. 96 стр. Цѣна 75 коп.

Заозерскій Н. А. и А. С. Жахановъ. Номоканонъ Иоанна Постника въ его редакціяхъ: грузинской, греческой и славянской. М. 1902. 96+98 стр. Цѣна 2 руб.

Иосифъ Архимандритъ. Исторія Іудейскаго народа по археологіи Іосифа Флавія. (Опытъ критическаго разбора и обработки). Сергіевъ посадь. 1905. VI+484 стр. Цѣна 2 р. 50 к.

А. І. Въ объятіяхъ отчихъ. Дневникъ инока т. І. 3-е изд. Сергіевъ посадь. 1905. XVI+112 стр. Цѣна 50 к.; т. II. 352 стр. Ц. 1 р. 50 к.; т. III. 304 стр. Цѣна 1 р.; т. IV—V. Цѣна 1 руб. 25 коп.; т. VI—VII. Цѣна 1 руб.

Казанскій, П. И. проф. Моск. Дух. Акад. Житіе и чудеса преподобнаго Сергія Радонежскаго Съ альбомомъ изъ жизни преподоб. Сергія. Стр. 104. Цѣна 30 коп.

Альбомъ, жизнь и чудеса препод. Сергія. Роскошное изданіе въ 12 картинъ, раскрашенныхъ. Цѣна 20 коп.

Альбомъ видовъ Лавры и ея монастырей. (Печатается).

Каптеревъ, Н. Ѡ. проф. Моск. Дух. Ак. Патріархъ Никонъ и царь Алексѣй Михайловичъ. Томъ I. Сергіевъ посадь. 1909. Цѣна 3 руб.

Каптеревъ, Н. Ѡ. проф. Москов. Духовн. Академіи. Патріархъ Никонъ и царь Алексѣй Михайловичъ. Томъ II. Сергіевъ посадь. 1912 VII+547+XX+XL. Цѣна 3 руб.

Каптеревъ, Н. Ѡ. проф. Москов. Духовн. Академіи. Патріархъ Никонъ и его противники въ дѣлѣ исправленія церковныхъ обрядовъ. Изданіе 2-е, дополненное. Сергіевъ посадь. 1913. Цѣна 2 руб.

Лаппаранъ А. Наука и Апологетика. Съ предисловіемъ и подъ редакціей проф. С. С. Глаголева. Сергіевъ посадь. 1911. VI+178 стр. Цѣна 1 руб.

Мышцынъ, В. Н. проф. Ярос. Демид. Лицея. Устройство христіанской церкви въ первые два вѣка. Сергіевъ посадь. 1909. 475 стр. Цѣна 3 рубля.

Николинъ, И. П. Очерки по Догматическому Богословію (учебный курсъ). Вып. I и II, IV+217+II+149 стр. М. 1912. Цѣна за оба выпуска 1 руб. 25 коп.

Одобрень въ качествѣ учебнаго пособия и удостоень половинной Макарьевской преміи.

Николинъ, И. П. Курсъ Основнаго Богословія или апологетики. Изд. 3-е, 261+II стр. Сергіевъ посадь 1910. Цѣна 1 руб. 25 коп.

Одобрень въ качествѣ учебнаго пособия и удостоень половинной Макарьевской преміи.

Николинъ, И. П. Что такое нравственность? 2-е дополненное изданіе. Сергіевъ посадь. 1912. Стр. 146. Цѣна 60 коп.

Посмертныя записки іеросхимонаха Кіево-Печерской Лавры отца Антонія. М. 116 стр. Цѣна 50 к.

Графъ Алексисъ Де-Сенъ-При. Исторія паденія іезуитовъ въ XVIII вѣкѣ (1750—1782). М. 1912. 224 стр. Цѣна 75 коп.

Протасовъ, Н. Къ вопросу о религиозномъ элементѣ въ посвященіяхъ у дикарей. Сергіевъ посадь. 1910 г., 24 стр. Цѣна 20 коп.